

巢湖學院
CHAOHU UNIVERSITY

Чэнь Ваньжоу

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ

Чэнь Ваньжоу

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ**

Монография

Чебоксары
Издательский дом «Среда»
2024

УДК 159.9:81
ББК 88:81
Ч-97

Рецензенты:

канд. филол. наук, профессор, директор Института иностранных языков Чаохуского университета (КНР)

Юй Жонци;

канд. филол. наук, доцент Института иностранных языков Чаохуского университета (КНР)

Дун Янь

Ч-97 Чэнь В.

Психолингвистические аспекты исследования содержания ценностей : монография / В. Чэнь. – Чебоксары : Среда, 2024. – 164 с.

ISBN 978-5-907830-21-9

Общечеловеческие ценности играют роль надындивидуальных регуляторов в обществе, отражаясь как в научном общественном сознании, так и в представлениях обычных людей. Данная монография основана на предположении, что реальность, воспринимаемая человеком в процессе деятельности, отражается в его сознании через временные, пространственные и причинные связи между явлениями и объектами. Модель языкового сознания представляет собой совокупность ассоциаций, которые помогают носителям культуры формировать представление о фрагменте мира.

ISBN 978-5-907830-21-9

DOI 10.31483/a-10594

© Чэнь В., 2024

© ИД «Среда», оформление, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. ОСНОВЫ МЕТОДОЛОГИИ И ТЕОРИИ ДЛЯ АНАЛИЗА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ	6
1.1. Процесс социализации и инкультурации личности через активное усвоение культурных норм.....	6
1.2. Психолингвистические аспекты социализации и инкультурации поколений в период перестройки и постперестроечного времени. .	25
1.3. Способы выражения неязыкового сознания	39
ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ.....	51
Глава 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ ЦЕННОСТЕЙ	53
2.1. Триангуляционный метод в психолингвистическом анализе изменений содержания общечеловеческих ценностей в рамках русской культуры	53
2.2. Изучение общественного сознания поколений в социологии и его структура.....	62
2.3. Психологический подход к исследованию общественного сознания	76
2.4. Лингвистический подход к исследованию общественного сознания поколений	80
2.5. Ценности общечеловеческого содержания как отражение общественного сознания представителей национальной культуры.....	82
ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ.....	90
Глава 3. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЦЕННОСТЕЙ.....	92
3.1. Общие теоретические вопросы исследования сознания и языкового сознания	92
3.2. Методы психолингвистического анализа образов языкового сознания	106
3.3. Методология семантического дифференциала в исследовании личностных значений в психологии и психолингвистике	115
ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ	118
Список литературы	121

Введение

Общечеловеческие ценности играют роль надиндивидуальных регуляторов в обществе, отражаясь как в научном общественном сознании, так и в представлениях обычных людей. По мнению В.К. Шохина, ценности представляют собой фундаментальные компоненты личности [НФЭ т. 4: 320]. Они являются не только мощным личностным ресурсом, но и связующим звеном между индивидом и обществом, выполняя социализирующую функцию и влияя на сознание поколений.

Данная монография основана на предположении, что реальность, воспринимаемая человеком в процессе деятельности, отражается в его сознании через временные, пространственные и причинные связи между явлениями и объектами. Модель языкового сознания представляет собой совокупность ассоциаций, которые помогают носителям культуры формировать представление о фрагменте мира.

Целью данного исследования является теоретическое осмысление и изучение изменений базовых ценностей русской культуры в языковом общественном сознании двух поколений: перестроечного и постперестроечного. Работа проводится в рамках методологии Московской психолингвистической школы, которая предполагает анализ содержания ценностей и их значения, отраженных в языковом общественном сознании человека.

Исследование изменений в иерархии и содержании ценностей, связанных с политико-экономическими переменами, представляет значительную актуальность в контексте анализа общественного сознания. Именно поэтому ваше исследование, преследующее диагностическую цель, имеет потенциал оказать влияние на различные гуманитарные науки, расширяя не только понимание языкового сознания, но и его влияние на ценностные ориентации в обществе.

Учитывая интегративные тенденции в мировой науке, вы правильно подметили, что интеграция различных дисциплин способствует их взаимному обогащению. Однако следует помнить о том, что

сохранение границ между дисциплинами с их уникальными методологиями и языком также важно для эффективной работы ученых.

Мысль о процессе социализации наук в контексте решения сложных социокультурных проблем является очень интересной. Применение научных знаний из различных областей для решения сложных проблем добавляет масштабности и глубины научных исследований. Ваше исследование представляет важный шаг в направлении понимания и анализа ценностных изменений в обществе и их отражения в языковом сознании.

Эта монография состоит из трех глав, общее количество слов в которых составляет 267 059 знаков.

Глава 1. ОСНОВЫ МЕТОДОЛОГИИ И ТЕОРИИ ДЛЯ АНАЛИЗА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ

1.1. Процесс социализации и инкультурации личности через активное усвоение культурных норм

Данное исследование фокусируется на трансформации базовых ценностей в общественном сознании двух поколений, социализирующихся в русской культуре. Изменения в иерархии и содержании ценностей, порожденные историческими и политико-экономическими переменами, требуют разработки методологической основы для изучения этих трансформаций, что является ключевым для построения онтологии данного исследования.

Объектом исследования выступает содержание ценностей на трех уровнях общественного сознания личности: официальном, промежуточном и обыденном. Ценности представляют собой значимые формации в сознании личности, которая интегрирует их, развиваясь в обществе. Следовательно, требуется анализировать фундаментальные процессы формирования личности, такие как социализация и инкультурация.

В рамках данной работы проводится обзор современных отечественных и зарубежных теорий социализации и инкультурации, а также процесса усвоения значения слова детьми. Формирование личности в рамках культуры общества подразумевает изучение теорий инкультурации, видов и функций культуры. Одновременно с этим развивается речь ребенка, включая процесс усвоения значения слова.

Значение слова играет ключевую роль в формировании сознания человека, включая языковое сознание. Языковое сознание включает в себя образы сознания, которые формируются и передаются при помощи языковых средств, таких как слова, фразы, тексты и ассоциативные поля. Перцептивные и концептуальные знания об объектах мира овнешняются через языковые средства, позволяя передавать и сохранять эти образы сознания для следующего поколения.

Подходы, представленные в вашем исследовании, отражают важность понимания процессов социализации, инкультурации и

языкового формирования в контексте изменения ценностей в общественном сознании.

Процесс социализации, рассматриваемый в различных аспектах – философском, психологическом, лингвистическом, культурологическом и социологическом, имеет многоуровневую природу. Социологические теории социализации, заложенные Ж.Г. Тардом, Ф. Гиддингом, Г. Зиммелем, играют ключевую роль в понимании этого процесса.

Многие исследователи считают социализацию процессом усвоения социокультурного опыта, включая социальные связи, нормы, модели поведения, знания, навыки и убеждения, которые формируют жизнь общества. Этот процесс простирается на всю жизнь, но большая его часть ложится на период от 2 до 6 лет, известный как первичная социализация, во время которой семья передает социальный и культурный опыт.

На первичном этапе социализации отношения в семье являются основными моделями поведения для ребенка, способствующие формированию инструментов саморегуляции. В это время внешний контроль замещается внутренним, что способствует самоконтролю у ребенка.

Среди навыков, получаемых в ходе первичной социализации, особое значение имеет развитие навыков речевого общения. По словам Л.С. Выготского, общение невозможно без знаков и значения, и знаки являются универсальными носителями культуры. Ключевым элементом передачи мыслей является обобщение, позволяющее человеку обобщать действительность, что обеспечивает социальное общение.

Изучение концепций выдающихся ученых таких, как Л.С. Выготский, Т.Н. Ушакова, С.Н. Цейтлин, Д.Б. Эльконин, Ж. Пиаже, Э. Дюркгейм, Ж.Г. Тард, Ф. Гиддингс, Г. Зиммель, и Т. Парсонс помогает понять, что социализация играет значительную роль в формировании личности и происходит в течение всей жизни, с активной фазой в раннем детстве.

Развитие речи является одновременно генетически обусловленным и социальным явлением. Дословесный период протекает у детей из разных стран и культур одинаково, однако в словесном периоде наблюдаются различия в появлении слов, что связано с культурными особенностями обществ.

Исследования показывают, что даже до рождения ребенок подвержен влиянию языка, звучащего вокруг, и его слуховая система формируется для восприятия этого языка. Ребенок научается соотносить слова с действиями и предметами при регулярном повторении слов в процессе действий взрослых.

Процесс усвоения значений слов ребенком в период социализации рассматривается через деятельностный подход, который подчеркивает зависимость вербальных значений от деятельности. Усвоение социокультурного опыта изменяет содержание психики и вызывает появление новых психических форм, при этом психологические функции опосредованы знаками как носителями культуры.

У Л.С. Выготского подчеркивается, что усвоение социокультурного опыта подготавливает психику ребенка к восприятию, усвоению и пониманию социокультурной действительности. Формирование значений в сознании ребенка происходит в процессе общения со взрослыми с самого момента рождения и, возможно, еще в пренатальный период.

Социализация рассматривается нами как процесс усвоения социокультурного опыта и опыта, который человек накапливает, усваивая действительность в разных формах. Язык также является частью действительности и частью социокультурного опыта. Л.С. Выготский отмечает, что усвоение социокультурного опыта не только изменяет содержание психики, но и вызывает появление новых психических форм. При этом изначально психологические функции, по его мнению, опосредованы знаком как продуктом и носителем культуры. Процесс интериоризации знаков культуры подготавливает психику ребенка для восприятия, усвоения и понимания социокультурной действительности [Выготский 1999: 110]. Формирование значений в сознании ребенка является закономерным результатом усвоения разных аспектов социокультурного опыта, которое происходит в процессе общения со взрослым и начинается с момента рождения и, по некоторым данным, даже в пренатальный период [Стеценко 2005: 16; Ушакова 2011: 175–176].

А.П. Стеценко пишет, что на довербальном этапе у ребенка накапливаются знания о том, что составляет знаковую природу речи как средства общения, т.е. закладывается основа для развития

речи в последующие годы. На данном этапе усвоение речи становится необходимым и возможным для ребенка. Необходимость усвоения речи ребенком рождается из того, что у него возрастает количество потребностей и, следовательно, взаимодействие со взрослым становится более сложным: ребенок должен конкретнее выражать свои намерения и распознавать намерения взрослого; должен передавать и воспринимать информацию о разных событиях и т.д. Для решения подобных задач необходимо новое коммуникативное средство, которым и является речь [Стеценко 2005: 19].

Многие ученые подчеркивают прямую зависимость развития речи от когнитивных способностей. Развитие физических действий играет значительную роль в формировании этих способностей, что раскрывается через овладение различными навыками и готовность ребенка к совместной деятельности с окружающим миром.

В процессе взаимодействия с взрослыми ребенок приобщается к человеческой культуре и коллективному человеческому опыту. Накапливаемый ребенком опыт репрезентируется уже на предречевой стадии в форме значений, что со временем приводит к формированию субъективной системы значений, включающей вербальные и невербальные компоненты.

Усвоение грамматического языка взрослых способствует развитию вербального компонента значения, что в свою очередь влияет на развитие когнитивных способностей ребенка. Исследования Л.С. Выготского указывают на то, что с возрастом значения слов, используемых ребенком, изменяются, отрываясь от первоначальной ситуации, что объясняется знаковой природой слова и его сопоставлением с понятиями.

В начале процесса усвоения значения слова происходит формирование стабильной связи с предметом. Следующим этапом является развитие смыслового значения. Для этого необходимо определить и выделить существенные и несущественные характеристики объекта. Примером, приведенным С.Н. Цейтлином, является мячик: круглая форма и упругость являются существенными признаками, в то время как размер, цвет или текстура - несущественными. Если ребенок указывает на мячи разного размера и цвета, называя их все «мячом», это означает, что в его сознании произошло обобщение и сформировано смысловое значение.

С.Н. Цейтлин, подобно Л.С. Выготскому и А.П. Стеценко, отмечает, что игровые действия с объектами ускоряют процесс формирования значения и усвоения слов у детей. А.Н. Леонтьев говорил о том, что для того чтобы ребенок понял слово как слово, а не только как обозначение предмета, ему необходимо отвлечься от конкретного предметного значения слова.

По словам А.П. Стеценко, до 6 месяцев жизни ребенка основное внимание уделяется ситуативно-личностному общению, затем, в раннем детстве, ситуативно-деловому, связанному с предметами и их использованием. Важная роль в этом процессе принадлежит взрослым, которые не только моделируют действия, но и помогают усваивать значения этих действий. Путем эмуляции действий взрослого, ребенок понимает функциональность объекта, выделяет его особенности и затем переходит к обобщению. Таким образом, для понимания сущности объекта важно сначала освоить способ взаимодействия с ним.

С.Н. Цейтлин делает вывод, что на начальном этапе развития речи значение слова формируется через следующие этапы: закрепление в ситуации; связь с предметом; связь с понятием. [Цейтлин 2000: 62].

Речь у детей значительно отличается от речи взрослых. Ж. Пиаже выделял два типа речи у детей: эгоцентрическую и социализированную. Эгоцентрическая речь предназначена для сопровождения или ритмизации действий ребенка. К 7-8 годам, по мнению Ж. Пиаже, дети начинают проявлять желание работать с другими детьми, что способствует развитию языковых навыков общения. Таким образом, эгоцентрическая речь превращается в социализированную. Но Л.С. Выготский описывал развитие речи у детей по-другому. Он считал, что первоначальная цель речи как у детей, так и у взрослых – это воздействие на окружающих с различными целями, т.е. в начале речь детей имеет чисто социальный характер. Позже речь делится на эгоцентрическую и коммуникативную. Согласно Л.С. Выготскому, эгоцентрическая речь происходит из социальной речи, когда ребенок переносит социальные формы поведения и сотрудничества в свои внутренние психологические функции, которые являются основой внутренней речи. Это служит переходной формой от внешней речи к внутренней.

Ж. Пиаже считал, что в процессе социализации дети преодолевают эгоцентризм, начиная делать не только для себя, а также адаптируя своё мышление к мыслям других. Иными словами, для Пиаже влияние на сознание ребенка скорее приходит от столкновения с мыслями других людей и необходимости учитывать чужие мнения, чем от внешней действительности. Л.С. Выготский отметил, что главной чертой концепции Ж. Пиаже является исключение влияния практической деятельности на формирование сознания ребенка в процессе социализации. Для Выготского процесс социализации мышления предполагает практическое освоение действительности и активную деятельность. В результате эмпирических исследований, проведенных Л.С. Выготским и его коллегами, подтверждено, что развитие мышления и речи, а также весь процесс социализации, невозможны без практического погружения в реальность и без активной деятельности. [Там же: 59 – 60].

По Л.С. Выготскому, социальные и культурные основы жизнедеятельности формируются через концептуализацию. Образование понятий невозможно без слов, и мышление на уровне понятий не существует вне языкового мышления. Понятия отражают элементы действительности, рассматриваемые абстрагированно от реальных ситуаций. Использование понятий требует развития умственных операций, таких как абстракция, идеализация, обобщение, сравнение и определение. В начальной стадии социализации дети могут использовать значения, связанные с реальными предметами и действиями.

Вторичная социализация происходит за пределами семьи - в детских садах, школах, университетах и на работе. Человек воспринимает и внедряет больше моделей поведения, которые затем реализуются в его активности. В процессе вторичной социализации меняется место индивида в системе общественных отношений и характер взаимодействия с обществом, что способствует формированию социальной субъективности в соответствии с общественными нормами.

Помимо двух этапов социализации, выделяются фазы социальной адаптации и интериоризации. Социальная адаптация означает приспособление индивида к социально-экономическим условиям, нормам и ролям в обществе. Интериоризация представляет собой процесс внутреннего осмысления и принятия социальных норм и

ценностей как частей внутреннего мира человека [Стефаненко 1999: 48–51].

Отклоняющаяся социализация проявляется через разнообразные формы девиантного поведения и несоответствия личностному развитию индивида. Ресоциализация представляет собой частный случай социализации, где убеждения индивида заменяются новыми в результате изменения окружения, страны проживания и т.д.

Э. Дюркгейм использовал понятие «социализация» для отличия «науки о воспитании» от области педагогической науки. Он построил свою теорию социализации на концепции двойственной природы человека, где биологическая и социальная стороны противоречат друг другу. Это противоречие может быть преодолено через воспитание, проводимое обществом. Главной целью социализации по мнению Э. Дюркгейма является включение человека в «коллективное сознание», что обеспечивает однородность и целостность в обществе.

Основным институтом социализации, согласно этой теории, является государство, которое защищает коллективные интересы и играет ключевую роль в социализации личности, передавая ей систему объективных правил поведения – мораль. Э. Дюркгейм выделяет два уровня моральных норм: нижний уровень включает семейные, профессиональные и религиозные ценности, а верхний уровень – общечеловеческие ценности и идеалы, закрепленные в государстве.

Согласно отечественному социологу Ю.В. Кузнецову, теория социализации Э. Дюркгейма объясняет проблему существования индивидуальной воли в рамках интериоризации общечеловеческих ценностей. Однако данная теория критикуется за излишнее подчеркивание роли общих норм и социально-структурных влияний, а также за недооценку значимости индивидуальных характеристик. Классификация ценностей, предложенная Э. Дюркгеймом, может быть полезна для интерпретации содержания общечеловеческих ценностей в рамках нашего исследования.

Различные ученые, такие как Ю. Хабермас, Г. Тард, Ф. Гиддингс и Н. Смелзер, также подчеркивают важную роль общества в формировании личности. К. Маркс значительно повлиял на развитие теорий социализации, представив сущность человека как результат всех общественных отношений. Согласно его теории, социальная

среда, формирующая личность, является одновременно условием и результатом деятельности индивида.

Г. Гард первым попытался описать процесс интериоризации норм через социальное взаимодействие, выделяя типовые отношения, такие как «учитель – ученик», а подражание – основной метод социализации. У Ф. Гиддингса ключевым способом социализации является социальное принуждение, а сам процесс социализации представлен как объединение различных элементов общества в однородный тип. По критической теории общества Ю. Хабермаса, социализация затрагивает ту часть личности, где заложена общественная сущность, обеспечивающая ее функционирование в обществе. Другая часть личности отвечает за критическую оценку общества и его элементов, которые могут препятствовать развитию человека. Н. Смелзнер также придает социализации общественную направленность, указывая на две функции этого процесса: содействие взаимодействию между людьми на основе социальных ролей и обеспечение сохранения общества через усвоение новыми членами ценностей и норм поведения. [Смелзнер 1994: 94 – 130].

Мы согласны, что влияние общества играет ключевую роль в формировании личности. Рассмотренные выше теории выделяют социальный аспект личности на передний план, что позволяет использовать их для объяснения формирования общественного сознания. Тем не менее, необходимо помнить о значительном влиянии индивидуальных характеристик в процессе социализации.

Также стоит отметить теорию социализации Ж. Пиаже, который подчеркивает активную роль субъекта социализации. В своем труде «Происхождение интеллекта у детей» Ж. Пиаже утверждает, что социальность присуща ребенку с рождения. Общество постоянно воздействует на структуру личности ребенка, предлагая готовые ценностные системы.

Ж. Пиаже уделяет особое внимание развитию когнитивных структур индивида и разделяет процесс социализации на четыре стадии: сенсомоторную, дооперациональную, конкретно-операциональную и формально-операциональную. На каждой из этих стадий индивид приобретает новые навыки, проходя их с разной скоростью и результатами. Согласно Ж. Пиаже, для перехода на следующую стадию используются процессы ассимиляции (усвоения

системы ценностей) и аккомодации (приспособления данных ценностей к новым ситуациям). Новый опыт усваивается через уже сформировавшиеся когнитивные схемы.

Теория социализации Т. Парсонса объединяет различные подходы, считая социализацию ключевым средством сохранения общественного равновесия. Важным аспектом является социальный контроль, который помогает поддерживать порядок среди людей. Адаптация индивидов к социальной среде способствует формированию разнообразных ролей в одном индивиде. Т. Парсонс отмечает важную роль школы в урегулировании противоречий между семьей и производством.

Современные западные исследования социализации сосредотачиваются на символическом интеракционизме, рассматривая социализацию как результат социального взаимодействия. Чикагская и айовская школы социологии развивают это направление. Основная концепция Дж. Г. Мида заключается в том, что действия индивида отражают его психическое состояние, вызывая реакции других людей и развивая способность к общению через «значимые жесты» или символы.

Под влиянием Г. Блумера, ученика Дж. Г. Мида, выделяют не-символическое и символическое взаимодействие, где последнее подразумевает интерпретацию действий. Теория ролей, разработанная Дж. Г. Мидом, рассматривает общество как систему общения и действий, основанных на едином наборе значений-символов. Усвоение общих значений и способность предвидеть реакции других людей на свои действия развивают социальность и способность к рефлексии у индивида. Для успешного взаимодействия важно принятие роли собеседника, что, по Миду, формирует личность из индивида.

Чикагская школа символического интеракционизма, возглавляемая Г. Блумером, изучает роль языка как средства социализации, способствующего внутреннему развитию. Они утверждают, что язык может создавать новые миры.

Одной из слабостей этой школы является неопределенность понятий и недостаток конкретизации используемых терминов, а также отсутствие экспериментальных исследований. Согласно Г. Блумеру, фиксация индивидуальных характеристик затруднена

из-за их постоянного изменения в процессе взаимодействия с другими людьми и под воздействием импульсивного «Я».

Айовская школа символического интеракционизма, представленная М. Куном, стремится эмпирически подтвердить теории Дж. Г. Мида. Теория самооценки личности Куна утверждает, что поведение человека определяется его восприятием окружающего мира, включая самого себя. Этот подход положен в основу теста 20 ответов по самооценке, который выявляет влияние социальных ролей на самооценку.

Хотя символический интеракционизм достоинства, такие как представление личности как социального явления, выделяются некоторыми исследователями, его недостатками является сужение социальных связей до межличностного общения и игнорирование важности деятельности. Таким образом, оказывается недооцененным влияние исторических и социально-экономических факторов. Как отмечает И.С. Кон, для формирования личности кроме обмена мнениями при взаимодействии, также значительную роль играет «обмен деятельностью».

Изучаемый тезаурусный подход к социализации, разработанный Вал. А. и Вл. А. Луковыми, представляет собой структурированную часть мировой культуры, которую индивид осваивает. Эта организация знаний тесно связана с общественным статусом человека. Они выделяют активную роль индивида в процессе социализации, что приближает их подход к идеям Ж. Пиаже.

Принимается гипотеза о том, что социализация происходит изнутри на основе тезаурусных конструкций. Может существовать несколько иерархически упорядоченных тезаурусных конструкций в одном обществе, изменения в которых зависят от социальных изменений и личных восприятий. Механизмы социализации передают эти тезаурусные конструкции.

Индивидуум формирует тезаурус, встречаясь с другими конструкциями в обществе, принимая или отвергая актуальные схемы, разделяя их на «свое» и «чужое». Тезаурус имеет ценностную направленность с ядром индивидуальных приоритетов и размытыми границами для изменений.

Структура тезауруса включает образы самого себя и других людей, отношения, семью, и группы. Изменения в тезаурусе могут

быть связаны как с личными событиями, так и с глобальными общественными явлениями. Тезаурусный подход позволяет преодолевать противоречия в теориях социализации и соответствует символическому интеракционизму Чикагской школы социологии.

Авторы признают, что характеристиками любого тезауруса являются его неполнота, фрагментарность и непоследовательность, которые, естественно, не считаются позитивными чертами. Создатели тезаурусного подхода опираются на современную тенденцию в науке к субъективации научного знания, что Луковы считают естественным этапом развития культуры. Несмотря на упомянутые недостатки, тезаурусный подход обладает большим потенциалом для систематизации результатов социологических исследований, что в настоящее время является проблемой.

Тезаурусный подход может быть продуктивен для нашего исследования благодаря своей аксиологической направленности. Анализ ценностей представляет сложность из-за невозможности их дифференцировать в рамках одной предметной области. Однако данный подход характеризуется определенной упорядоченностью, что способствует систематизации результатов, а также гибкостью, что позволяет использовать его для объяснения различных социологических результатов.

Тезаурусный подход заслуживает внимания за учет современных научных тенденций, включая индивидуализацию научного знания. Кроме того, он может широко применяться для решения разнообразных проблем гуманитарных наук, связанных с трудно формализуемыми явлениями, такими как духовные ценности.

Ключевым аспектом нашей работы является разработанная отечественными психологами деятельностная теория личности, поскольку она учитывает воздействие индивидуальных характеристик, общественной жизни и деятельности на формирование личности. Источником, оказавшим влияние на деятельностный подход, является культурно-историческая концепция Л.С. Выготского. Он оправдал социокультурную природу человеческой психики. Согласно данной концепции, в процессе социальной жизни и развития трудовой деятельности возникают новые формы психики - высшие психические функции, такие как произвольная память, внимание, абстрактно-логическое мышление и речь.

Первоначально возникающие высшие психические функции используются детьми для взаимодействия с другими людьми, то есть на межличностном уровне, и затем на интрапсихическом, когда эти функции становятся индивидуальными особенностями человека. Выготский указывает, что обучение предшествует развитию, так как формирование высших психических функций происходит благодаря взаимодействию между индивидами.

По мнению Л.С. Выготского, личность представляет собой социокультурное образование, вырастающее из культурного развития. Решающим для культурного развития ребенка является момент, когда он осваивает первые инструменты, которые позволяют ему воздействовать на окружающую среду. Это способствует формированию первых сложных механических сенсомоторных связей, что соответствует развитию базовых форм адаптации ребенка к внешним условиям жизни.

Важным моментом в развитии ребенка является приобретение им возможности использования речи, начиная с периода лепета в раннем детстве, которое направлено на социальные функции, такие как привлечение внимания. Согласно Л.С. Выготскому, следующим этапом является процесс обучения ребенка ходьбе и развитию речи. Оба эти момента означают расширение способностей ребенка к адаптации к окружающей среде. Уникальные формы и методы взаимодействия с окружающими изменяются для каждого возраста, что Л.С. Выготский называет социальной ситуацией развития в конкретном возрасте.

Для Л.С. Выготского ключевым условием развития психики ребенка является общение с взрослыми. Хотя речь играет значительную роль в этом процессе, она не единственный источник развития. Как отмечают А.Н. Леонтьев и С.Л. Рубинштейн, в рамках деятельностной теории личности развитие личности зависит как от общения, так и от активности человека. В частности, С.Л. Рубинштейн представляет человека как активного субъекта, который взаимодействует с окружающим миром через свое сознание и деятельность. По мнению Рубинштейна, субъект определяется своими действиями, так как он осуществляет свое самореализацию через них.

Согласно деятельностному подходу, который разработал А.Н. Леонтьев, деятельность понимается как процесс взаимодействия человека с окружающим миром. Психика рассматривается

как вид жизнедеятельности индивида, направленный на решение проблем взаимодействия с окружающим миром. Человеческое развитие имеет социальный характер, и опыт человечества закладывается в материальных и духовных аспектах культуры. Этот опыт передается через воспитание и обучение.

По теории деятельности А.Н. Леонтьева, внешняя предметная деятельность формирует внутренние психические процессы. Оба вида деятельности имеют социально-историческую природу. Одной из ключевых характеристик деятельности является ее предметность - направленность на реальные объекты. Структура деятельности субъекта зависит от свойств объекта, с которым он взаимодействует. Развитие материальной деятельности способствует развитию ее психического отражения, что влияет на регуляцию деятельности в мире объектов.

Деятельность по Леонтьеву имеет кольцевую структуру: начинается с воздействия на предмет, затем происходит включение реальных свойств предмета, после чего субъект получает новую информацию для корректировки дальнейших действий. Деятельность запускается предметом, его образ формируется в психике субъекта, и затем субъект использует этот образ для последующей конструкции своей деятельности. [Леонтьев А.Н. 1975: 39–40].

Концепция деятельности, предложенная А.Н. Леонтьевым, распространяется и на эмоционально-потребную сферу человека. Элементами деятельности индивида являются потребность, мотивация, цель, действия, условия и операции. Важным аспектом в этой модели является роль потребности, которая направляет деятельность при обнаружении объекта, способного удовлетворить данную потребность. Процесс обнаружения объекта, который может удовлетворить потребность, называется актом опредмечивания потребности. Психологическое отражение деятельности происходит на этом уровне, способствуя развитию содержания потребностей в предметной форме. Например, жажду можно определить как потребность воды. Развитие предметного содержания потребности способствует появлению новых потребностей и возникновению переносных значений понятий, таких как «жажда жизни» или «жажда наживы».

А.Н. Леонтьев выводит, что предметность деятельности стимулирует не только формирование предметных психических образов, но и предметность потребностей, эмоций и чувств.

Субъекты занимаются различными видами деятельности, которые отличаются особыми потребностями, формами, способами, временными и пространственными характеристиками и другими аспектами, включая предметы. По мнению А.Н. Леонтьева, предмет деятельности является ее мотивом, соответствующим потребности. Важными элементами различных видов деятельности являются действия, с помощью которых она выполняется. Каждое действие, используемое в деятельности, связано с осознанной целью.

Деятельность по утолению жажды возникает из потребности в воде, что является мотивом. Однако действия человека направлены не на саму воду, а на ее добычу. Например, бурение скважины может стать целью этой деятельности. А.Н. Леонтьев называет способы реализации действий операциями. Операции зависят от условий. Например, для бурения скважины требуется учитывать различный состав почвы. Следовательно, использование соответствующих инструментов становится необходимым.

Как было отмечено, структура и характеристики деятельности отражены в языке через концепции, обобщающие методы действия. Реальный объект, на который направлена деятельность, выступает мотивом. Объект обладает множеством свойств, поэтому мотивом может быть идеальный образ объекта с определенным ключевым свойством, необходимым для данной деятельности. Эти свойства объекта фиксируются в языке как значения, которые входят в систему общественного сознания и являются социокультурными феноменами. [Леонтьев А.А. 1983].

Личность является носителем общественного сознания. Согласно А.Н. Леонтьеву, формирование личности определяется темпераментом, характером, способностями и знаниями человека. Личность представляет собой сущность, которая управляется психическими процессами, формируется в результате общественных отношений и воплощает совокупность деятельностей.

В процессе деятельности происходит интериоризация внешних форм, что приводит к субъективному восприятию реальности. Этот процесс перевода внешних действий в умственные формы сопро-

вождается трансформацией, позволяющей развитию внешних процессов превзойти лишь поверхностные проявления. Одновременно происходит экстерииоризация внутренних форм деятельности, где они превращаются в свойства объекта.

В рамках теории деятельности формирование личности начинается с внешней формы и затем постепенно возникает внутренняя, осознанная индивидом. При этом происходит развитие целеобразования и последующее развитие действий субъекта. Действия обогащаются, превращаясь в собственные мотивы, порождая новые мотивы и, в конечном итоге, новые действия. Этот процесс непрерывен на протяжении всей жизни человека.

Для формирования личности ключевыми являются два процесса: опредмечивание и распредемечивание. Распредмечивание культурных объектов позволяет индивиду присваивать им свойства, осваивать навыки и изменять себя, тем самым входя в культуру и расширяя свой социокультурный мир. Опредемечивание способностей приводит к созданию реальности через воплощение навыков в культурные объекты, а распредемечивание – используя культурные предметы, формирует и приобретает навыки и способности. Через деятельность человек, будучи социальным существом, воспроизводит себя и остается в контексте культуры.

С одной стороны, недостатком теории деятельности для нашего исследования является ее фокусировка на индивидуальной, а не коллективной деятельности. С другой стороны, деятельностный подход обладает значительной объяснительной силой и позволяет проводить параллели между индивидуальной и коллективной деятельностью, используя его как отправную точку.

Психологическая теория деятельности В.В. Давыдова и его последователей развивала понимание коллективной деятельности. Согласно этой теории, коллективная деятельность представляет собой взаимодействие, понимаемое как общение. Постоянный обмен мыслями и действиями способствует формированию саморефлексии. Интериоризация, упомянутая Л.С. Выготским, в данном случае означает присваивание индивидом форм коллективной деятельности.

В процессе социализации индивид развивается в рамках определенного культурного сообщества, приобретая культурные компоненты, характерные для данного общества. Сознание каждого

народа строится на своей системе ценностей, стереотипов и когнитивных схем. Культура оказывает влияние на все аспекты жизнедеятельности человека, включая сознание и язык. В процессе социализации культурные объекты рассматриваются как нормы и продукты материального производства, характерные для данного общества.

Человек постигает культуру через знаковую систему и процессы обучения. Различные знаковые системы передают накопленный человечеством опыт в виде программ деятельности, поведения и общения. Этот опыт может быть выражен как программы, имеющие иерархию: реликтовые программы (например, традиции), программы, обеспечивающие воспроизводство общества, и программы, создающие предпосылки для изменений в жизни общества.

Опыт человечества заложен в универсальных культурных ценностях. Обычно выделяют две группы универсалий. Первая группа содержит общие аспекты объектов, входящих в сферу деятельности человека. Эти аспекты, такие как пространство, время, движение, являются базовыми структурами человеческого мышления. Вторая группа состоит из категорий, которые определяют индивида как субъекта деятельности: его коммуникативная структура, отношения с другими людьми, цели и духовные ценности жизни.

Процесс усвоения особенностей культуры, происходящий параллельно социализации, называется инкультурацией. По мнению американского культурного антрополога М. Херсковица, без усвоения культурных норм индивид не может функционировать как член общества. Он утверждает, что социализация представляет собой процесс интеграции человека в общество, приобретения опыта для исполнения социальных ролей. Инкультурация предполагает усвоение человеком устоявшихся культурных ценностей и взглядов. Это приводит к схожести с другими членами культуры как по когнитивной, так и по эмоциональной стороне. Результатом социализации становится формирование личности, в то время как результатом инкультурации является образованный человек, который принял систему ценностей, этикета, способы интерпретации явлений, традиции и неофициальные статусные роли.

М. Херсковиц определяет детство как первый этап инкультурации. На этом этапе ребенок пассивно воспринимает информацию

от родителей. Второй этап – это зрелость, на котором инкультурация становится более дискретной, затрагивая лишь отдельные элементы культуры. Индивид сам решает, что принять, что отвергнуть или изменить. Такая возможность изменений способствует развитию культуры. Благодаря разнообразию выбора каждым индивидом отдельных элементов культуры, новое поколение не повторяет полностью предыдущее в социокультурном аспекте. Это может выражаться в незначительных различиях между поколениями или в сбое при передаче культурных норм и ценностей.

Одновременность процессов представляет сложность в разграничении двух понятий. Например, согласно американской исследовательнице М. Мид, социализация определяется как обучение в общем смысле, в то время как инкультурация описывается как обучение в рамках конкретной культуры. Американский ученый Д. Мацумото различает социализацию и инкультурацию как процессы освоения культурно-общественных норм и продуктов этого процесса – субъективное восприятие культуры – соответственно.

Одной из важнейших функций культуры является передача унаследованных качеств человека. Эти качества транслируются в форме социокодов, которые составляют сложные семиотические системы. В.С. Степин определяет социокоды как составляющие человеческой деятельности, такие как инструменты труда, модели поведения, социальные стандарты, методы действий, продукты труда, язык и прочее. Таким образом, в обществе распространяется общая система норм и ценностей, формируя чувство принадлежности к определенной группе. Семиотические системы уникальны для каждой культуры и определяют характер общественной и личной деятельности. Они не только передают информацию, но и сохраняют социальный опыт, что способствует целостности и стабильности общества.

Хотя вышеприведенное утверждение является ключевым для нашего исследования, стоит обратить внимание на классификацию форм культуры, которая объединяет материальное и идеальное. Согласно широкому мнению, культура существует: в виде материальных объектов (артефактов); как совокупность действий (деятельностная форма), включающих способы создания культурных объектов; и в идеальной форме – через образы сознания, порождаемые в процессе предметной деятельности, а затем осознанные и

воплощенные в виде ценностей культурных объектов в сознании и мышлении людей. Эти ценности, внутренне осознанные индивидами, объединяют членов общества, которые разделяют данную культуру, и облегчают их взаимодействие [Тарасов 2004].

Согласно деятельностному подходу, общество представляет собой коллективный субъект, а культура – это способы, средства и результаты его деятельности. Деятельность может осуществляться во взаимодействии с коллективом или индивидуально в окружающем мире. Несмотря на различные условия деятельности, она всегда включена в общественные отношения, являясь составным элементом системы отношений в обществе. Следовательно, знания о социальных структурах и культурных установках не могут быть реализованы вне этого контекста.

По мнению А.Н. Леонтьева, ошибочно считать общество только «внешними условиями», к которым человек должен приспособляться, как животное, чтобы выжить. В самом обществе существуют мотивы, цели деятельности, а также средства ее осуществления. Способы и средства деятельности, используемые индивидом, определяют его психологические процессы, формируясь через действия или речь.

Рассматривая социализацию и инкультурацию как вид деятельности, их предметом можно считать социальные структуры и элементы духовной культуры соответственно. Эти объекты стимулируют индивида осваивать их, поскольку становятся его потребностями. Предмет деятельности служит ее основным мотивом. Как результат, в процессе появляется продукт, который может быть как материальным, так и нематериальным.

В данном разделе была рассмотрена общепринятая периодизация социализации личности, концепции формирования личности и социализационные теории, а также развитие языкового значения у детей. Теории социализации классифицируются по роли объективных и субъективных факторов, выраженных в индивидуальном и общественном воздействиях. Большинство исследователей признают важность обоих факторов для эффективной социализации.

Существует различное восприятие социализации: как конфликт между индивидом и обществом или как гармоничное взаимодействие общества и личности. Тем не менее, все соглашаются с тем, что личность не может существовать в изоляции от общества.

Ключевые положения теорий формирования личности в контексте культуры подчеркивают, что социализация оказывает основополагающее воздействие на формирование личности. Этот процесс происходит параллельно с инкультурацией, которая заключается в усвоении специфичных для каждого общества норм и предписаний. Процесс присвоения культуры происходит путем усвоения культурных артефактов и их значений. Здесь ключевую роль играют процессы опредмечивания и распредмечивания, поэтому социализация и инкультурация могут быть рассмотрены как разновидности предметной деятельности. Деятельностный подход обладает высокой объяснительной мощностью, так как деятельность пронизывает всю жизнь человека, эта концепция была разработана Л.С. Выготским и А.Н. Леонтьевым.

При обсуждении цели данного исследования, а именно анализа изменений базовых ценностей в русской культуре, мы видим потенциал в использовании нового социологического подхода, разработанного Вал. А. и Вл. А. Луковыми – тезаурусного. Этот подход имеет акцент на ценностях и гибкость, что позволяет учитывать разнообразные социологические и лингвистические данные при исследованиях.

1.2. Психолингвистические аспекты социализации и инкультурации поколений в период перестройки и постперестроечного времени

В этом разделе мы рассмотрим определение термина «поколение» и теории анализа поколений, а также ценностные установки перестроечного и постперестроечного поколений. Поколение, как и отдельный индивид, проходит стадии социализации, усваивая культуру и воздействуя на нее. Здесь под культурой мы понимаем всё, что было создано человеком в материальном и духовном мире. Согласно В.С. Степину, культура не совпадает с обществом, но пронизывает все его сферы. Культуру можно рассматривать как систему информационных кодов, или социокодов, которые закрепляют и передают социальный опыт из поколения в поколение. Каждое поколение также вносит свой вклад в изменение культуры. Через культуру проявляется сознание поколения, выражающееся в предметах, образцах поведения и языке. Следовательно, анализ жизнедеятельности определенного поколения, его исторического контекста и времени может помочь объяснить изменения в сознании. Эти изменения отслеживаются через базовые социокоды, выраженные языком. Основными социокодами для нас являются общечеловеческие ценности и антиценности. Система ценностей и антиценностей служит информационными структурами, которые обеспечивают саморегуляцию общества и сохраняют его стабильность.

Язык не только отражает человеческий опыт, но и формирует новый опыт в процессе общения. В рамках деятельностной онтологии общение рассматривается как часть совместной деятельности индивидов и выступает как знаковая активность сотрудничающих личностей с целью организации совместных действий.

Как было упомянуто в предыдущем разделе, в социальном опыте можно выделить 2 блока универсалий: первый блок описывает характеристики объектов человеческой деятельности (например, мера, вес и т.д.); второй блок определяет отношение человека к обществу, своей деятельности, самому себе, миру, и представлен общечеловеческими ценностями и антиценностями. Несмотря на универсальность категорий культуры, они приобретают особенное закрепление в различных обществах, присущи им национальные и

этнические значения и смыслы. Таким образом, универсалии культуры являются основой для формирования национально-культурного компонента. Изменения в жизни общества, такие как появление новых видов деятельности и поведения, влияют не только на изменение значений социокодов, но и на их состав. Согласно В.С. Степину, «изменение общества всегда включает в себя пересмотр глубоких смыслов и ценностей, утвержденных в универсалиях культуры».

Существующие и возникающие значения социокодов закрепляются в сознании общества через языковую форму. При социализации индивид усваивает значения культурных универсалий, которые получают конкретное наполнение через коллективный и индивидуальный опыт. Как отмечает В.П. Зинченко, присвоение смысла объектам реальности является характеристикой индивида. Однако изучение сознания общества требует изучения значений объектов реальности, так как именно через значения проявляется «привязанность этого сознания к общественному сознанию, к культуре».

Психолингвистический аспект трансформации общечеловеческих ценностей заключается в изучении сознания, выраженного через язык. Язык является ключевым материалом для изучения и объяснения изменений в социокодах. Для получения точных и истинных результатов необходимо учитывать исторические и социологические факты.

При анализе базовых социокодов, или ценностных установок поколения, мы рассматриваем поколение как составляющую нации, где ценностные установки определяются не только историческим контекстом, но также национальными особенностями. К. Касьянова, в своей книге «О русском характере», отмечает, что единство экономики, стабильность общности людей при соблюдении языкового, территориального и культурного единства, играет ключевую роль в формировании ценностных установок поколения [Касьянова 1994: 3–4].

Важность исторической локализации выражается через так называемую «формулу Ренана»: «Общие славные деяния в прошлом и согласованное *Streben* (стремление) в настоящем; память о великих сделанных делах и готовность к новым – вот ключевые условия для формирования нации».

Э. Дюркгейм отмечает, что фактором, который объединяет общество, является идея, которую формирует само общество, собственное представление о себе; в противном случае это может привести к хаосу. Сознание места нации в мире и истории, понимание отличий между нациями на уровне индивида способствуют формированию национальной идентичности. Национальные представления о себе и о мире являются основой моральной интуиции, которая помогает избежать противоречивых установок.

При рассмотрении понятия «поколение», В.В. Семёнова выделяет несколько контекстов для определения этого термина. В первом контексте, эволюционном, поколение рассматривается как биологическое понятие, описывающее различные формы одного организма, отличающиеся по строению, образу жизни и способу размножения. Во втором контексте генеалогическом, поколение определяется как группа особей, равноудаленных от общего предка. Третий контекст – демографическое определение поколения как социальной группы, родившейся в течение короткого временного периода, обычно года. И, наконец, четвертый контекст связан с историко-культурным значением термина «поколение», обозначающим участников одного события и современников важных исторических событий как людей с общими ориентациями и настроениями [Семёнова 2009: 7].

В процессе анализа поколений возникают две основные проблемы, которые поднимает Б.В. Дубин в своей статье «Поколение: смысл и границы поколения»: определение границ поколения и необходимость различия между теми, кто определяет данное поколение, и теми, кто составляет общий контекст времени [Дубин 2002]. По мнению Б.В. Дубина, поколение воспринимается как форма социальной связи и символической солидарности, объединяющая социокультурный опыт, который имеет значение для конкретного поколения. В интеллигентской лексике поколение рассматривается как способ «социального сопоставления» [Там же].

В работе «Социальная динамика поколений» В.В. Семёнова отмечает, что крупное историческое событие, пережитое общностью и остающееся в ее памяти как наиболее значимое, часто является отправной точкой для определения поколения. Для решения второй проблемы в российской социально-исторической традиции используется критерий «выразителя дум» [Семёнова 2009: 11–12]. В

историческом плане поколение связывается с заметными изменениями в обществе и может именоваться по самой активной части общества, определяющей его настроение.

При изучении семантики понятия «поколение», Б.В. Дубин выделяет семь смыслов, которые оно включает в себя:

Мера самоопределения действующих индивидов;

Циклы смены групп действующих субъектов;

Норма социальной реализации;

Сбой программ социальной реализации;

Проблема «потерянных» поколений;

Взаимодействие элиты и массы в контексте массовых социальных институтов;

«Именные» поколения, олицетворяющие современников социальных изменений [Дубин 2002].

В своей статье «Поколение: опыт деконструкции понятия» С.Н. Зенкин также обсуждает объединение двух аспектов при определении данного термина:

Формально-хронологический аспект, отражающий меру времени жизни общества и культуры;

Содержательно-номенклатурный аспект, характеризующийся конфликтом различных социальных сознаний [Зенкин 2005].

Согласно Ю.А. Леваде, В.В. Семёновой и другим исследователям, на сегодняшний день в обществе наблюдается не просто двусторонний конфликт между «отцами и детьми», а трехсторонний конфликт между старшим, средним и младшим поколениями [Семёнова 2009: 14–15]. Современная социология связывает этот конфликт с борьбой за ресурсы, такие как рабочие места. В контексте конфликта поколений часто утверждается наличие «разрыва» между ними. Ю.А. Левада определяет «разрыв поколений» как «ценностный раскол», который возникает при определенных исторических условиях, в случае появления группы, противостоящей традиционному укладу жизни [Левада 2011: 143–144].

В культурно-историческом плане ясно выделенных границ между поколениями нет. Здесь можно говорить о духовной общности некоторых членов общества. Однако каждый индивид может придерживаться принципов, совпадающих с одной группой и противоречащих или отличающихся от других.

Правомерно подчеркивая значимость учета двух аспектов при определении границ поколения, временного и семантического, С.Н. Зенкин отмечает, что наименования или характеристики поколений часто связываются с определенными историческими событиями, произошедшими в период зрелости действующих индивидов [Зенкин 2005].

В социокультурном контексте особое значение приобретает уникальность каждой группы индивидов, родившихся в одно и то же время, обладающих схожими опытом, интересами и взглядами.

Для анализа понятия «поколение» в области социальных наук методологическую основу представляет изучение социальной дифференциации больших исторических общностей относительно развития общества, национальной специфики, вытекающей из определенной временной точки на исторической шкале [Семёнова 2009: 8].

В.В. Семёнова отмечает, что в прошлом поколениями в основном занимались писатели. Они сконцентрировались на интеллектуальных и социально активных слоях, которые затем становились типичными представляющими поколение. В то время массовые представители поколения не привлекали культурного внимания, что привело к тому, что описание поколений было связано в основном с наиболее заметными личностями [Там же: 11–12; 46].

В социологии существует множество подходов к изучению поколений, из которых два наиболее широко распространены и популярны: межпоколенческий – сравнительный анализ различных поколений, и внутривыпускной – анализ изменений внутри одного поколения. Внутривыпускной подход основан на концепции жизненного пути, разработанной иностранными социологами, такими как Б. Ньюгартен, Ж. Нюттен, Г. Элдер. По данной концепции, жизнь рассматривается как процесс движения через пространство, определяемое возрастом [Там же: 20–21; 139–140].

При изучении формирования поколений учитываются две основные гипотезы. Первая предполагает, что прошлые события играют ключевую роль в формировании поколений. Вторая гипотеза подчеркивает важность первичной социализации, однако отмечает постоянный характер этого процесса и возможность качественных изменений на более поздних этапах вследствие эволюции коллективного опыта поколения [Там же: 140–141].

Скорость модернизации общества имеет значительное влияние на социализацию поколений. Отличие между западным и российским обществом заключается в том, что в российском обществе больше внимания уделяется различию между поколениями, а в западном – внутренней дифференциации. Согласно Б.В. Дубину, это обусловлено особенностями российского менталитета и запаздывающим процессом модернизации. Таким образом, различные формы принадлежности естественного и формального характера являются социокультурными индикаторами [Дубин 2001: 53–69; 155–162].

Если социализация подразумевает передачу жизненного опыта от одного поколения к другому, то в России наблюдается разрыв в связи «между отцами и детьми», что приводит к утрате части опыта старшего поколения и, следовательно, к изменению ценностей [Дубин 2002]. По мнению Б.В. Дубина, в российском обществе отсутствует общая ценностная система, направленная на улучшение общества и культуры. Поколения в России характеризуются социальной нереализованностью, которая передается от поколения к поколению. Б.В. Дубин заключает, что «российский социальный механизм» неспособен продвигаться из-за отсутствия необходимых адаптаций: нет независимых элит, самостоятельных социальных институтов, защищающих свои ценности и сохраняющих свои цели. Например, исследование Левада-Центра 2011 года «Молодежь России» отмечает, что многие взрослые россияне посчитали себя проигравшими в результате реформ, их надежды на перемены в жизни были заменены разочарованием, и их жизненный смысл стал связываться с надеждами на лучшее будущее для своих детей [Гудков, Дубин, Зоркая 2001а: 8].

Согласно В.В. Семёновой, коллективные представления поколения могут быть идентифицированы через важнейшие символы, формирующие его сознание и возникшие в результате конкретной исторической локализации.

Согласно В.В. Семёновой, для изучения поколенческих культур наиболее подходящим является дискурсивно-прагматический подход М. Корстена. Этот подход фокусируется на анализе лексического отражения поколения как ключевого способа выражения самоидентичности [Семёнова 2009: 72–73]. М. Корстен уточняет процесс формирования общих «формативных» принципов поколения,

которые определяются дискурсивными практиками и реакцией на изменения исторического контекста в период юношеского возраста. Различные темы приобретают особую значимость для каждого поколения, определяя критерии интерпретации и тем самым влияя на «самотематизацию поколения». Историческая фиксация этих тем играет значительную роль в сплочении возрастной группы в культурный круг, который объединяет людей близкого возраста с похожими манерами толкования [Corsten 1999].

Исследование ценностей перестроечного и постперестроечного поколений России представлено в данной работе, где основное внимание уделено постперестроечному поколению, родившемуся в период с 1984 по 2000 год, с высшим образованием и средним возрастом от 18 до 35 лет, и перестроечному поколению, также известному как поколение «отцов», родившихся в 60–70-х годах.

В своем исследовании символического мира современных поколений России, В.В. Семёнова вводит понятие культурных «синдромов», характеризующих специфику каждого поколения вне национальной культуры. Также она обращает внимание на лексические коды как способ репрезентации коллективной идентичности, формулируемые на основе типичных высказываний представителей поколения. Семёнова считает, что лексическая характеристика лучше всего отражает стереотипы поколенческого сознания и культуры, чем другие источники, такие как материалы СМИ или художественная литература, но признает, что полное понимание поколения требует комплексного подхода и учета различных источников информации.

Исследование выявляет значимость лексических конструкций в определении символов, которые описывают культурный мир каждого поколения. Например, для представителей перестроечного поколения одним из ключевых символов является «разочарование», в то время как для постперестроечного поколения характерны «пофигизм» и «индивидуализм» [Семёнова 2009: 103; 107; 136–138]. Анализ символов позволяет четко проследить эволюцию национальной культуры: от традиционных ценностей коллективизма к современному индивидуалистскому обществу с чертами постмодернизма.

При рассмотрении символических миров двух поколений - перестроечного и постперестроечного, В.В. Семёнова называет поколение 60–70-х годов переходным. Это объясняется тем, что они пережили разные этапы жизни: детство, школу, профессиональное образование в советские времена, а затем столкнулись с активностью перестройки. Часть представителей этого поколения больше идентифицирует себя со временем СССР, в то время как другие ассоциируют себя с эпохой перестройки. Этот опыт сравнения двух эпох позволяет объединить их как поколение переходного периода.

Ю.А. Левада полагает, что поколение 60–70-х годов должно было стать двигателем перестройки, провести страну к реальным изменениям без оглядки назад. Однако активную роль в этом процессе приняли представители предыдущих поколений, не осуществившие свой потенциал, продолжавшие использовать советский опыт. Поэтому 40-летние оказались исключены из активной политической сферы, не получили ведущих позиций в экономике, не извлекли выгоды из перехода к рыночным отношениям. Этот фактор привел к аполитичности и разочарованию большинства представителей перестроечного поколения. Тем не менее, их пассивное отношение к политике лишило страну важных инициатив, способствовав провалу реформ. Это вызвало общее чувство разочарования у представителей этого поколения. Неоспоримым является то, что профессиональный и духовный спад, негативное отношение к власти и равнодушие к гражданам у 40-летних из перестроечного поколения не вылились в протестное движение. Напротив, они примирились с результатами реформ, снизили личные амбиции и ищут способы адаптироваться к новой системе. Эта реакция может быть обусловлена возрастными фактор.

Интересующийся анализом символики, выявленной в культурных мирах различных поколений, открывает значимость лексических конструкций в определении характеристик, которые описывают особенности каждого времени. Например, для тех, кто пережил перестройку, ключевым символом было «разочарование», в то время как для последующего поколения характерны «пофигизм» и «индивидуализм» [Семёнова 2009: 103; 107; 136–138]. Анализ символов позволяет отследить изменения в национальной культуре: от коллективизма к индивидуализму с чертами постмодернизма.

Рассмотрение символических миров двух поколений - перестроечного и постперестроечного, приводит к выводу, что поколение 60–70-х годов можно назвать переходным. Эти люди пережили различные эпохи, начиная с детства в советское время, обучения в школе и университете, и затем столкнулись с вызовами перестройки. Часть из них больше идентифицируется с советским прошлым, в то время как другие связывают свою идентичность с эпохой перехода. Такой опыт, сравнение двух времен, помогает объединить их как представителей переходного поколения.

Юрий Левада подчеркивает, что поколение 60–70-х должно было стать двигателем перестройки, провести страну к новым реалиям без оглядки на прошлое. Однако активную роль в этом процессе сыграли представители предыдущих поколений, не реализовавшие свой потенциал и продолжавшие оперировать советским опытом. Этот фактор привел к отчуждению и разочарованию многих из перестроечного поколения. Эта аполитичность и пассивность лишила страну важных идейных стимулов, способствуя неудачам в реформировании. Это создало общее чувство разочарования у представителей данного поколения.

Тем не менее, профессиональный и духовный спад, отрицательное отношение к власти и равнодушие к обществу у 40-летних из перестроечного поколения были предсказуемыми, учитывая формирование типичной «советской личности» и модели выживания, закоренелые в детстве. Некоторые черты советской личности, описанные Левадой, включают деиндивидуализацию, легкое управление со стороны власти, скромные запросы и консерватизм. Представители этого поколения сохраняют резерв отношений с властью, всегда ожидают обмана и могут и сами обманывать систему. Вместе с тем, они ждут защиты и поддержки от государства.

В результате, поколение перестройки представляется как энергичное и предприимчивое, успешно адаптировавшееся к новым временам. Однако они ощущают недовольство своим положением и неспособностью определить глобальные цели своей жизни, что приводит к разочарованию в настоящем и стремлению находить утешение в более ярком и радостном прошлом.

В отношении поколения, родившегося в 80-е годы – постперестроечного или «постпереломного», В.В. Семёнова описывает его как тех, чье историческое время в основном ожидает их в будущем.

Они не могут полностью осознать советский опыт жизни, потому что последние годы СССР пришлось на их детство и начальную школу. Поэтому они видят себя как «новое» и «будущее» поколение. Исследование В.В. Семёновой показывает, что у них есть опасения относительно будущего, которое для них остается неопределенным («нет уверенности в будущем», «нет уверенности в получении образования»).

Представители этого поколения характеризуют себя как «любопытных», «здорово мыслящих», и «компьютерное поколение». В отличие от предыдущего поколения, у них конкретные цели и высокие амбиции, осознание своего потенциала. Они считают, что достижение успеха и благополучия зависит в первую очередь от самого человека, а не от коллектива. Это поколение охарактеризовано как активное в стремлении достичь личного успеха и благополучия.

Однако у них снижено чувство долга и присутствует сильное стремление к удовольствиям, развлечениям, отсутствие желания работать («ни о чем не заботятся», «не имеют обязательств», «ленивы»). Хотя эти черты, например «бесшабашность», «пофигизм», «гедонизм», связаны скорее с молодостью данного поколения, чем с возрастом.

Представители этого поколения выражают интерес к улучшению положения в стране и проявляют активный подход к этому вопросу. Некоторые из них ощущают себя независимыми от власти, в то время как другие, также как и предыдущее поколение, не удовлетворены тем, как к ним относится государство, чувствуя себя «изгоем» или «брошенными на произвол» [Семёнова 2009: 131–134].

Автор приходит к выводу, что молодое поколение после перестройки обладает ясными целями, осознает свой потенциал и стремится к достижению личного успеха, полагаясь на собственные усилия. В то же время характерной чертой этого поколения является фокус на получении удовольствия и радости от жизни, зачастую за счет своих обязательств.

Несмотря на значительные культурные различия между поколениями, очевидно, что существует широкий спектр ценностей и символов, которые объединяют представителей всех поколений. Исследования, проведенные Левада-центром в 2008 и 2011 годах под названиями «Постсоветский человек и гражданское общество»

и «Молодежь России», предоставляют обширную информацию о ценностях современных поколений в России.

В целом население России выделяет важность таких ценностей как «крепкая семья», «надежные друзья», «безопасность» и «материальная независимость». «Крепкая семья» ассоциируется с доверием, сочувствием и защитой. «Надежные друзья» представляют окружение, свободное от государственного контроля. «Безопасность» связывается с изоляцией от государственного воздействия и защитой от преступности, а «материальная независимость» – с свободой и достатком. Эти ценности определяют практическую мотивацию поведения.

Кроме того, ценность справедливости преимущественно относится к личным и неформальным отношениям, семье и друзьям, в меньшей степени – к работе и учебе. Социальные институты ассоциируются с отсутствием справедливости.

Исследователи выделяют два типа ценностей: операциональные (мотивация и регулирование поведения) и декларируемые/идентификационные (значимые для общественной идентичности). К последним относятся: культурность/воспитанность, образованность, державность, свобода, информированность, альтруизм, интересная работа.

Декларируемые ценности стоят в противоречии с реальностью, представляя собой шаблонные утверждения о необходимости быть культурным и образованным, следить за событиями в стране, и делать что-то полезное для людей. Однако эти желания часто остаются невыполненными из-за покорности населения и готовности мириться со своим бесправием перед государственным контролем. Декларируемые ценности помогают определить систему координат деятельности и сохранить жесткие разделения между социальными группами. Согласно авторам исследования, у русских по-прежнему преобладают мотивации, которые адаптируют их к государственному контролю, вместо ценностей, стимулирующих активные изменения.

Борис Дубин в статье «Культурная динамика и массовая культура сегодня» отмечает смену ориентиров населения, вызванную изменениями в границах страны и исчезновением советской общности. В 90-е годы произошло сужение самоопределения от обще-

народного к групповому и индивидуальному. Роль символов и авторитетов также изменилась: политическим лидерам на смену пришли герои сериалов и ведущие телепередач. Молодежь стала придавать значение локальным уровням и структурам межличностного общения. Современные символы стали более подвижными, а медиа фиксируют новые символические коды.

Исследователи Левада-центра заключили, что поколение, родившееся после 80-х годов, сохраняет схожие ценности и стереотипы с советским поколением, однако с более выраженным удовлетворением от жизни и повышенной чувствительностью к национальным и этническим вопросам. В то же время, наблюдается укрепление националистических настроений и лояльность к современным политическим лидерам.

Среду, в которой происходила социализация постперестроечного поколения (родившегося в конце 80-х – начале 90-х годов), можно описать как стабильную и экономически благополучную. В то же время наблюдалось укрепление авторитарных и великодержавных настроений в политике, а также приближение церкви к государству.

У современной молодежи присутствуют следующие тенденции: положительное отношение к Западу; неосознанное принятие либерально-демократических ценностей; стремление к гражданским свободам и успеху. Постперестроечное поколение еще не переосмыслило значения советского прошлого, но реформы и новые возможности воспринимаются ими как нечто само собой разумеющееся. Это объясняет отсутствие кардинальных изменений в обществе. Согласно исследованию «Молодежь России», более половины опрошенной молодежи положительно оценивают советское наследие, возможно, под воздействием старших родственников и некоторых СМИ. Наблюдается увеличение частоты позитивных отзывов о СССР. Для молодого поколения Советский Союз становится символом великой цивилизации.

В 90-е и в начале 2000-х годов усилились проявления разрушения базовых ценностей, таких как самоубийства, расизм, нацизм, ксенофобия, алкоголизм и наркомания. Такие девиации преимущественно характерны для провинциальной молодежи и низших слоев населения в крупных городах.

Несколько факторов оказали влияние на деградацию прежних ценностей: разложение советской системы, спад производства, снижение уровня жизни, появление новых моделей потребления и ценностных ориентиров; концепция собственности как вознаграждения за преданность власти; идея коллективного единства, осознание себя как части «мы» и упрощение норм идентичности. В это время исчезают многие идеологические символы, институты, которые их поддерживали, распадаются; начинают активно использоваться этноконфессиональные мифы, что вызывает агрессию по отношению к другим; уровень насилия в обществе растет. Следовательно, цинизм становится общепринятой моральной установкой, происходит снижение уровня интеллектуальности и интереса к политике, формируются простейшие племенные связи.

Исследование «Молодежь России» указывает на то, что современная школа перестает выполнять функцию по передаче системы базовых ценностей. Вузы также теряют свою роль как центры культурного образования и превращаются в формальный этап жизни, что ведет к снижению требований к уровню обучения.

Постперестроечное поколение ориентируется в основном на материальное благополучие, хотя доступно только для приобретения необходимых предметов. Одновременно наблюдается тенденция к «статусному потреблению», что негативно сказывается на повседневной жизни.

Достаток и успех взаимосвязаны, поскольку успех часто ассоциируется с наличием достаточных средств для удовлетворения потребностей. Достижение успеха часто связывают с наличием влиятельных связей, везением и любыми средствами. В случае отсутствия таких возможностей и необходимости искать альтернативные пути возникает безучастие. Такое подавленное недовольство выражается через зависть и злобу к более «успешным» людям, агрессию, например, по отношению к приезжим, проявления ксенофобии и агрессивного национализма, желание покинуть страну и эскапизм разного рода. Зависть, агрессия, недоверие и подозрительность становятся основным фоном общественной жизни, что создает постоянную напряженность. Отношение к амбициозности и честолюбию в целом негативное. Однако, по словам О.Г. Жуковой, русские готовы поддержать тех, кто оказался в трудной жизненной ситуации [Жукова 2014].

Ценности семьи и дружбы приравняются к ценностям доверия и безопасности, так как эти области традиционно воспринимаются как свободные от необходимости приспособляться и от государственного принуждения.

Однако уровень доверия оценивается низко. Эти изменения происходят вследствие перехода к индивидуалистическому типу общества, что также приводит к ограничению рамок самоидентификации его членов. В такой ситуации работа рассматривается скорее как средство личного обогащения, а не как способ повышения качества жизни в обществе. Однако качество работы и профессионализм, которые напрямую связаны с образованием и творчеством, в основном не зависят от увеличения дохода.

Социологи утверждают, что увеличение уровня индивидуализма связано с потерей доверия обществом к социальным институтам, а также с рассматриванием властных структур как угрозы благополучию. В повседневном общественном сознании преобладает модель «власть – бесправный народ», в которой президент как бы исключен. Значительная часть молодежи проявляет тенденцию к «социальному партнерству», выражая готовность выполнять гражданские обязательства и ожидая, что власть выполнит свои обязательства перед гражданами [Российское студенчество... 2012: 209].

1.3. Способы выражения неязыкового сознания

Проблема сознания исследуется в различных дисциплинах, таких как философия, психология и лингвистика. Для данного исследования основным интересом является обзор методов, используемых для изучения неязыкового сознания - процесса, возникающего при превращении чувственных образов в реальность, созданную человеком.

Познавательная активность реализуется через процесс восприятия объекта, при котором формируется чувственный образ, и через рефлексию познающего субъекта над этим образом, что является сутью процесса сознания. Процесс сознания связывает внутренний, идеальный мир индивида с объективной реальностью общества. При своих действиях в реальном мире субъект ориентируется на чувственный образ, а не на сам объект.

В отечественной традиции одним из наиболее значимых подходов к описанию процесса сознания является деятельностный подход, разработанный А.Н. Леонтьевым. Этот подход утверждает, что внутренняя, психическая деятельность производна от внешней, предметной, чувственно-практической.

Деятельность рассматривается через призму потребности, опредмеченной в мотиве. Мотив зависит от цели, и у разных мотивов может быть одна и та же цель. Цель подчинена условиям, а условия определяют способы действия; действия осуществляются операциями. Таким образом, предметность играет двойную роль в деятельности, она направляет действия и является их результатом.

Согласно статье Е. Ф. Тарасовой «Пролегомены к теории языкового сознания», сознание для отечественных психологов представляет собой идеальное знание, существующее вне индивида, конструируемое в процессе общественной деятельности и воплощенное в предметной культуре. Само сознание выступает идеальной формой культуры [Тарасов 2014].

Таким образом, в текущей ситуации сознанию доступны два способа проявления: опредмечивание и распредмечивание. Согласно деятельностному подходу, определением пределов объектной деятельности является опредмечивание, процесс, при котором знания о методах создания переводятся через деятельностные единицы в конкретные продукты, а также распредмечивание, где знания о продукте превращаются в действия, создавшие этот продукт.

Аналогично, в познавательной деятельности чувственные образы помогают в осознании устной и письменной речи у воспринимающего субъекта. По мнению Е.Ф. Тарасовой, языковое сознание может быть исследовано через результаты его деятельности, то есть через предметы и квазипредметы [Тарасов 1993: 8]. Неязыковое сознание не поддается прямому изучению. Для его анализа используются разнообразные психолингвистические методы, которые позволяют рассматривать его в трансформированных формах, как продукты деятельности - культурные объекты, включая слова.

Психолингвистические методы направлены на выявление связей между значениями слов. Существуют прямые методы (например, семантическое шкалирование), в ходе которых устанавливаются связи между значениями слов на изучаемом языковом материале. В нашей работе мы применяем непрямые методы (ассоциативный эксперимент, семантический дифференциал, компонентный анализ) для определения связей между значениями слов на основе оценок, ассоциаций и дефиниций. Использование нескольких методик в исследовании способствует более глубокому анализу разнообразных данных и получению более точных результатов.

Одним из экспериментальных методов, широко применяемых в различных научных областях, является ассоциативный эксперимент (далее – АЭ). Ассоциативный эксперимент является одним из наиболее эффективных и часто используемых методов изучения языкового и неязыкового сознания, что подтверждают исследования Московской школы психолингвистики. Этот метод помогает определить субъективные семантические пространства и связи между компонентами, словами и их ассоциациями, отражая отношения испытуемого не только к отдельным объектам, но и к общим жизненным сферам [Горошко 2001].

На основе ассоциативного эксперимента создаются словари ассоциативных норм. Примером такого словаря на английском языке является словарь Дж. Деза (J. Deese. *The structure of associations in language and thought*, Baltimore, 1965). В русском языке первым подобным словарем стал «Словарь ассоциативных норм русского языка», под редакцией Леонтьева А.А. В настоящее время более полным считается «Русский ассоциативный словарь» (составители: Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева,

Г.А. Черкасова. М., 1994–2002), который включает несколько частей: прямой словарь (от стимула к реакции), обратный словарь (от реакции к стимулу) и другие. Данный словарь содержит информацию о 1277 стимулах и более миллионах реакций.

Кроме того, существует «Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский» (составители: Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. М., 2004), который также состоит из прямого и обратного словарей. Также имеется «Русский региональный ассоциативный словарь», выходит томами, начиная с 2014 года. Был разработан словарь «Ассоциативные нормы испанского и русского языков» (составители: М. Санчес Пуиг, Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова. Москва; Мадрид, 2000).

Статья в ассоциативном словаре имеет следующий формат. Например, из «Славянского ассоциативного словаря» можно рассмотреть статью о слове «РОДИНА». Сначала указывается заглавное слово, за которым следуют реакции, упорядоченные по убыванию частоты (указанной числом). Реакции внутри групп располагаются в алфавитном порядке.

РОДИНА: мать 154; Россия 94; моя 43; страна 25; дом 22; отчизна 10; земля 9; город 8; отечество 6; зовет, край, патриотизм 5; матушка, мать зовет, наша, патриот 4; долг, жизнь, любовь, малая, мама, родная 3; война, гордость, двор, кино, любимая, море, Москва, одна, радость, родное, России, Русь, РФ, святое, СССР, Сталин 2; абсурд, армия, Байконур, Безруков, большая, в туалет, важна, где хорошо, героя, ДДТ, деревня, доля, Дом, душа, Есенина, ждет, за нами, завет, защищать, здесь, Казахстан, Калач, карта, Коми, кормит, красная звезда, красный, Ленина, любить, люблю, Мать, мать!, место рождения, место {,} где родился, месторождение, мечь, Моя, моя Россия, мысль, на замке, ностальгия, Отечество, отстаивать интересы, партия, Патриотизм, передача, песня, позвала, поле, полураспада, поля {,} береза, поменять, поэта, природа, прогресс, расти, река, Республика Коми, родной дом, родные, рождение, Рязань, сад, Самара, свое, Северодвинск, село, Сервантес, сквер, слово, слона, странная, там {,} где попа в тепле, Тверь, тепло, территория, туалет, Узловая, чувство 1.

В конце статьи после всех реакций представлены количественные указатели: РОДИНА532+117+1+79

Количественные данные для стимула «РОДИНА» представляют собой следующую информацию: из 532 ответов имеется 117 различных слов или словосочетаний; один участник не дал ответа на данный стимул; 79 реакций были уникальными.

В рамках данного исследования проводилось сравнение двух ассоциативных полей одного слова. Для этого использовались стандартные количественные критерии, включая:

- 1) общее количество реакций на стимул;
- 2) количество различных реакций на стимул, позволяющее оценить разнообразие двух ассоциативных полей;
- 3) частотность реакций;
- 4) уникальные реакции;
- 5) количество синтагматических связей у частотных реакций;
- 6) количество парадигматических связей у частотных реакций.

Ассоциативное поле служит инструментом для изучения того, как групповые и индивидуальные характеристики, такие как пол, возраст, физическое и психическое состояние, социальный и профессиональный статус, а также этнокультурная принадлежность, влияют на ассоциативные процессы и языковое сознание. Исследователь самостоятельно определяет методы анализа ассоциативных полей в зависимости от целей работы и характера ассоциаций.

Как упомянуто ранее, Ассоциативный Эксперимент (АЭ) имеет значительное значение в различных областях науки, включая социологию, психологию, лингвистику и психолингвистику. Информация, полученная через АЭ, может быть использована для определения семантической близости между словами, что помогает разрешить проблемы синонимии. АЭ также дает возможность изучить структуру языкового сознания носителей языка и исследовать их «внутренний лексикон».

Этот метод успешно применяется для анализа ценностных ориентаций групп носителей языка, что полезно при изучении общественного сознания. Результаты эксперимента не только используются для построения семантической структуры слова, но и для выявления и изучения связей в человеческой психике.

Для более точных результатов психолингвистических исследований, АЭ часто комбинируется с другими экспериментальными методами. Один из них – метод семантического дифференциала

(СД), предложенный Ч. Осгудом, который используется в психологии, психолингвистике, психодиагностике и других областях. СД позволяет оценить эмоциональную окраску объекта и в меньшей степени - когнитивные и поведенческие характеристики людей по отношению к объекту.

Ч. Осгуд объединил шкалы в три группы факторов: оценку, силу и активность, каждый из которых включает четыре пары антонимических прилагательных. Экспериментальная процедура предполагает оценку каждого слова с помощью числовой шкалы, отражающей представления испытуемого о данном слове. Например, испытуемому предлагается оценить степень выраженности конкретного качества слова, используя числовую шкалу, где 0 – это отсутствие качества, а +3 – высокая степень выраженности данного качества.

Экспериментатор имеет возможность разрабатывать шкалы в соответствии с целями исследования. Метод личностного Семантического Дифференциала (СД) позволяет оценивать людей, литературных героев, портреты, фотографии и другие объекты. Оценки по шкалам объединяются для формирования матрицы сходства шкал, которая затем подвергается факторному анализу. Выявленные факторные структуры отражают особенности категоризации испытуемых, которые действуют как фильтры для восприятия себя и окружающих.

Для построения личностного СД на русском языке А.Г. Шмелев использовал тезаурус личностных черт. Это основывалось на предположении о том, что все значимые личностные параметры имеют вербальное выражение в различных языках. В результате можно выделить частные, специализированные и личностные СД, каждый из которых характеризуется своим числом независимых факторов.

Метафорические шкалы в рамках СД позволяют выразить субъективные оценки и избежать ограничений прилагательных в описании свойств объектов. СД помогает раскрывать ситуативные представления и стереотипы. Построение семантического пространства слов происходит на основе оценок и факторного анализа, что позволяет определить коннотативные аспекты и иерархию семантических связей исследуемых объектов. Полученные данные могут быть интерпретированы в соответствии с целями исследования.

С использованием метода СД лингвисты получают информацию о ранее неизвестных аспектах значений слов. Например, различие между эмоционально окрашенной и нейтральной лексикой может быть выявлено с помощью этого метода. Тем не менее, результаты подобных экспериментов показывают, что все слова могут быть экспрессивно окрашены, поскольку испытуемый дает оценку всем предоставленным словам. Этот метод применяется в различных областях, таких как исследование и моделирование значений, анализ результатов обучения и других видов деятельности, изучение психологического состояния человека, семейное консультирование, психодиагностика и другие экспертные процедуры.

Преимущества данного метода включают возможность работы с большими группами испытуемых, что позволяет изучать не только индивидуальное, но и коллективное сознание на основе субъективных оценок. Участие каждого испытуемого в эксперименте позволяет выразить его собственный опыт. Однако массовые исследования способствуют формированию общего представления об определенном понятии.

Использование шкал, предложенных экспериментаторами, помогает убрать языковые стереотипы; представление результатов эксперимента в удобном формате упрощает их анализ, делая его более содержательным. Однако недостатком этого подхода является ограниченное количество шкал; названия шкал могут быть трактованы по-разному из-за полисемии. Например, слово «низкий» может иметь разные значения в зависимости от контекста – физический рост или моральные качества.

В нашей работе для определения лексического значения слова мы применяем компонентно-дефиниционный анализ. Главные предпосылки компонентного анализа заключаются в том, что значение каждого языкового элемента представляет собой набор семантических компонентов и весь словарный запас языка может быть описан с помощью ограниченного числа таких компонентов. Этот подход был разработан американской школой энтолингвистики, в частности, в работах У. Гуденафа и Ф. Лаунсбери.

Цель компонентного анализа заключается в раскрытии содержания понятия через анализ смысловой структуры семемы как одного из компонентов лексического значения. В стандартной процедуре

компонентного анализа на первом этапе происходит выявление семантической структуры слова. Путем сопоставления дефиниций слова выделяются центральные компоненты, которые образуют лексико-грамматическую группу или семантическое поле. Затем определяются отношения между членами.

Семантические поля формируются на основе сравнения и различия лексических значений, которые опираются на минимальные семантические единицы. В нашей деятельности мы называем эти минимальные единицы «семами» или семантическими компонентами. Выбор конкретных сем зависит от контекста группы слов, которую мы исследуем. Один из самых распространенных методов – это анализ словарных дефиниций. При проведении компонентного анализа важно тщательно подбирать лексический материал для создания более полного семантического поля. Это можно сделать с помощью Русского семантического словаря или путем систематического отбора из толковых словарей.

Русский семантический словарь под редакцией Н.Ю. Шведовой состоит из шести томов, четыре из которых уже изданы и содержат около 300 000 лексических единиц. В этом словаре представлена система современной русской общеупотребительной лексики, сгруппированной по частям речи, лексико-семантическим классам и участкам.

В толковых словарях значения слов связаны с дополнительной информацией о объектах, которые они обозначают, а также с предметами из других областей, кроме лингвистики. Это представляет определенные трудности для лингвистов-семасиологов, поскольку им приходится учитывать информацию о объектах, доступную широкому кругу людей, а не только специалистам. Еще одна проблема заключается в том, что предметы могут быть воспринимаемы не только как физические объекты, но и как абстрактные сущности на разных уровнях осознания, что усложняет проверку их реальности для носителей языка.

Существует дискуссия относительно онтологического статуса сем. Например, некоторые когнитивные лингвисты считают, что значение слова не ограничивается выделенными признаками. Важно установить соответствие данного набора сем категории реальных объектов. Когда ребенку в эксперименте Г.Л. Розенгарт-Пупко было предложено «Принеси птичку», он выбирал предмет,

который имел какой-то ассоциирующийся признак с этим словом, например, шарик с острым кончиком, напоминающим клюв. Этот эксперимент демонстрирует, что на ранних стадиях ребенок может заменить целый объект лишь признаком этого объекта.

При использовании компонентного анализа важно учитывать характеристики семантических компонентов. Единицы в семантическом поле должны относиться к одной грамматической категории, обладать семантической однородностью.

На уровне вариантной абстракции семантические компоненты представляют конкретные значения семантических признаков. Например, если рассматривать семантический признак как «пол», то семантический компонент будет определяться как мужской или женский. Семы могут быть разделены на две категории: открытые, где звуковое или графическое выражение слова соответствует минимальной смысловой единице, и скрытые, где одна форма слова содержит несколько элементарных смыслов. В значениях слов проявляются семантические компоненты, в то время как семантические признаки являются идеальной сущностью слова и проявляются только в оппозиции нескольких слов.

При проведении компонентного анализа возникают вопросы относительно соотношения между объективной реальностью и значением слова. Семасиолог Н. А. Слюсарева приводит пример из работы Ж. Мунэна, где автор исследует компонентный состав слов, обозначающих «жилые постройки», учитывая различные аспекты, такие как назначение, материалы и принципы строительства. Слюсарева отмечает, что выделенные признаки содержат важную внелингвистическую информацию, но объектом анализа для семантических значений остаются сами слова и их сочетания, рассматриваемые с содержательной точки зрения.

Для преодоления сложностей, связанных с пониманием семантических компонентов и их восприятием носителями языка, можно использовать различные методы. Один из подходов заключается в использовании общего лингвистического знания и интуиции исследователя. Это помогает выявить достаточные семантические элементы для отделения значений от других слов. Другим методом является принцип оппозиции, который позволяет раскрывать значение слов через противопоставление другим словам. Бинарные оппозиции, по мнению К. Леви-Стросса, охватывают все объекты

реальности и считаются структурным элементом человеческого мышления, что подтверждает их эффективность для обнаружения семантических признаков.

Определение семантических признаков также позволяет изучать сочетаемость семантически близких слов. Предположение заключается в том, что если два существительных употребляются вместе в одном словосочетании и их корни часто встречаются вместе в различных формах слова, то у них есть общий смысловой компонент. Однако этот метод подвержен субъективности, поскольку исследователь сам выделяет качественные характеристики и контекст оказывает значительное влияние на определение семантических признаков.

Существуют два типа сем: интегральные (общие для сравниваемых слов) и дифференциальные (различия между сравниваемыми словами). Например, для «мужчина» и «женщина» интегральными компонентами являются «человек» и «взрослый», а дифференциальными – «мужской пол» и «женский пол».

Изучение словообразовательных особенностей помогает выявлять семантические признаки. Этот метод включает анализ структуры слова, семантического происхождения и целого словообразовательного поля. Например, в русском языке у качественных прилагательных можно рассмотреть способы образования: через суффиксы (зеленый – зелененький), префиксы (архиважный), префиксально-суффиксальные изменения (бесцветный), сложение (самовлюбленный).

Один из распространенных методов – изучение словарных определений. Согласно А. Лереру, все семантические компоненты слова отражены в словарных определениях, где каждый элемент определения представляет собой сему. Традиционно лингвисты утверждают, что для лингвистических исследований необходимо использовать строго филологические словари. Однако для исследований, связанных с пониманием объектов в сознании, полезно работать с разнообразными источниками, такими как энциклопедии и словари других областей.

Таким образом, ни один метод обнаружения семантических признаков не является полностью объективным или всесторонним. Для изучения семантических компонентов слова необходим комплексный подход и проверка результатов исследования.

Существует точка зрения о том, что компонентный анализ не обладает универсальным характером, поскольку некоторые слова нельзя полностью разложить на семы. Критики также указывают на недостаточную объяснительную силу компонентного анализа, поскольку набор сем в некоторых словах не дает полного представления об их реальном использовании, включая сочетаемость [Кузнецов 1986: 66–68].

Однако компонентный анализ имеет свои преимущества, так как является наиболее экономичным и обоснованным методом. Он выделяет семантическое поле на основе общего семантического признака для всех его элементов. Также отмечается системность подхода и отсутствие тавтологии.

В рамках теории речевой деятельности проводятся исследования сознания, включая неязыковые аспекты, с использованием экспериментальных методов. Один из распространенных методов – ассоциативный эксперимент, который позволяет определить связи между словами и их значениями в сознании испытуемых. Семантический дифференциал, предложенный Ч. Осгудом в 1952 году, используется для количественной и качественной оценки значений слова при исследовании сознания.

Изучение концептов через методы когнитивной лингвистики позволяет понять ментальные структуры общества, их эволюцию и влияние на языковую систему. Изменения в концептосфере отражают особенности исторического развития общества и зависят от потребностей и уровня развития цивилизации. Когнитивная картина мира шире языковой и включает ментальные стереотипы, оказывающие влияние на интерпретацию действительности.

Роль когнитивной картины мира для сознания личности значительна, поскольку она объединяет чувственные и рациональные аспекты реальности, а также способы их интерпретации. В состав когнитивной картины мира входит национальная перспектива, содержащая характеристики уникальные для определенной культуры, включая убеждения, образы и стереотипы. Эта национальная когнитивная картина отражается в типичном поведении, соответствующем общим нормам и традициям общества.

Однако концептосфера не сводится к менталитету. И. А. Стернин утверждает, что менталитет представляет собой способ накопления опыта, специфичный для каждого этноса, который является

инструментом для приобретения знаний или фильтром для восприятия и понимания реальности.

И.А. Стернин определяет языковое сознание как совокупность психических процессов, отвечающих за языковую деятельность, включая создание, понимание и сохранение языка. Эти процессы составляют часть коммуникативного сознания. Речевая деятельность также является ключевым компонентом коммуникативного сознания, которое представляет собой совокупность знаний и механизмов, обеспечивающих коммуникативную активность человека.

Изучение национального когнитивного сознания через семантическое пространство языка проводится с помощью различных методов. Например, сравнение слов и их значений в нескольких языках позволяет выявить особенности национальной семантики. Национальные специфики могут быть обнаружены через лексические соответствия и отсутствие параллелей между языками. Лексические соответствия могут быть эквивалентными или переводными и должны учитывать различные семантические условия для полноценного соответствия между языками.

Семантические признаки, характерные для определенного языка, рассматриваются как особенности концептов, специфичных для определенной национальности. Национальная специфика выражается преимущественно в денотативном компоненте. Например, в русском языке прилагательное «остроумный» использует синестезию, где физическое свойство остроты переносится на ум; английский эквивалент «witty» происходит от существительного «wit» – сообразительность. Различия в прилагательных отражают национальные особенности.

Национальная специфика, проявляющаяся в коннотативных компонентах и грамматических значениях слов, считается исключительно языковой и не влияет на формирование концепта. Когнитивные лингвисты также применяют ассоциативные эксперименты. Связи между стимулом и реакциями позволяют отследить взаимосвязи между концептами, предоставляя информацию о функционировании сознания и объеме лексических знаний.

Анализ статьи из ассоциативного словаря когнитивные лингвисты проводят следующим образом: стимул рассматривается как

концепт, состоящий из различных когнитивных признаков. Например, концепт «ОБРАЗОВАНИЕ» может включать такие ассоциации, как «высшее», «школа», «учеба» и другие.

Концепт образования включает следующие когнитивные признаки:

Место получения образования: школа (20), вуз (15), университет (9), институт (7)

Документы: диплом (12), аттестат (1)

Тип образования: высшее (226), среднее (7)

Специальность: военное (1), медицинское

Качество: хорошее (9), плохое (5), лучшее (4), качественное (2), отличное (2)

Процесс: учеба (17), обучение (2)

Результат образования: знание (10), карьера, деньги (3), статус, польза (2)

Свойства, необходимые для образования или которые образование дает: ум (8), интеллект (2).

Количество испытуемых, реагирующих на определенный стимул, позволяет оценить яркость когнитивного признака и выделить ядерные и периферийные характеристики. Для выявления национальной специфики проводится анализ реакций различных национальных групп, а также гендерных, возрастных, профессиональных и социальных групп в соответствии с целями исследования.

Исследование грамматической семантики также предоставляет информацию о национальной специфике. Методы выявления национальной специфики грамматической семантики аналогичны методам выявления национальной специфики лексической семантики.

В данном разделе рассматривается функционирование сознания с позиции теории деятельности А.Н. Леонтьева. Описываются методы, используемые в психолингвистических исследованиях для анализа неязыкового сознания человека, включая ассоциативный эксперимент, психосемантический эксперимент и компонентно-дефиниционный анализ. Основное внимание уделяется методам Воронежской психолингвистической ассоциации. Подчеркиваются как недостатки, так и преимущества данных методов. Обобщено, основные методы психолингвистики, такие как ассоциативный эксперимент, семантический дифференциал и компонентный анализ, могут эффективно сочетаться с другими методами исследования для повышения точности результатов.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

В данной главе мы рассмотрели различные точки зрения на процесс социализации и два других важных для развития личности процесса: инкультурацию и усвоение значений в раннем возрасте. Можно сделать вывод, что эти два последних процесса являются составными элементами социализации. Основная цель социализации заключается в сохранении субъекта социально-исторического процесса, обеспечивая непрерывность культурных и цивилизационных парадигм. Этот процесс включает в себя механизмы, которые помогают индивидууму успешно взаимодействовать с обществом, усваивая социокультурный опыт человечества.

Один из таких механизмов – инкультурация, позволяющая индивидууму освоить определенное культурное видение мира. Социокультурная реальность, формирующая сознание индивида, вырастает из его предметной деятельности. По словам А.Н. Леонтьева, внутренняя психическая активность происходит от внешней предметной чувственно-практической активности. Культурные предметы как направляют, так и характеризуют деятельность, становясь ее результатом.

Другим важным механизмом социализации является процесс усвоения вербальных и невербальных значений. С самого рождения ребенок накапливает знания о действительности, которые прямо воздействуют на его сознание. Это позволяет ребенку приобщиться к социокультурному опыту, внедряя знаки культуры, что способствует формированию ценностей в его сознании.

Социализация рассматривается не только как индивидуальный, но и как общественный процесс, связанный с закономерными общественными событиями, влияющими на присвоение культуры определенным поколением, а также передачу жизненного опыта от поколения к поколению. В данном контексте в первой главе мы анализируем ценностные установки и характеристики для перестроенного и постперестроенного поколений, используя разнообразный лингвистический материал. Например, система лексических кодов, предложенная В.В. Семёновой, представляет символические миры поколений, где для одного поколения «разочарование» является символом, а для другого – «пофигизм» и «индивидуализм».

Наши исследования опираются на значительный материал из исторических и социологических источников (в основном работы Ю.А. Левады и его коллег), где описываются настроения поколений в конкретные исторические моменты и анализируются причины таких настроений. Эти данные используются для подтверждения наших выводов. Коллективная идентичность поколения формируется через совместную деятельность, которую поддерживает иницирует язык. Язык не только отражает действительность, но и влияет на нее. Все элементы культуры, включая слова, оказывают влияние на сознание. Поэтому изучение предметов и явлений с использованием различных психолингвистических методов, таких как ассоциативные и психосемантические эксперименты, компонентно-дефиниционный анализ, способствует формированию образа мышления человека.

Для более глубокого понимания процессов социализации и формирования ценностей приходится обращаться к различным аспектам, которые определяют взаимодействие индивида с обществом и культурой. Это помогает установить связь между личным развитием и коллективными тенденциями, а также понять динамику изменений в культуре и обществе на протяжении времени.

В итоге, анализ процессов социализации и их влияния на формирование личности становится ключевым в контексте изучения социокультурной динамики и эволюции человеческого сознания.

Глава 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ ЦЕННОСТЕЙ

2.1. Триангуляционный метод в психолингвистическом анализе изменений содержания общечеловеческих ценностей в рамках русской культуры

В данном разделе мы обсуждаем применение триангуляционного подхода в социологии и психологии, а также его адаптацию для психолингвистических исследований. Мы оцениваем значимость и применимость данного подхода, а также выявляем ограничения смешивания различных методов в рамках одного исследования. Наше текущее психолингвистическое исследование фокусируется на изучении содержания общечеловеческих ценностей в сознании представителей русской культуры разных поколений. Эта задача характеризуется многоаспектностью и многокачественностью, поскольку она объединяет различные научные дисциплины: психолингвистику, лингвистику, психологию, социологию, культурологию и аксиологию.

С учетом специфики объекта исследования мы используем данные указанных наук, что требует специальных методологических подходов. Один из ключевых методов современной научной методологии – это триангуляция или стратегия «смешивания методов» (как предложено в статье «Методология и методы социологических исследований» О.Б. Савинской), интегрированный электический подход через триангуляцию (В.А. Янчук), синергетический подход (И. Пригожин, Хакен) или микс-метод.

В социологии триангуляционный подход используется для проверки данных об объекте, полученных с помощью различных методов. Такая стратегия направлена на повышение достоверности результатов исследования. Триангуляцию понимают как комбинацию качественных и количественных методов исследования. Качественные методы отличаются многообразием контекстов, направлены на выявление значений и интерпретаций, гибки и диалогичны. Субъективность может быть их основным недостатком. Количественные методы более объективны и надежны, но их критикуют за дистанцированность от реальности. Ограничения при ком-

бинировании количественных и качественных методов могут возникнуть в процессе анализа данных. Триангуляция является мощным инструментом валидации качественных данных.

Хотя этот подход чаще используется в социологии и социальной психологии, мы считаем, что его универсальный характер делает его ценным и в других гуманитарных и прикладных исследованиях. Стратегия триангуляции направлена на расширение знаний и подтверждение достоверности результатов анализа.

Согласно В.В. Семёновой, использование этого метода в социологии обосновывается расширением информационного поля социологии за счет новой «текстуальности», которая включает различный лингвистический материал, такой как исторические документы, мемуары, письма, переписка в интернете. Эти инновации стали новым инструментом для социологов и связаны с увеличившимся интересом к изучению культурно-исторических аспектов социальных процессов и явлений.

Н. Дензин описывает четыре формы триангуляции: 1) триангуляция данных, объединяющая различные типы информации в одном исследовании; 2) триангуляция исследователей, когда в проекте участвуют несколько исследователей; 3) теоретическая триангуляция, использующая несколько подходов для интерпретации данных; 4) методологическая триангуляция, сочетающая различные методы при изучении определенного вопроса.

При использовании такого интегративного подхода необходимо понимать его цель и определить способы комбинирования качественных и количественных методов. Разные авторы выделяют разные цели триангуляции, такие как подтверждение фактов, обогащение исследования дополнительными деталями, интерпретация, расширение знаний, инициация, развитие, комплементарность, триангуляция и другие. Такой подход направлен на повышение валидности выводов, компенсацию слабостей методов, учет большего массива информации, детализацию процесса и другие аспекты, что делает исследование более надежным и полезным для научного и прикладного применения.

Другие исследователи, такие как Дж. Грин, В. Карачелли и У. Грэм, провели контент-анализ 57 статей, выявив пять целей сме-

шения методов: расширение знаний, инициация новых идей, развитие исследования, комплементарность методов и триангуляция результатов.

А. Браймен, проведя более широкое изучение целей исследователей на основе анализа 232 статей за 10 лет, выделил ряд целей, включая повышение валидности выводов, компенсацию слабостей одного метода другим, учет большего объема информации, детализацию процесса и интерпретацию результатов, выявление неожиданных результатов, обогащение методики количественного исследования, разработку моделей выборки и стратегий работы с респондентами на основе качественного исследования, повышение доверия к результатам исследования, и многое другое.

Таким образом, использование методологической триангуляции в социологии и других областях научных исследований позволяет объединить различные методы для достижения более полного и достоверного понимания изучаемых явлений. Этот подход способствует более точным и надежным исследовательским результатам, а также расширяет возможности для интерпретации данных и создания новых методологических подходов в науке.

В работе В.В. Семёновой обсуждается необходимость оценки сходств и различий между онтологически различными методами перед их комбинированием в исследованиях. Анализ «за» и «против» сочетания качественных и количественных методов показывает, что сходств больше, чем различий. Оба подхода изучают социальную реальность, проводят селективный отбор фактов, сталкиваются с проблемой валидности, строят и проверяют гипотезы, конструируют данные в различных форматах (категории для качественного подхода и числовые данные для количественного). Они также направлены на концептуальное представление объекта исследования.

Исследование целей интегрирования методов учитывает способы их сочетания на основе принципа дополнительности. Этот принцип помогает исследователям получить более полное представление об объекте исследования. Например, качественные методы могут раскрывать содержание объекта, в то время как количественные – его распространенность или концентрацию. Триангу-

ляция, аналогично тригонометрическим функциям, позволяет рассматривать объект с разных ракурсов и получить объемное представление объекта.

Результатом использования триангуляционного подхода являются разнообразные данные, которые дополняют друг друга. Например, Д. Морган предложил три стратегии смешивания методов: пересекающиеся результаты, дополнительное покрытие и последовательный вклад. Каждая из этих стратегий имеет свои преимущества и недостатки, но целью всех является повышение эффективности исследования путем сочетания различных методов и получения более полной картины объекта исследования.

Третья стратегия последовательных вкладов предполагает использование нескольких методов поочередно. Хотя данная стратегия требует больше времени, она отличается логичностью перехода от одного этапа исследования к другому и более глубоким анализом материала на каждом этапе. В рамках этой стратегии один из методов играет ключевую роль.

Эта стратегия может быть реализована в четырех вариантах. Д. Морган использует сокращенные обозначения: количественный метод – quan и качественный метод – qual. Главный метод обозначается заглавными буквами, а дополнительные – строчными.

Первый тип (qual – QUAN) включает сбор качественных данных, результаты которого определяют направление основного количественного метода. Второй тип (quan – QUAL) предполагает проведение сбора и анализа материала. Третий тип (QUAN – qual) основывается на количественном исследовании, дополнительно поддерживаемом небольшим сбором качественной информации для интерпретации и объяснения результатов. Четвертый тип (QUAL – quan) выделяет качественное исследование в качестве основного, а количественные методы применяются вспомогательно для обобщения качественных данных.

Несмотря на разработанные стратегии смешивания методов, все еще остаются открытыми вопросы интеграции разнородных данных и результатов различных методов на завершающем этапе исследования.

Сущность применяемого подхода к объекту исследования схожа с интегративно-эkleктическим методом триангуляции, разработанным В.А. Янчуком в области социальной психологии. Рассмотрим более детально его аспекты.

Интегративно-эkleктический подход предоставляет определенные механизмы для развития психологических знаний: «позиционирование в рамках парадигмы; диалог интеграции и эkleктики альтернативных традиций; критическое рефлексивное позиционирование» [Янчук 2001:11]. По мнению В.А. Янчука, парадигмальное позиционирование – это механизм, который предполагает четкое определение первоначальных позиций, которые придерживается исследователь, включая их онтологические и эпистемологические основы, способы теоретизации и методы исследования с описанием их возможностей, ограничений и области экстраполяции результатов [Янчук 2001:21].

Интегративно-эkleктический диалог с альтернативными традициями представляет собой общение с их представителями с целью расширения представлений о методологиях, используемых в исследуемой проблемной области.

Механизм критического рефлексивного позиционирования связан с предыдущим компонентом, так как его задача заключается в избавлении исследователя от ограничивающих свойств уже сформированных представлений путём изучения альтернативных подходов и признания их правомерности. Этот механизм способствует гибкости исследователя при работе в изучаемой области.

Эти механизмы и последовательность их представления в данном исследовании являются основой, по которой реализуется интегративно-эkleктический подход в социальной психологии. Суть предложенного В.А. Янчуком интегративно-эkleктического метода триангуляции заключается в использовании «процедур альтернативных методологий, направленных на выявление динамических, экзистенциально-феноменальных и неосознаваемых аспектов изучаемого явления, через выявление и уточнение совпадения значений и смыслов в системе исследователь – изучаемый объект». Применение различных методов для анализа одного объекта требует основательной рефлексии над возможными ограничениями каждого метода в поиске сущности феномена.

Методологический фундамент интегративной эклектики включает такие концепции, как поливариантность истины, онтологический плюрализм, диалогика и диатропика. Диалогика, представленная В.С. Библером, стремится объединить различные логики для обеспечения множества точек зрения, что является идеалом гуманистического общества. Разнообразие традиций и подходов через диалог позволяет расширить понимание изучаемой проблемы и найти способы ее решения и развития. Диатропика анализирует разнообразие больших совокупностей объектов, играя ключевую роль в изучении разнообразия проявлений жизни. Онтологический плюрализм подразумевает существование несопоставимых форм реальности, ни одна из которых не является фундаментальной. Исходя из этого концепта, возможно множество описаний и толкований различных видов жизни.

Для решения задач нашего исследования мы прибегаем к триангуляционному подходу. Мы исследуем процесс трансформации содержания общечеловеческих ценностей у носителей русской культуры в условиях общественных изменений. Мы стремимся описать эту трансформацию комплексно, анализируя изменения ценностей с помощью трехуровневой модели сознания. Согласно Е.Ф. Тарасову, содержание общечеловеческих ценностей можно найти в политекстовых описаниях, объединяющих устные и письменные тексты. Мы пытаемся связать эти тексты с различными уровнями сознания. Нашей целью является установление изменений в содержании общечеловеческих ценностей у различных поколений русской культуры в постсоветский период, чтобы корректировать стратегии формирования идентичности российского народа. В связи с этим мы приходим к выводу, что использование комплексного подхода в данном исследовании оправдано и необходимо.

Как указано ранее, основой методологии нашего исследования является интегративно-эклектический подход с использованием триангуляции от В.А. Янчука. Для его осуществления мы применили стратегию дополнительного покрытия и вклада, адаптировав ее под наши цели по методике, описанной Д. Морганом. Мы провели анализ содержания основных ценностей на всех уровнях системы общественного сознания последовательно. Однако эти операции могли быть выполнены параллельно, так как они представляют собой независимые ветви исследования, согласно принципу

триангуляции. На этапе изучения официального уровня системы общественного сознания мы собрали определения конкретных ценностей в русской культуре из различных словарей философии, социологии, психологии, религии и культурологии. Затем мы провели компонентный анализ для выявления состава смыслов конкретных ценностей в указанных словарях. Таким образом, мы получили описание изучаемых ценностей на официальном уровне.

Для анализа содержания базовых ценностей на промежуточном уровне системы общественного сознания мы собрали определения из словарей русского языка и провели компонентно-дефиниционный анализ для выявления функциональных значений исследуемых ценностей.

Содержание ценностей на обыденном уровне системы общественного сознания было изучено с помощью ассоциативных и психосемантических экспериментов, изучения пословиц и поговорок русского языка, а также текстов из Национального корпуса русского языка. Мы использовали профили оценок содержания ценностей, дендрограммы для показателя близости или удаленности ценностей, а также пословицы и поговорки для демонстрации контекстов использования ценностей.

Этот анализ позволил нам выделить семантические компоненты, которые составляют содержание исследуемых ценностей на обыденном уровне системы общественного сознания. Кроме того, мы рассмотрели не менее ста пословиц и поговорок, группируя их по категориям, чтобы выявить особенности вербализации и менталитета, связанные с данными ценностями.

В третьей части исследования был проведен анализ ассоциативных полей определенной объектно-ценной категории (ОЦ), присутствующей в словарных статьях РАС и ЕВРАС. Эти словари предоставили данные для сравнения обыденного уровня объектно-ценных систем (ОС) двух поколений: 20-летних (постперестроечное поколение) и 40-летних (перестроечное поколение). РАС отражает ОС представителей перестроечного поколения, а ЕВРАС – постперестроечного. Наш сравнительный анализ ассоциативных полей из РАС и ЕВРАС использовал следующие количественные критерии, являющиеся стандартными числовыми характеристиками ассоциативного поля:

количество реакций на стимул;

количество различных реакций на стимул;

частота реакций;

единичные реакции;

количество синтагматических связей часто встречающихся реакций;

количество парадигматических связей частых реакций.

Затем мы провели качественный анализ словарных статей, объединяя реакции в соответствующие категории и делая интерпретацию частотных реакций. На основе анализа словарных статей из РАС и ЕВРАС было произведено сопоставление содержания конкретной объектно-ценной категории в ОС представителей обоих поколений, что позволило сделать вывод о трансформациях этого содержания под воздействием значительных социальных изменений.

Следующим и заключительным этапом был проведен анализ данных психосемантического эксперимента, представленных в виде шкал, факторов и дендрограмм, отображающих взаимосвязи изучаемой объектно-ценной категории с другими ценностями и антиценностями. Психосемантический эксперимент помог выявить различия в коннотациях ценностей. Результаты этого эксперимента являются неосознаваемыми знаниями, которые сложно интерпретировать.

При анализе шкал и факторов мы использовали количественный критерий, отражающий интенсивность оценки объектно-ценной категории по таким факторам, как «сила», «оценка», «активность» и «упорядоченность». Полученные показатели интенсивности оценки также требуют интерпретации, которая осуществляется на основе результатов социологических опросов, а также анализа социологических, политико-экономических и исторических статей. Этот информационный материал помогает понять причины определенной оценки и, соответственно, образ объектно-ценной категории в сознании испытуемых. Далее мы проводили сравнение результатов между двумя поколениями. Затем мы проанализировали дендрограмму, или дерево кластеризации, которое включало список ценностей и антиценностей, объединенных в кластеры. Эти кластеры показывали взаимосвязь или отдаленность отдельных объектно-ценных категорий в языковом сознании испытуемых. Анализ дендрограммы заключался в определении того кластера, в

который попадала изучаемая объектно-ценная категория. Кластером называется группа ценностей, которые находятся на дендрограмме ближе друг к другу. Для лучшего понимания позиционирования объектно-ценной категории в сознании испытуемых мы описывали семантические пространства ценностей, входящих в тот же кластер и смежные кластеры, с использованием словарных статей из РАС и ЕВРАС. Наконец, мы предоставили интерпретацию полученных результатов.

Промежуточный уровень объектно-ценных систем анализируется с использованием определений из лингвистических энциклопедий и толковых словарей. Цель этого этапа подобна цели изучения официального уровня объектно-ценных систем: выявление семантических компонентов содержания объектно-ценной категории.

Затем производится сравнение семантических компонентов, определенных в результате компонентно-дефиниционного анализа словарных статей и текстов из НКРЯ, для выявления различий в представлениях об изучаемой объектно-ценной категории, присутствующих в научном и повседневном мировоззрении, а также в объеме используемых значений данной категории.

В ходе психолингвистического исследования мы детально описали содержание четырех объектно-ценных категорий на трех уровнях языковой системы; продемонстрировали изменения в содержании данных категорий на повседневном уровне языковой системы; разработали и внедрили методику изучения содержания объектно-ценных категорий в языковом общественном сознании носителей русской культуры.

2.2. Изучение общественного сознания поколений в социологии и его структура

В этом разделе мы подробно изучаем социологические теории, описывающие структуру и функционирование общественного сознания; представлены определения общественного сознания; дана характеристика различных типов и областей общественного сознания; выяснено взаимодействие между сознанием и деятельностью. Также мы анализируем связь между языком и сознанием, прибегая к лингвистическим исследованиям различных форм сознания.

Мы рассматриваем поколение как общественное сознание людей, родившихся в определенный исторический период. При исследовании многогранных проблем общественного сознания мы принимаем триангуляционный подход как основной методологический принцип, который был подробно описан в предыдущем разделе. Этот подход, используемый в психологии и социологии, объединяет количественные и качественные методы анализа и данные из различных источников исследования. Согласно В.А. Янчуку, такое объединение позволяет использовать преимущества различных методов и получать более надежные данные, поскольку это уменьшает возможность ошибок, которые могут возникнуть при применении отдельных методов.

Обоснование использования триангуляционного подхода заключается в том, что современная наука отказывается от идеи единой истины и признает существование различных точек зрения. Переход к использованию множества методов для получения научных знаний объясняется процессом перехода от модернизма к постмодернизму, где признается одновременное существование различных истин, онтологий и логик. На наш взгляд, многомерное интегрирование методов способствует эффективности исследований, однако требует от исследователя серьезной критической оценки, чтобы избежать необоснованных связей.

Этот раздел основывается на концепции общественного сознания, предложенной А.К. Уледовым. Мы считаем, что на сегодняшний день данная концепция является наиболее детальной и логически обоснованной.

Определение термина «общественное сознание», а также «поколение», вызывает определенные трудности из-за размытости гра-

ниц этих понятий. Б.А. Грушин указывает, что каждый исследователь выделяет какой-то один аспект данного феномена при его определении, стремится дать наиболее широкое определение или противопоставляет общественное и индивидуальное сознание. Есть точка зрения, согласно которой сознание функционирует только в общественной форме, включая в себя сознание индивида.

Согласно ученому А.К. Уледову, общественное сознание представляет собой сложное явление в жизни общества, которое необходимо рассматривать с использованием многоплановой методологии. Основным аспектом общественного сознания является его разнообразие связей с другими явлениями, такими как история и социальные явления. Оно отражает материальный мир через различные идеи, представления, взгляды и настроения. Взаимосвязь между общественным сознанием и общественным бытием определяется как причинное отношение, где общественное бытие играет ключевую роль в качестве причины. Общественное сознание проявляется через конкретные явления, составляющие его структуру и определяемые общественным бытием и социальными отношениями.

А.Г. Спиркин в «Философской энциклопедии» предоставляет более детальное определение общественного сознания, описывая его как отражение общественного бытия в различных аспектах культуры и общества. Карл Маркс и Фридрих Энгельс подчеркивают, что общественное сознание представляет собой совокупность духовных образований, характерных для общества в целом или для различных социальных групп.

Маркс и Энгельс также утверждают, что структура общества, отношения людей к природе и общественная организация зависят от форм материального производства, и общественное сознание формируется в процессе коллективной деятельности индивидов. Принцип историзма, который подчеркивает изменчивость общества со временем, играет важную роль в изучении общественного сознания поколений.

Таким образом, общественное сознание отражает реальность и формируется на основе действий людей и их социальных взаимодействий. Оно не только отражает общественное бытие, но и оказывает влияние на него через идеи, обладающие материальной силой и распространяющиеся среди широких масс.

Для получения более детальной и адекватной картины структуры общественного сознания (ОС) необходимо рассмотреть, как его изучают различные науки, включая психологию, социологию и лингвистику.

Структура ОС, в широком смысле, представляет собой разложение объекта на составные элементы его строения, связь между этими элементами и их взаимодействие. Согласно А.К. Уледову, изучение ОС должно осуществляться в двух аспектах: гносеологическом и социологическом.

В гносеологическом аспекте анализируются связи и взаимодействие сознания с отражаемым объектом, выявляется процесс отражения и специфика его форм, что позволяет описать движение от реальности к сознанию. Здесь на первый план выходят структурные элементы, такие как ощущения, представления, понятия и другие чувственные, волевые и рациональные образования. ОС в гносеологическом аспекте состоит из обыденного и теоретического сознания, где обыденное сознание базируется на опыте общества и ограничено рамками повседневной жизни, в то время как теоретическое сознание стремится понять сущность общественных явлений.

Социологический аспект изучения ОС анализирует роль сознания в системе общества и его функции в общественной жизни, раскрывая динамику взаимосвязи между сознанием и действительностью. Этот аспект также подчеркивает активную творческую функцию общественного сознания и позволяет определить его содержание. Важно отметить, что социологический анализ ОС возможен благодаря его социальной природе, где люди вступают в общественные отношения и используют язык для фиксации результатов своей деятельности.

Элементы структуры общественного сознания включают в себя знания, мнения, убеждения, нормы, символы и ценности, каждый из которых играет определенную роль в жизни людей и общества. Например, знания направляют деятельность индивидов, социальные нормы регулируют взаимоотношения, а ценности определяют важность использования знаний в обществе.

Общественное сознание (ОС) тесно связано с духовной культурой, являющейся ее неотъемлемой стороной. Духовная культура охватывает производство идей и теорий, их распространение, представляя собой накопленные идеи и ценности, созданные человеком

за всю историю. В результате ОС отражает реальность через идеи, взгляды и другие аспекты на данном историческом этапе.

Для исследования общественного сознания целесообразно рассмотреть возможные классификации его элементов. Ж. Келле и М.Я. Ковальзон выделяют семь форм ОС: политическую идеологию, правосознание, мораль, религию, науку, искусство и философию. А.Г. Спиркин также называет семь форм ОС, заменяя политическую идеологию на социальную психологию. Ф.Д. Кондратенко выделяет четыре вида отношений к объектам, характеризующих ОС: утилитарно-практический, ориентировочно-познавательный, религиозный и эстетический.

А.К. Уледов предлагает подход к классификации ОС по видам, сферам, типам и состояниям. Он разделяет ОС на большие сферы, такие как общественная психология, идеология и наука, каждая из которых включает определенные виды общественного знания. Состояние ОС – это особое положение идей и взглядов, определяющее их влияние на поведение людей. Деятельность в различных сферах общества формирует виды общественного сознания, связанные с общественными отношениями и отражающие материальные и идеологические аспекты жизни.

Тем не менее, структура общественного сознания, представленная А.К. Уледовым, кажется недостаточной. А.Г. Спиркин отмечает, что в систему общественного сознания также включаются знания о реальности и формирования, выражающие отношение людей к этой реальности. Поэтому необходимо разделить общественное сознание на различные основания в зависимости от целей конкретного исследования, чтобы затем представить его как целостную функционирующую систему.

Б.А. Грушин предлагает разместить различные способы духовного познания реальности на фундаментальном уровне общественного сознания, отличая их от практического познания. Согласно К. Марксу, эти способы включают три формы познания: чувственно-предметную, логически-абстрактную и фантастическую. Затем Б.А. Грушин выделяет три класса, характеризующих отношения сознания с реальностью: рефлексивный (отражение), эвалюативный (оценка) и реактивный (реакция). Третьим фундаментальным основанием он считает спонтанные и целенаправленные формы возникновения компонентов общественного сознания.

Согласно Б.А. Грушину, можно добавить к этим основаниям отношения сознания к доминирующим в обществе взглядам, а также качество и уровень отражения реальности сознанием. Первый из этих критериев может быть рассмотрен как элемент класса эвалюативного отношения к действительности, дополняя переживания, мнения и идеалы.

Как упоминалось ранее, количество компонентов общественного сознания может быть огромным. Б.А. Грушин также обсуждает влияние типа субъекта общественного сознания (ОС), что, с одной стороны, расширяет число элементов в его структуре, но также устанавливает определенные рамки для изучения структуры, характерной для ОС конкретного типа субъекта, например, поколения. Мы считаем, что перечисленные основания применимы для анализа общественного сознания поколений с учетом их возрастных, исторических и национальных особенностей.

Для психолингвистического анализа ключевое значение имеет рассмотрение взаимосвязи между языком и сознанием. Л.С. Выготский отмечает, что у двухлетнего ребенка происходит слияние развития мышления и речи, где мышление становится зависимым от речи, а речь приобретает интеллектуальный характер.

Общественное сознание формируется через совместную общественную деятельность, где общение играет важную роль, используя понятия для описания трудовых ситуаций. Поэтому при изучении общественного сознания важно учитывать его языковое выражение.

Далее стоит более подробно рассмотреть различные виды общественного сознания. Нравственное общественное сознание определяется экономическими отношениями, выраженными через моральные отношения. Эти моральные отношения формируются в процессе производства материальных благ для согласования деятельности индивида с коллективом. Они представляют собой указания, установленные обществом для отдельного индивида в сфере сознания. В них сочетаются личные и общие интересы, причем последние преобладают. Индивид стремится к общим интересам, так как это обеспечивает удовлетворение его личных потребностей. Нравственное общественное сознание включает представления о правильном поведении, принципы и правила этого поведения.

И. Попелова выделяет моральные отношения как неотъемлемую часть общественных отношений, разделяя их на три группы: объективную сторону (нравственные действия и учреждения), субъективную сторону (нравственные чувства и убеждения) и теоретическую основу (нравственные цели, идеи и ценности).

Еще одной характеристикой морального общественного сознания является его оценочный аспект. В его состав входят эмоциональные компоненты, представления о моральном и неморальном поведении, этические принципы, моральные ценности, а также цели и идеалы [Уледов 1968: 79 – 90].

Моральное общественное сознание выступает регулятором моральной составляющей общественной деятельности человека и проявляется в глобальном противостоянии добра и зла. Это противостояние конкретизируется через универсальные ценности и антиценности, такие как справедливость-несправедливость, любовь-ненависть и т.д. Примерами норм и принципов, отражающих моральное общественное сознание, могут служить христианские заповеди, пословицы, поговорки, такие как «долг платежом красен» или «без труда не выловишь рыбку из пруда».

Следующим по классификации А.К. Уледова рассмотрим политическое общественное сознание. Политика тесно переплетена с экономикой, и поэтому политическое сознание отражает основные экономические интересы людей и другие аспекты. Политические идеи находят свое отражение в политических доктринах, программах партий и т.д. Особенность политического общественного сознания заключается в его содержании, которое включает осознание политических интересов, отношений и изменений в обществе, а также присутствие силы, символизируемой государством [Там же: 90–92].

Правосознание, связанное с политическим общественным сознанием, представляет собой комплекс взглядов, отражающих отношение людей к действующему праву, их представление о правах и обязанностях, а также оправданность определенного поведения. Свойственной чертой правосознания является отношение к юридической системе общества. Правосознание формируется на основе правовых отношений, регулируемых государством. Таким образом, содержание правосознания зависит от правовых отношений, но его корни уходят в экономические отношения [Там же: 99–107]. Исследователи, включая И.Е. Фабера, считают, что правосознание

отражает все виды общественных отношений с точки зрения поведения и действий участников общества [Фабер 1963: 24].

Политемы являются особенными терминами, которые описывают различные тематические группы, такие как «государственный аппарат», «исполнительная власть» и «социально-политические институты», а также их структуру. Они выполняют различные функции в зависимости от контекста использования. Например, политемы-термины имеют номинативную функцию (например, «президент», «парламент», «депутат»), в то время как политемы с положительной или отрицательной окраской, используемые в СМИ и художественной литературе, выполняют аксиологическую и прагматическую функцию.

Изучение политем проводится не только на основе публицистических текстов, но и художественных произведений. Политические события и отношения, отраженные в публицистике, могут значительно повлиять на создание художественных образов. По словам О.И. Воробьевой, политическая лексика настолько проникла в речь граждан России, что можно встретить её как в письменной, так и устной форме выражения каждого человека.

Политемы обладают двойственной характеристикой: с одной стороны, они служат для описания политической жизни через термины, такие как «государство», «правительство», «дума»; с другой стороны, эти же термины могут иметь положительное или отрицательное эмоциональное оттенение в определенном контексте текста. Исследования свидетельствуют о том, что политическая лексика является наиболее семантически нестабильной, особенно в периоды радикальных изменений, когда определенные термины приобретают новое значение и широкое распространение в обществе.

Исследования в области политической лингвистики сосредотачиваются на анализе политического языка с концептуальной точки зрения, выделяя коммуникативно-тематические области, такие как «политика», «политическая идеология», «политическая власть» и «государство». О.И. Воробьева подчеркивает, что концептуальное поле «политика» состоит из трех основных компонентов: политической власти, политической идеологии и государства.

Изучение политического языка в диахронии позволяет получить представление о мироощущении, отраженном в текстах определенной исторической эпохи.

Кроме того, отношения человека с природой и окружающей средой проявляются через религиозные и эстетические формы символизма. Рассмотрим религиозный символизм. Считается, что беспокорство перед стихийными силами природы привело к появлению символических ритуалов, которые человек использовал для воздействия на природу. Религиозный символизм характеризуется верой в сверхъестественное, переживанием личного отношения к сверхъестественному и практическим подходом религиозных людей к этому.

Индивидуальный опыт встречи с «Высшей Реальностью» и восприятие сверхъестественных форм жизни и порядка вещей формируют основу религиозного сознания. Вера играет ключевую роль в религиозном сознании, влияя на символический аспект религиозного символизма, который включает в себя веру в существование божественных созданий, возможность общения с ними и другие аспекты.

Религиозное сознание взаимосвязано с повседневной жизнью через культовые обряды и коммуникацию между верующими в рамках религиозных общин или при исполнении религиозных обрядов. Вера отражает диалогичную природу религиозного сознания, так как общение верующего с небесными сущностями происходит через различные виды культа.

Религиозные представления и культовые действия взаимно определяют друг друга: представления, воплощенные в обрядах, становятся религиозными, а действия без связи с верованиями не являются культовыми. В религиозной сфере как действия, так и убеждения активно влияют на развитие религиозного символизма, который является формой общения и служит поддержке религиозной практики.

Религиозное образованное сознание исключено через религиозную лексику, что делает его неотъемлемой частью социального сознания. Основными понятиями религиозной лексики являются «религия» и «вера». Религия определяется как вера в божественное происхождение всего сущего и цели мироздания, а также как совокупность духовных представлений, составляющая одну из форм образованного сознания.

Важным аспектом религиозного сознания является понятие веры. В повседневном использовании вера и религия часто взаимозаменяемы, но в современной лингвистике подчеркивается различие между «религиозной лексикой», «церковной лексикой» и «библейской лексикой». Например, церковная лексика описывает материальные аспекты церковной жизни и может быть отличена от религиозной лексики.

Существует несколько классификаций религиозной лексики, включая те, которые выделяют общерелигиозную, общехристианскую и частнохристианскую лексику. Другие ученые выделяют категории религиозной лексики на основе объектов и гипостазированных существ.

Проблемой также является соотношение религиозной лексики с церковнославянской лексикой, которая шире используется в литературном языке. Большинство религий включают в себя библеизмы, которые составляют основу для библейской лексики.

Религиозное сознание имеет общие черты с эстетическим сознанием, так как оба не преследуют материальных целей, служа отношениям и эмоциональным переживаниям. Эстетическое сознание объединяет разнообразные проявления, включая вкус, восприятие, созерцание, эстетические чувства, а также неэстетические формы сознания, такие как истина и нравственность.

Эстетическое сознание проявляется в ценностных отношениях, где чувства, созерцание и восприятие приобретают эстетический смысл через систему эстетических отношений. Особенностью эстетических отношений является неразрывная связь мысли и чувства, их разделение может нарушить эстетический опыт. Индивидуальные жизненные опыты обогащают ценность, придающую ей эстетическое значение.

Подобно нравственным оценкам, эстетические отношения характеризуются оценочностью, где явлениями окружающего мира оцениваются с точки зрения их эстетической ценности. Эстетические отношения могут быть рассмотрены как связь между субъектом (человеком) и объектом (действительностью), а также как отношения между людьми, основанные на их взаимодействии с действительностью.

Эстетическое сознание проявляется через эстетическую деятельность, главным образом через искусство. Однако оно также

присутствует в повседневном сознании, например, в форме художественного вкуса, выработанного на основе жизненного опыта. Эстетическое сознание выражается в конкретно-чувственной форме образа, объединяя представления об объекте, его оценку и духовное удовольствие.

Идеалы играют значительную роль в эстетическом сознании, представляя собой совершенное и должное в чувственной форме, являясь критериями для оценки реальности. Эстетическое сознание, отражая общественное бытие, влияет на его развитие, представляя модель желаемого будущего и способствуя качественным изменениям в настоящем.

В лингвистическом аспекте эстетические отношения могут проявляться через лексику художественных текстов. Эстетическая функция присуща не только художественному стилю, но и другим текстам; однако в художественном стиле она играет ключевую роль. В художественном тексте слово олицетворяет не только свое обычное значение, но и дополнительный смысл, связанный с содержанием произведения.

Эстетическая функция проявляется на различных уровнях художественного языка, включая фонетический уровень, где используются стилистические приемы звукоподражания и звукового символизма, такие как ассонанс, аллитерация и звуковые повторы.

На уровне лексики художественный стиль выделяется обширным и разнообразным словарным запасом, поскольку слова в художественном тексте не подвержены ограничениям. В таких текстах используется лексика из различных стилей, которая подвергается эстетической трансформации для повышения художественной выразительности. Для достижения большей экспрессии в тексте применяются стилистические приемы, такие как метафора (например, «сноп волос твоих овсяных»), метонимия (например, «копейка рубль бережет»), гипербола (например, «шагнул – и царство покорил»).

Общественная жизнь и культурные особенности взаимно влияют друг на друга через идеи, которые формируются людьми в процессе социальных взаимодействий. Отношение мышления к бытию и сознания к материи является центральной проблемой философии. Философия также связана с социологией через отношение идей к бытию и человека к миру.

Философия стремится ответить на вопрос о сущности мира в его разнообразии. Важным аспектом философского мышления является взаимосвязь материи и сознания, а именно вопрос о том, что первично: материя или сознание, и как человеческие знания соотносятся с окружающим миром. Философия представляет собой взгляд на мир, который отражает научное видение с использованием теоретических методов, тесно связанный с практической деятельностью и отношениями.

Философская лексика содержит специфические термины и выражения, характерные для описания философских систем, а также авторские термины философов. Помимо терминов философии, в философской лексике встречаются общеупотребительные слова, такие как «сущность», «сознание» и «истина», которые играют важную роль в формировании содержания текстов с философской тематикой.

Философский термин не полностью совпадает со специальным научным термином, поскольку его семантический объем более широкий. Философская лексика взаимосвязана не только с узкой специализированной мыслью, но и с общими идеями [Там же]. Все виды общественного сознания связаны с материальными или производственными отношениями. Производство является основой экономической жизни общества. Разнообразие экономических форм обусловлено активностью людей, так как экономическая деятельность общества невозможна без человеческого сознания, направленного на обслуживание этой деятельности.

Экономическое общественное сознание отражает деятельность людей и отношения в процессах производства, распределения, обмена и потребления. Экономическое общественное сознание регулирует и развивает хозяйственную жизнь, выражаясь через методы управления хозяйством и экономическое положение участников производства, такие как свободный рынок, черный рынок, монополия и т. д. [Уледов 1968: 137 – 139].

Взаимодействие форм общественного сознания осуществляется не путем воздействия идеи, а созданием состояний общественного сознания. Принципы взаимосвязи форм сознания выходят за пределы самого сознания и происходят на уровне общественных отношений. Социальные потребности являются объективной основой

для взаимодействия и взаимозависимости видов общественного сознания.

Виды деятельности людей, направленные на распространение идей и взглядов, приводят к дифференциации общественного сознания на идеологию, науку и общественную психологию. Каждая сфера выполняет определенные функции, влияющие на содержание и структуру общественного сознания. Идеология разрабатывает идеи и взгляды с целью их распространения среди населения, влияя на содержание и структуру общественного сознания. Хотя идеология не равносильна общественному сознанию, она является одним из его элементов [Там же: 184]. Она функционально связана с интересами и стремлениями общественных групп, играя роль в укреплении ценностей и целей коллектива.

Другой важной областью общественного сознания (ОС) является наука. Наука также тесно связана с материальными отношениями, поскольку ее развитие определяется производством материальных благ. Исторически наука развивалась в соответствии с потребностями производственных сил общества. Производство создает условия для проведения научных исследований, способствуя тем самым прогрессу науки. Наука становится непосредственным фактором производства, так как результаты научных исследований превращаются в инструменты труда, знания и умения производителей.

Уникальность науки заключается в том, что она представляет собой высшую форму познания и является двигателем общественного прогресса. В то время как наука стремится к объективному знанию, идеология выражает взгляды, соответствующие интересам общества, а общественная психология имеет эмоциональную направленность.

Взаимосвязь между этими тремя сферами заключается в том, что элементы одной сферы становятся элементами других. К примеру, идеология основывается на научных достижениях; общественная психология перерабатывает идеологические взгляды и впитывает их. Идеологические убеждения становятся частью жизненного опыта и самоидентификации общества. Также идеология выполняет обучающую функцию, сходную с функцией науки, и наука может распространять идеологию. Идеология и наука оказывают влияние на общественную психологию.

Исторические типы являются следующим элементом ОС. Они выделяются на основе способов производства материальных благ, так как эти способы определяют все аспекты социальной жизни, включая духовную сферу и специфические черты общества. Например, сознание первобытного общества было отлично неразделенностью языковых значений и биологических смыслов, а также неосознанности коллективных отношений.

Общественное сознание также можно описать через его состояния. Состояния ОС представляют собой положения идей, взглядов, представлений и чувств, когда одни из них доминируют над другими, влияя на поведение людей. Например, господство религиозной идеологии в средневековом обществе отражает определенное состояние общественного сознания. Разные состояния оказывают различное воздействие на содержание ОС, отражая потребности и интересы людей, а также вызывая эмоциональные реакции на явления общественной жизни.

Состояния общественного сознания могут иметь различную длительность. Например, общественное мнение, являющееся одним из наиболее распространенных состояний, может быть краткосрочным, если проблема, вызвавшая его формирование, быстро решается. В других случаях оно может быть стойким. Тем не менее, внутренние состояния и их проявления могут быть несоразмерными, так как возможно задержка во времени. Иногда они могут недостаточно отражаться в поведении людей.

Отставание сознания от общественного бытия из-за неравномерного развития его аспектов характеризуется неравномерностью осознания изменений в общественных отношениях, требующих времени для усвоения. Например, реформы могут вызывать изменения в поведении людей, за которыми последует осознание и принятие или отвержение этих изменений. Поэтому справедливо утверждение о том, что сознание является осознанным бытием, следовательно, оно подчинено общественному бытию.

Внутренние закономерности общественного сознания зависят от взаимосвязи его элементов – видов, сфер, типов. Среди таких закономерностей выделяются взаимосвязи между видами при формировании состояний сознания, между сферами в пересечении их содержания и функций, а также между типами сознания в преемственности идей и взглядов.

Ключевым является взаимодействие общественного и индивидуального сознания. Индивид принимает общественное сознание через конкретные обстоятельства своей жизни, определяемые его положением в общественных отношениях, жизненным опытом, образованием и воспитанием. Эти факторы индивидуализируют общественное сознание. Отношение индивидуального сознания к общественному характеризуется как активное, поскольку человек ищет ответы на интересующие его вопросы.

Общественное сознание играет главенствующую роль во взаимодействии с индивидуальным, поскольку индивидуальное сознание формируется под воздействием общественного, точнее, коллективного сознания через различные отношения, существующие в коллективе.

Одним из ключевых факторов в формировании общественного сознания является установка. По мнению психологов таких как Д.Н. Узнадзе, Т.Т. Иосебадзе, Т.Ш. Иосебадзе, Ш.А. Надирашвили, установку можно рассматривать как склонность к восприятию социальных явлений с определённой позиции и ориентацию на конкретные ценности [Узнадзе 2001: 118; 164]. Общественное мнение также играет значительную роль в формировании установки, поскольку через него выражаются цели и идеалы общества. Процесс усвоения содержания общественного сознания индивидуумом проходит как стихийно, так и сознательно через влияние воспитания, образования и идеологии. Из-за этой двойственной природы возможны противоречия между общественным и индивидуальным сознаниями.

Общественное сознание представляет собой многомерное явление, охватывающее все аспекты общественных отношений. ОС неразрывно связано с общественными отношениями, так как отражает их, и наоборот: различные виды общественной деятельности в большей или меньшей степени отражают содержание общественного сознания. Для удобства исследования общественное сознание часто разделяют на виды, соответствующие различным сферам общественных отношений, такие как экономическое, политическое, правовое, нравственное, религиозное, эстетическое и философское сознание. Эти виды сознания относятся к трем основным сферам – идеологии, общественной психологии и науке в зависимости от выполняемых ими функций в обществе. Ведущий вид сознания

обычно определяет состояние общественного сознания и общества в целом. Например, экономическое сознание считается ведущим в данной исторической эпохе, отражая отношения людей в производстве, распределении и потреблении благ.

Анализ состояний общественного сознания необходим для понимания процессов политической, экономической и социальной жизни общества. Изучение конкретных состояний помогает лучше понять ход событий, поведение людей и т.д. Также анализ состояний важен для понимания процесса отражения действительности людьми. Состояния сознания в значительной степени влияют на то, как общественные отношения и интересы людей будут отражаться. Анализ состояний позволяет выявить механизм воздействия духовных образований на деятельность людей.

2.3. Психологический подход к исследованию общественного сознания

Психологические подходы к изучению общественного сознания преимущественно представлены в социальной психологии и этнопсихологии. Важно отметить, что в психологии изучение сознания в основном фокусируется на индивидуальном сознании (например, работы В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьева). Основные концепции во многом совпадают с социологией, так как рассмотрение сознания как отражения действительности является проблемой общей для философии.

В психологии выделяются теоретический и обыденный уровни общественного сознания. Теоретический уровень представляет собой идеологию общества, а обыденный — общественную психологию. Считается, что тип общества формирует психологический тип личности и ее общественное сознание. В отличие от социологии, психология при формировании личности уделяет большее внимание индивидуальности, поскольку одни и те же социально-исторические условия могут порождать различные психологические типы.

Подходы в психологии также утверждают, что изменения в структуре общества влияют на изменения психологического типа и, следовательно, на общественное сознание. Этнопсихология, в

частности, исследует взаимосвязь между психологическими переменными и этнокультурными особенностями на уровне этнической общности.

С точки зрения этнопсихологии, содержание общественного сознания целиком зависит от согласованного мнения о характеристиках, отличающих одну этническую группу от другой. Воздействие этнических особенностей на восприятие действительности изменяется в зависимости от исторического контекста, этнического окружения и других факторов. Для осознания каждым членом этнической группы своего места в ней важна общая концепция характеристик этноса.

Изучение сознания неразрывно связано с изучением речи, как указывал Л.С. Выготский – «мышление и речь» или, шире говоря, «сознание и речь» по формулировке С.Л. Рубинштейна. По мнению последнего, слово является формой выражения мысли, обобщения и существования понятия. Таким образом, в психологии, социологии и лингвистике изучение сознания, включая общественное сознание, требует описания, анализа и интерпретации его вербального и невербального выражения в зависимости от целей исследования.

Содержание общественного сознания может быть исследовано через понятие «образ мира». Образ мира используется для анализа процесса восприятия реальности, мышления и регулирования общественного поведения. Он должен отражать личностные и социальные особенности мира, такие как политические события, окружающая среда, природа, частная жизнь, социальные институты, военная опасность и другие факторы.

Некоторые ученые, например В.В. Столин и А.П. Наминач, обсуждают возможность существования целостного психологического образования, которое бы включало различные объекты и явления, связанные с миром, сохраняя при этом ясность и целостность. Однако, восприятие социального мира и отношение к нему менее стабильны, и создание целостного образа социального мира маловероятно.

Для обнаружения факторов, объединяющих групповые сознания, можно использовать психосемантический анализ значений и семантических систем, отражающих представления об окружаю-

щем мире. Этот метод помогает раскрыть содержание общественного сознания, особенно в контексте социокультурных групп и обществ.

Метод Психоэмоциональной оценки (ПЭ) позволяет исследовать кросскультурную и кроссиндивидуальную универсальность эмоциональных реакций на стимулы из реальности. А.Г. Шмелев считает, что эмоциональные оценки соответствуют субъективному восприятию стимулов, где объекты действительности могут вызывать однотипные реакции.

Используя метод ПЭ, можно получить информацию о содержании общественного сознания конкретной социальной группы. Например, В.Ф. Петренко и О.А. Митина разработали синергетическую модель динамики политического сознания, которая включает данные, полученные с помощью ПЭ, но также выходит за их рамки. Синергетический подход, применяемый в исследованиях политического общественного сознания, является новым для психологии. Его задача – раскрыть общие принципы самоорганизации в различных системах, включая физические, биологические, технические и социальные.

Синергетический подход основан на понятии «динамические системы» из естественных наук, где объект или процесс, состояние которого может быть определено в определенный момент времени, рассматривается как динамическая система. Изменения в состояниях отражают изменения во всей системе, при этом как внешние, так и внутренние факторы могут провоцировать эти изменения.

Существуют динамические системы, подразделяющиеся на линейные и нелинейные. Линейные системы представляют собой простое объединение своих элементов, однако в большинстве случаев условия линейности нарушены. Процессы в нелинейных динамических системах выражены более сложными моделями. Нелинейная система обладает определенными характеристиками: её поведение различно в разное время и при различных воздействиях, что приводит к отсутствию закономерности в процессах. Кроме того, нелинейные системы имеют как устойчивые, так и неустойчивые стационарные состояния. Неустойчивые стационарные состояния свидетельствуют о возможных изменениях в системе, указывая на разнообразие поведения нелинейной системы, которое

включает альтернативные пути системных изменений и их необратимость. Поэтому прогнозирование нелинейных процессов часто затруднительно.

Эти системы могут изучаться двумя методами: экстернально, где можно описать и проанализировать сценарии точек бифуркации без детализации, и интернально, когда наблюдатель является частью системы и его действия влияют на самоорганизацию процессов. Теория катастроф используется для описания первого метода, а теория детерминированного хаоса – для второго. В контексте общественного сознания, рассматриваемого как нелинейная динамическая система, авторы предполагают, что теория детерминированного хаоса и теория катастроф могут быть успешно применены для анализа функционирования общественного сознания. Для иллюстрации применения синергетического подхода упоминается исследование динамики политического менталитета российского общества в период с 1991 по 1993 год. Авторы подробно описывают применение синергетических моделей для анализа изменений в динамике политического сознания в кризисный период, используя дифференциальные, разностные и символические уравнения для моделирования процессов в системе с большим количеством элементов. Математические подходы, по мнению авторов, способствуют получению более ясного представления о происходящем. Проведение большого количества измерений при продолжительном исследовании становится трудоемким, поэтому авторы предлагают использовать большое количество объектов для анализа вместо большого количества временных срезов.

Из представленной информации можно сделать вывод, что общественное сознание (ОС) может быть рассмотрено как нелинейная динамическая система. Это усложняет процесс ее изучения при использовании одной методологии. Однако такой подход открывает новые возможности для оптимизации процесса исследования общественного сознания за счет вовлечения естественнонаучных методов. Подход, основанный на рассмотрении ОС как нелинейной динамической системы, позволяет лучше понять сложные взаимосвязи и изменения, происходящие в обществе, что может привести к более глубокому анализу и улучшению стратегий исследования общественного развития.

2.4. Лингвистический подход к исследованию общественного сознания поколений

Лингвистика занимается анализом воздействия языковых средств на общественное сознание (ОС). Исследование СМИ как инструмента манипулирования ОС является распространенным среди лингвистов. В этом контексте лингвисты изучают структуру языковых высказываний, которая используется для формирования, манипулирования и прогнозирования реакций реципиентов.

Влияние языковых средств на ОС рассматривается на лексическом и синтаксическом уровнях языка. На лексическом уровне используется терминология для повышения авторитетности высказывания или вызывания определенной оценки со стороны читателя. Эвфемизмы, дисфемизмы, овеществления и олицетворения являются приемами, используемыми для достижения желаемого эффекта.

Например, эвфемизмы помогают заменить неприятные или страшные слова на более мягкие, в то время как дисфемизмы могут использоваться для придания объекту более сильной негативной окраски. Приемы овеществления или олицетворения позволяют переложить ответственность с одушевленных лиц на неодушевленные предметы и наоборот, что может изменить восприятие описываемого действия аудиторией.

Таким образом, использование различных языковых средств на лексическом и синтаксическом уровнях языка играет значительную роль в формировании и манипулировании общественным сознанием, а также в прогнозировании реакций аудитории на информацию, передаваемую через языковые каналы.

При использовании приема, аналогичного предыдущему, автор может сослаться на авторитетный источник, известный широкой публике. Такой подход свидетельствует о том, что автор несет ответственность за информацию, представленную в тексте. Например, можно привести следующий образец: «Как отмечено Форте (2014), мировой экономический кризис ощущался повсюду». Или же такой пример: «Нашли надежный источник, который раскрывает тайны политического мира» [НКРЯ].

Включение в текст мнений очевидцев или экспертов помогает читателю глубже погрузиться в проблему и вызывает активное со-

переживание. Например, «Согласно очевидцам, трагедия развернулась стремительно, накренившись бортом, что подталкивает к мысли о возможном отказе двигателей» [Там же]. Или цитата эксперта: «Эти войска на границе, как утверждает эксперт, служат лишь средством давления на Украину, поскольку не сравняются с российской армией сегодня» [Там же].

Одним из распространенных методов манипуляции в СМИ является использование метафор. Она помогает переосмыслить реальность, создавая яркие образы, вызывающие определенные ассоциации. Например, как уточняет Н.А. Красильникова в статье «Понимание России в американских метафорах», американская пресса часто прибегает к метафорам, связанным с миром животных, чтобы описать российских политиков как непредсказуемых и агрессивных: «российская власть ощетинивается», «русский медведь», «рычание».

Среди синтаксических приемов, способных оказать значительное воздействие, повторение, на наш взгляд, занимает одно из главных мест. Через повторение можно привлечь внимание аудитории к ключевой информации, закрепить ее в памяти и создать устойчивые ассоциации и стереотипы. Например, «...с юмором и уверенностью Меркель заявила, что проблемы с депортацией цыган будут решены в ближайшие недели» [Национальный корпус русского языка].

Одной из задач СМИ, особенно в политическом дискурсе, является создание стереотипов. У. Липпман в книге «Общественное мнение» указывает на то, что восприятие событий подвержено предвзятым мнениям, то есть стереотипам. Он описывает стереотипы как упрощенные образы мира, формирующиеся в сознании людей под воздействием информации, а не через непосредственное наблюдение [Липпман 2004: 91–92; 96–98; 106–107]. Эти образы могут быть искаженными, но также могут служить определенным целям, например, поддержанию текущего политического строя или укреплению верности установленным порядкам с целью предотвращения их нарушения [Там же: 109–110].

Параллельные конструкции и градация используются для активизации реакции на проблему и способствуют формированию личного мнения. Целью этих приемов является выделение ключевых аспектов текста.

Таким образом, перечисленные приемы направлены на внушение определенной оценки событий, точки зрения или побуждение к определенным действиям – с целью формирования общественного мнения.

Изучая общественное сознание, остается актуальной проблема определения его понятия, что порождает различные и порой противоречивые взгляды на его структуру. Многие исследователи считают, что основным методом исследования общественного сознания является сопоставление официальных и повседневных уровней этого сознания. Мы отмечаем сходство в интерпретации общественного сознания в рамках психологии и социологии, что позволяет интегрировать методы из обеих областей в наше исследование. Лингвистические исследования, включая семиотику, предоставляют дополнительные способы анализа отдельных элементов общественного сознания.

2.5. Ценности общечеловеческого содержания как отражение общественного сознания представителей национальной культуры

В этом разделе мы пересматриваем определения понятия «ценность», уточняем его содержание и объясняем, как это понятие используется в нашем исследовании. Мы рассматриваем взаимосвязь ценностей и норм, а также анализируем концепцию «общечеловеческой ценности». Следует отметить, что понятие «ценность» представляет собой широкое понятие, как и многие другие абстрактные термины, поэтому мы изучаем его только в контексте, соответствующем целям нашего исследования, не стремясь охватить все возможные его аспекты.

В рамках нашего исследования мы фокусируемся на изучении эволюции общечеловеческих ценностей, как одного из методов отслеживания изменений, произошедших или происходящих в общественном сознании русских в результате существенных социальных трансформаций, произошедших в 90-е годы XX века. Мы заинтересованы прежде всего в подходе социологов и психологов к понятию «ценность», поскольку они изучают ценности, функционирующие внутри личности и общества, а также взаимодействие между личностями и общественными группами различного уровня.

Согласно высказыванию Д.А. Леонтьева, понятие «ценность» описывает особую реальность, которая не сводится только к потребностям личности или социальной группы. Это утверждение подразумевает, что возможно широкое толкование ценностей: от социальных норм, имеющих личностное значение, до осознанного и принятого смысла жизни. Такой подход, по Леонтьеву, обладает значительным эвристическим потенциалом [Леонтьев Д.А. 1996].

Многие исследователи систем ценностей (например, М. Рокич, Т. Парсонс, К. Клакхон, В.А. Ядов, Н.И. Лапин и др.) рассматривают ценности как мощный фактор самоорганизации индивида и важный психологический ресурс, определяющий цели, амбиции, способы взаимодействия с окружающей средой, а также образ мышления и жизни человека.

Рассмотрим определения ценности, которые дают известные социологи и психологи, и выведем общую характеристику ценности.

Американские социологи У. Томас и Ф. Знанецкий трактуют ценность как «любой факт, имеющий доступные членам некоей социальной группы эмпирическое содержание и значение, исходя из которого он есть или может стать объектом деятельности» [Томас, Знанецкий 1994: 343].

М. Рокич определяет ценность как «устойчивое убеждение в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точки зрения, чем противоположные». Он выделяет основные признаки человеческих ценностей: общее число ценностей невелико; у всех люди обладают одинаковыми ценностями; они выражены с разной интенсивностью; ценности организованы в системы; источники ОЦ можно проследить практически во всех социальных явлениях, заслуживающих изучения [Rokeach 1973].

Т. Парсонс считает, что ценности являются культурными, а не личностными характеристиками, чем объясняется тот факт, что они являются общепринятыми. Даже если отдельный индивид не принимает какую-либо ценность, она тем не менее продолжают функционировать в системе общества. Таким образом, ценности являются основой связи между системой общества и системой личности. Они выполняют социализирующую функцию, т.к. ретранслируются в культурных образцах конкретной социальной системы, укореняются в сознании нового поколения и демонстрируют свой

принудительный характер в программе его социализации. Это значит, что выбор системы ценностей индивидом изначально предreshен уже сложившейся системой ценностей, членом которой он становится при рождении. Интернализация ценностей рассматривается Т. Парсонсом как один из основных механизмов воспроизводства социальных систем, упорядочивания и поддержания системного равновесия. По его мнению, институционализация ценностных ориентаций является наиболее оптимальным средством общественных изменений и, в частности, социального реформирования [Парсонс 2002: 85].

По мнению К. Клакхона, существует класс личностных ценностей, которые являются преломлением универсальных ценностей. Эти ценности не являются строго индивидуальными. Каждый индивид интерпретирует данные ценности различно. Отбор и усвоение индивидом социальных ценностей зависит от его социальной идентичности и ценностей малых социальных групп, членом которых он является (например, профессиональные, возрастные). Референтные для индивида группы могут как способствовать, так и противостоять принятию тех или иных ценностей больших социальных групп, в том числе общечеловеческих [Kluckhohn 1951]. Это высказывание можно применить, например, к террористическим группам, где убийство определенных лиц рассматривается, несомненно, как ценность, тогда как в ценностной иерархии других социальных групп все строго наоборот.

По мнению Н.И. Лапина, российского социолога, ценности представляют собой обобщенные представления о целях и нормах поведения, отражающие исторический опыт и сущность культуры как конкретного народа, так и всего человечества. В сознании каждого индивида присутствуют определенные идеалы, по которым он ориентируется в своих поступках. Эти идеалы влияют на формирование его поведения, включая отношение к политическим и экономическим изменениям.

Большинство исследователей поддерживают мнение о том, что ценность - это убеждение, которое разделяют все члены какой-либо социальной группы любого размера (например, возрастной, политической, или объединяющей всех людей), и оно регулирует и направляет деятельность этой группы в настоящем и будущем.

Важной особенностью ценности является ее способность передаваться из поколения в поколение. Именно в этом смысле мы используем понятие «ценность» в нашем исследовании.

Хотя ценности и нормы могут быть ошибочно смешаны в одно, Л.И. Иванько указывает, что ценности связаны с целями, которые люди ставят и достигают в своей деятельности, в то время как нормы определяются средствами и способами выполнения деятельности. Нормы более строгие, чем ценности. Подчинение норме является абсолютным: либо ей следуют, либо нет, в то время как ценности имеют различную степень важности. Некоторая нормативная система основана на внутренней целостности: все элементы должны быть выполнены, иначе система может распасться. В то время как ценности представляют собой иерархию, где порядок может изменяться без нарушения всей структуры. Таким образом, ценности и нормы играют разные роли: ценности являются целевыми ориентирами, устанавливающими верхние границы социальных притязаний человека, в то время как следование нормам служит ориентацией в социальной реальности.

Мы считаем необходимым уточнить терминологию, используемую в описании понятия «ценности», поскольку некоторые термины обозначаются как синонимы, что не всегда является правильным. В данном контексте мы также стремимся разъяснить соотношение ценностей с другими возникающими понятиями. В литературе предложено множество классификаций ценностей в зависимости от их базового характера (например, по содержанию, форме или субъекту). Многообразие видов ценностей объясняется тем, что к ним можно отнести как общие установки личности, так и оценки, нормы, запреты, цели, средства, идеалы и так далее. Для всех перечисленных категорий характерны модальность и долженствование, отражение реальности и связанных с ней явлений, а также присутствие противоположных аспектов (желательное-нежелательное, положительное-отрицательное и т.д.) [Философская энциклопедия в 5 томах, том 5: 462].

Ценности могут быть связаны с субъективным оценивающим сознанием или рассматриваться как идеальные сущности, независимые от способа их осознания, которые можно оценить различными методами [Там же, том 1: 30]. Наше исследование ценностей

проводится в рамках социокультурного подхода, поэтому мы ограничиваемся классификацией ценностей в социокультурной системе. Следует отметить, что социокультурный подход рассматривает общество как объединение культуры и социальности, где культура определяется как результат деятельности человека, а социальность как взаимоотношения между людьми или социальными субъектами, то есть как общественные отношения [Лапин 2000]. В рамках социокультурной системы выделяются такие типы ценностей, как традиционные (например, семейные ценности), посттрадиционные или либеральные, современные (например, независимость), базовые или универсальные, общечеловеческие, различаемые по типу цивилизации, а также терминальные и инструментальные, определенные через представления, на которые индивидуум ориентируется в своем поведении [Лапин 2010].

Н.И. Лапин утверждает, что в сознании людей ценности образуют иерархию. Наиболее стабильным является верхний слой, который состоит из терминальных ценностей, или ценностей-целей - общих представлений о желаемых социальных отношениях.

Базовые ценности представляют собой общие цели и способы их достижения, связанные с основными потребностями человека, такими как витальные, социальные и интеракционные. Примерами таких ценностей могут быть семья и свобода (терминальные ценности), а также милосердие и независимость (инструментальные ценности). Универсальные или общечеловеческие ценности являются культурным элементом базовых ценностей и присущи любой культуре. Важно отметить, что хотя назвать определенное количество ценностей общечеловеческими не означает их объективность. Полностью объективными считают понятия, которые не зависят ни от индивида, ни от человечества в целом, так как ценности, по своей сути, всегда подвержены субъективной оценке. Общечеловеческие ценности учитывают различный исторический опыт жизнедеятельности людей разных эпох, цивилизаций, социально-экономических структур, классов, национальностей, этносов и культур. Разнообразие социальной структуры общества приводит к сосуществованию различных и даже противоречивых ценностей. Например, в период Возрождения в Европе, несмотря на преобладание религиозного сознания и уважения к браку, проституция была институционализована. Система ценностей конкретного общества

проявляется в его деятельности и общественных отношениях в конкретный исторический период.

Помимо базовых ценностей, выделяют предметные ценности, количество которых практически безгранично. Эти ценности представляют собой продукты человеческой деятельности, отражающие индивидуальные или общественные представления об идеале, такие как деньги, драгоценности, недвижимость, автомобили и загородные дома.

Согласно культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, соединение индивида с ценностями объясняется через теорию интериоризации внешних социальных регуляторов по отношению к индивиду. Это означает, что ценности регулируют деятельность и поведение человека, независимо от степени осознания их им в сознании. Индивид может руководствоваться сознательными убеждениями о ценностях, что выражается через ценностные ориентации. Признание реальности интериоризированных, но лишь частично осознаваемых ценностей и ценностных ориентаций, приводит нас к проблеме различия между декларируемыми и операциональными (или реальными) ценностями. Операциональные ценности активно влияют на мотивацию индивида и других социальных субъектов, регулируя их поведение в повседневной жизни. С другой стороны, декларируемые ценности играют важную роль в самоидентификации индивида, но не всегда являются действующими факторами его деятельности, скорее являясь желаемыми ценностями.

Существует разница между декларируемыми и операциональными ценностями по ряду причин: значимость некоторых ценностей может быть недооценена или завышена; некоторые люди могут не осознавать полностью значение ценностей из-за недостаточной рефлексии или неустойчивой системы личностных ценностей; в сознании существуют ценностные представления разного уровня. Иногда индивид не может полностью осознать и выразить на языке свои операциональные ценности. Даже адекватно осознанные ценности могут быть неправильно представлены из-за табу или других препятствий.

Д.А. Леонтьев предлагает три формы существования ценностей, отмечая, что основной формой является общественный идеал. Об-

щественные идеалы представляют собой универсальные представления о совершенстве в различных сферах общественной жизни, являясь идеальными точками развития личностных ценностей для субъектов. Такие идеалы коренятся в общественной жизни конкретного социума и отражают его практический опыт. Примером общественного идеала может служить ценность справедливости, которая в русской культуре иногда ставится выше закона, отражая эмоциональное отношение к справедливости и ее восприятие как цели, нечто недостижимое и желанное.

Другой формой выражения ценностей являются культурные артефакты. Ценности реализуются через человеческую деятельность и могут проявляться либо в созданных объектах, либо в самом акте действия. Материальная и духовная культура человечества представлена широким спектром творений человеческой активности. Культурный артефакт становится непосредственным объектом ценности в процессе своего использования в общественных взаимоотношениях.

Как было упомянуто ранее, ценностное выражение через объекты возможно лишь в результате осознанной деятельности человека, который направляется этими ценностями. Ценность может быть воплощена в объекте только после того, как она становится личностной ценностью и укоренивается в структуре личности. Личностные ценности, также как и социальные, существуют в форме идеалов или образцов должного поведения. Синонимом этой формы проявления ценности могут служить ценностные ориентации, которые представляют собой осознанные представления субъекта о собственных ценностях.

Часто используемым термином является понятие ценностных стереотипов. Они отражают представления о том, какие ожидания выдвигают различные социальные группы и общество в целом перед индивидом. В сознании человека одновременно могут существовать несколько систем ценностных стереотипов различных социальных групп, таких как профессиональные, гендерные, национальные.

Как уже отмечалось ранее, базовые ценности представляют собой культурный инвариант общечеловеческих ценностей. Следовательно, перед исследователем, который изучает культурноспеци-

фическую систему ценностей, стоит задача составить список базовых ценностей, характерных для данной культуры. Мы используем список ценностей, полученный в рамках проекта «Томская Инициатива», проведенного в 2000–2001 годах для выявления базовых ценностей российского народа. Подробное описание методологии выявления системы базовых ценностей и другие результаты этого проекта приведены в книге «Базовые ценности Россиян». Здесь мы лишь кратко рассмотрим процесс создания этого списка. Формирование списка базовых ценностей проходило через несколько этапов, включая использование анкетирования, интервью, классификации и завершения предложений.

В 1993 году был создан обширный список из 242 слов, исключая инструментальные ценности. В 1998 году этот список был уточнен до 152 ценностей. Экспертами было выбрано 186 слов-кандидатов для включения в список базовых ценностей россиян, к которым были добавлены предположительно базовые инструментальные ценности. Для более полного понимания предпочтений людей, помимо списка ценностей, был составлен список антиценностей, содержащий 178 слов, символизирующих то, с чем, по мнению историков, борются все культуры мира. После этого дважды были проведены небольшие выборки по 40 человек, которые должны были группировать слова из больших списков по смысловой близости. Респонденты самостоятельно выбирали группы. Анализируя эти данные, исследователи распределяли ценности и антиценности по определенным кластерам. Результаты анализа представлены дендрограммами, или кластеризациями (см. Приложение «Дендрограммы»). Числа слева от списка указывают степень близости слов.

При отборе слов для окончательного списка использовались несколько критериев. Во-первых, слово-кандидат должно иметь потенциал стать базовой ценностью для определенной группы, т.е. указывать на конечное и логически не выводимое предпочтение. Во-вторых, критерием отбора был высокий уровень абстрактности, многогранности и обобщенности включаемых в список категорий. Например, исключались выражения, которые являются видовыми по отношению к другим (например, «свобода слова» по отношению к «свободе»).

В результате было отобрано 38 ценностей и 30 антиценностей. Список включал в себя не только ценности, широко распространенные и употребляемые большим количеством людей, но и те, которые даже для небольших групп занимали важное место по степени значимости. Авторы подчеркивают, что требуется эмпирическая проверка, способна ли определенная ценность занять лидирующее положение в личной иерархии индивида или группы людей.

Таким образом, ценности представляют собой многоаспектное понятие, обладающее различными проявлениями. Одна и та же ценность может быть идеалом, ориентацией, стереотипом, целью или средством в зависимости от уровня осознания личности или общества. В нашем исследовании мы рассматриваем веру, долг, развитие и свободу как базовые ценности русской культуры. Эти четыре ценности занимают высокие позиции в ценностной иерархии русского общества и в целом считаются фундаментальными. Наша задача заключается в том, чтобы выяснить, какое содержание придавалось и придается этим ценностям двумя близкими поколениями, в каких контекстах они функционируют в общественном сознании, а также как изменялось или может измениться их содержание.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Во второй главе был представлен анализ триангуляционного подхода, цели которого в исследовании, а также его применение в данной работе. Мы подробно рассмотрели структуру общественного сознания и различные методы его изучения в социологии, психологии и лингвистике. В завершающем разделе этой главы мы провели обзор определений понятия «ценность», описали ее содержание и формы, объяснили контекст использования термина «ценность» в данном исследовании, осветили различия между базовыми и общечеловеческими ценностями, а также между понятиями «ценность» и «норма». Мы также рассказали о процессе формирования списка базовых ценностей русского народа.

Суть триангуляционного подхода заключается в сочетании количественных и качественных методов исследования, при этом основным ограничением является характер анализа данных. Цели данного подхода включают подтверждение фактов, полученных различными методами, более детальное исследование и интерпретацию результатов исследования. Таким образом, данный метод

расширяет возможности исследования и обеспечивает достоверность данных, полученных путем комплексного анализа.

Применение триангуляционного подхода в данной работе обосновано объектом исследования, а именно изменением значения слова в трехуровневой модели общественного сознания. Это предполагает анализ лингвистического материала различного направления.

Общественное сознание представляет собой многомерное явление, отражающее общественное бытие через все виды общественных отношений и деятельностей человека. Соответственно, социологи выделяют нравственное, политическое, правовое, религиозное, эстетическое, экономическое сознание, а также области общественного сознания, такие как общественная психология, идеология, наука, исторические формы и состояния общественного сознания.

В отличие от социологов, психологи уделяют основное внимание влиянию индивидуальности на формирование общественного сознания. Исторические условия, при одинаковых обстоятельствах и разной индивидуальности, порождают уникальные психотипы. Образ мира, как психологическое понятие, отражает содержание общественного сознания через интеграцию личностных и социальных аспектов мира.

Лингвистический подход к изучению общественного сознания фокусируется на исследовании языковых высказываний как средства формирования и манипулирования общественным сознанием.

В рамках общественного сознания ценности играют значительную роль, поскольку они регулируют поведение человека, независимо от того, насколько они осознаны. Ценности могут действовать как декларируемые (не влияющие на поведение) и операциональные (реальные), в то время как нормы строго определяют способ действий. Ценности направлены скорее на цели человека.

Ценности формируют иерархию, характерную для определенной социальной группы, включая ценности-цели и ценности-средства. Существует множество классификаций ценностей в зависимости от объекта их ориентации.

Общечеловеческие ценности присущи любой культуре, однако базовые ценности, связанные с конкретной культурой, соответствуют основным потребностям человека.

Д.А. Леонтьев выделяет три формы существования ценностей: общественный идеал (универсальное представление о совершенстве, ценностный ориентир, установка); культурные предметы (продукты деятельности или действия); ценностные стереотипы (ожидания социальной группы от индивида).

Глава 3. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЦЕННОСТЕЙ

3.1. Общие теоретические вопросы исследования сознания и языкового сознания

Исследование психолингвистических аспектов функционирования ценностей в языковом сознании начинается с определения ключевых терминов, связанных с изучаемой проблемой. Цель состоит в выяснении значения феномена «сознание» и в анализе различных аспектов его исследования.

Анализ научных работ, посвященных проблеме сознания, позволяет рассматривать его как одно из фундаментальных понятий философии, отражающее важный комплексный элемент человеческой психики. Обобщенное определение сознания представляет его как сложную многоуровневую структуру, функцию мозга, которая не только отражает объективный мир, но и определяет и направляет действия человека, а также включено в процесс самопроверки последствий индивидуальной деятельности.

В «Новой философской энциклопедии» сознание описывается как внутренняя душевная жизнь индивида, где события внешнего мира отражаются и подвергаются рефлексии со стороны субъекта.

Философия выделяет два основных направления в понимании сознания: идеалистическое и материалистическое. По идеалистической концепции, представленной, например, в работах Э. Гуссерля и Ж.-П. Сартра, сознание рассматривается как независимая субстанция, существующая сама по себе, без зависимости от восприятия окружающего мира. В такой теории ключевым является абстрактное, трансцендентальное сознание, существующее как априорная структура.

В работах материалистов, таких как П. Гольбах и К. Маркс, сознание рассматривается как знание, которое субъекты имеют об объективном мире. В этом подходе восприятие внешнего мира определяется как процесс перцепции, за которым следует акт рефлексии. Сознание трактуется как чувственное мировосприятие, а также как переработка и осмысление действий субъекта под воздействием окружающего мира. Материалистическое понимание сознания позволяет психологам определить его как специфическую деятельность по обработке чувственных данных извне, что

указывает на обусловленность сознания культурно-историческими условиями.

Согласно В.С. Степину, сознание является видом психической деятельности, связанной с интерпретацией информации, поступающей из внешнего мира и от организма.

Таким образом, в философском контексте сознание предстает как форма отображения бытия, как идеальная реальность, отражающая объективную действительность.

В рамках психологического понимания сознания оно представляет собой обобщенное отражение реальности, одновременно участвуя в регулировании деятельности человека.

Подобно философскому пониманию, в психологии сознание рассматривается как многоуровневая структура, включающая активность индивида в создании образа сознания предметов реальности. А.А. Леонтьев отмечает, что сознание формируется через внешние действия и сложные социокультурные условия практической деятельности, что позволяет интериоризировать действительность.

В психологии у нас есть деятельностный подход, предложенный А.Н. Леонтьевым, который помогает разрешить вопросы, касающиеся сознания. Он указывает на то, что сознание объясняется через общественную трудовую деятельность, где человек воспринимает мир и свое место в нем. Это подразумевает, что сознание может быть объяснено через объективно-предметные аспекты деятельности.

В психологии также отмечается, что процесс сознания зависит от эмпирического опыта и включает в себя «разворачивание» субъективных ощущений. Сознание рассматривается как результат деятельности, где субъект взаимодействует с окружающим миром и приобретает личностный смысл через культурные стереотипы.

Идеи Леонтьева развивали В.П. Зинченко и М.К. Мамардашвили, которые подтверждали, что сознание является продуктом деятельности и рефлексии, где субъект и его восприятие являются реальностью. Согласно этим авторам, предметы окружающего мира являются основой для субъективных оценок и переживаний.

Таким образом, сознание воспринимается как произведение деятельности, в котором объекты преобразуются посредством действий субъекта и приобретают определенные смыслы и значения.

Это процесс, в результате которого чувственная ткань сознания превращается в знаковую форму через действия индивида.

Для А.Н. Леонтьева значение олицетворяется телом знака, что делает его доступным для научного исследования. Термин «языковое сознание» возник благодаря закодированным человеческим действиям, преобразуемым в значения, которые могут быть изучены через языковые знаки. Ранее данной проблемой занимались такие ученые, как В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Л.В. Щерба.

С точки зрения современной психолингвистики, образ языкового сознания выступает основной моделью исследования содержания сознания. Поскольку цель психолингвистики заключается в раскрытии глубинных связей ментальных структур и мотивации речевой деятельности через вербальные и невербальные ассоциации, основное внимание уделяется исследованию языкового сознания. Для доказательства этой концепции практически необходимо объединять данные из различных психолингвистических экспериментов, сочетающих лингвистические и психологические подходы.

Психологическая интерпретация сознания подразумевает тесную связь с языком как знаковой системой. Согласно А.Н. Леонтьеву, объяснение происхождения сознания лежит в социокультурных условиях и деятельности, которая формирует его необходимость через трудовую активность. Таким образом, функция сознания заключается в направлении и регулировании действий субъекта на основе образов, возникающих в его сознании.

Автор придерживается следующей концепции языкового сознания: содержание языкового сознания не может быть прямо исследовано, оно закрыто для внешнего наблюдения. Однако сознание открыто для изучения через так называемые «овнешнители», которые обычно проявляются через языковые и нелингвистические знаки. В этом же ключе понимает языковое сознание и Е.Ф. Тарасов, описывая его как феномен «овнешнения» сознания языком, комплекс психических механизмов порождения, понимания речи и сохранения языка в сознании. Языковое сознание рассматривается как часть когнитивного сознания.

Для подкрепления аргументации можно отметить, что значение воспринимаемого извне процесса, объекта или явления формируется в ходе деятельности на основе социокультурного опыта. Таким образом, тело знака представляет собой трансформированную форму взаимоотношений человека с реальностью, отраженных в значении, которое представляет собой активный процесс и действие.

Языковое сознание играет роль средства, через которое возникают, сохраняются и обрабатываются языковые знаки и их значения. Эти процессы происходят в контексте формирования у индивида отношения к языковым знакам и их значениям. В психолингвистике это процесс называется приобретением личностного смысла сознанием. Язык выступает связующим звеном между сознанием и реальностью, а языковые и нелингвистические знаки служат для «овнешнения» сознания и облегчают его изучение ученым-психолингвистам. Формирование структур сознания происходит в процессе человеческой деятельности, основанной на мотивах, целях и потребностях.

Подчеркнем, что анализ языкового сознания возможен только через его трансформированные формы - в виде различных культурных объектов или квазиобъектов (языковых и неязыковых знаков). Согласно Л.С. Выготскому, сознание формируется через знаки, поэтому для изучения сознания используется «семиотический анализ» с целью раскрыть структуру значений и смыслов. В этом контексте развивается концепция В. Гумбольдта, который описывает язык как нечто непостоянное, мгновенно изменяющееся, скорее деятельность, чем статичный продукт. Он рассматривает язык как постоянное усилие ума, направленное на выражение мысли через артикулированные звуки, утверждая, что язык является знаком, обозначением явления и способом познания окружающего мира.

Для продолжения дальнейшего рассуждения важно отметить, что в соответствии с теорией речевой деятельности, физические проявления языковых знаков, «овнешняющих» языковое сознание, становятся объектами в самой речевой деятельности – в процессах говорения или письма, а также в понимании. Именно через эти действия происходит воплощение языкового сознания.

В процессе предыдущих рассуждений было показано, что образы сознания формируются через предметную деятельность. В

рамках культурно-исторической школы Л.С. Выготского и общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева утверждается, что развитие сознания как отражения мира определяется конкретными историческими условиями и связано с деятельностью в данном контексте. Это подтверждается Е.Ф. Тарасовым, который указывает на то, что формирование сознания происходит через интерпретацию перцептивных данных, использование знаний, созданных индивидуумом в ходе освоения своей этнической культуры.

А.А. Залевская также придерживается этой точки зрения, определяя образы сознания как сочетание восприятия и абстрактных знаний личности о реальном мире, которые требуют воплощения. В своих исследованиях А.А. Леонтьев выделяет обобщающую роль языка (слов) в формировании образов сознания (значений), возникающих в деятельности. Из этого следует, что языковое сознание может быть выражено языковыми и другими средствами и функционирует как внешне выраженное сознание.

Поэтому важно рассматривать языковое сознание как системную структуру, которая формируется на основе обработки знаний, полученных в результате взаимодействия с объектами и явлениями реального мира. Образы языкового сознания содержат интеллектуальные данные, которые формируются самим субъектом в процессе коммуникации, а также знания, возникающие в результате обработки чувственной информации, поступающей от органов чувств в ходе деятельности. Согласно определению Е.Ф. Тарасова, «языковое сознание – это совокупность образов сознания, формируемых и воплощаемых с помощью языковых средств – слов, фраз, предложений, текстов, ассоциативных поля».

Поскольку образ является психическим отражением свойств объекта, каждое отражение является результатом деятельности субъекта. Например, В.П. Зинченко определяет образ как сложную смысловую конструкцию, построенную на системе ценностей, несущих в себе общественный опыт. Образы возникают в результате практической, сенсорной и мыслительной деятельности, являясь интегральным отражением реальности, включающим основные категории восприятия (пространство, время, движение, цвет, форма, фактура).

В.П. Зинченко выделял значимость образов сознания, отмечая, что содержание образа заключено в его чувственной основе. Он подчеркивал, что значения образов могут быть и социальными (присущими общественному сознанию), и личностными (индивидуальными), формируя психическую структуру в сознании личности. По словам А.Н. Леонтьева, языковые значения представляют собой способы действия, скрытые за языковыми символами, которые формируются через обобщенный опыт общества.

Московская школа психолингвистики, представленная учеными-лингвистами, такими как Е.Ф. Тарасов и Н.В. Уфимцева, акцентирует внимание на том, что реальные явления, воспринятые индивидуумом в деятельности, отражаются в его сознании с учетом причинно-следственных связей и эмоционального окраса. Образ мира, по А.А. Леонтьеву, является совокупностью знаний, накопленных индивидом в ходе жизни, и служит основой для ориентации в мире. Этот образ формируется через участие в деятельности и социальной жизни, а затем используется в познавательной сфере.

Образ мира, как понимает А.Р. Лурия, отражает реальный мир в психике человека, представленный через значения и ментальные структуры. Изложенные концепции подчеркивают значение образов сознания как ключевого элемента культурного и личностного опыта, формирующегося в процессе взаимодействия с миром и языком.

Философия изучает ценности через аксиологию, определяемую как «философское учение о природе ценностей, их роли в реальности, структуре ценностного мира и связи с социальными и культурными факторами». Ценности описываются как обобщенные цели и средства достижения, которые регулируют наше бытие.

По этому определению, ценности играют ключевую роль в структуре личности и определяют отношение человека к другим людям и обществу. Ценности отражают специфический смысл культуры и общества. Современная философия видит ценности как необходимые для полноценной жизни человека, определяя его индивидуальность и личность. Объекты реальности получают свой смысл только через человеческое сознание, которое ранжирует и оценивает их в соответствии с потребностями и интересами.

Ценности представляют собой психические образования, являясь ключевой составляющей психической структуры личности. Они формируют личностный смысл и руководят индивидом в его взаимодействии с окружающим миром. Ценности – это не только осознанные концепции, но и результаты жизненного опыта, проникнутые личностной окраской. Аксиологический аспект не только направляет жизнь и мысли людей, но также организует и трансформирует их самосознание.

Следовательно, понимание ценностей реальности стимулирует человеческую мотивацию и поведение. В сфере потребностей и мотивации человека ценность может быть определена как способность индивида понять важность, необходимость и полезность объектов окружающего мира, а также направить его на достижение желаемого, формируя интересы, мотивацию, цели и способы их достижения. Это подтверждает, что ценностное восприятие действительности порождает мотивацию и поступки людей.

Для дальнейшего размышления важно отметить, что ценности представляют собой отражение человеческих представлений о нормах и целях поведения, оказывая влияние на интересы и мотивы людей. По словам М.С. Кагана, ценности не могут существовать отдельно от общества, культуры и личности, они могут быть как положительными, так и отрицательными. В целом, ценности играют ключевую роль в жизни каждого человека, являясь основой его ориентиров. Ценности формируются и определяются субъектом в процессе его деятельности, служа основой для социума и культуры.

Также следует обратить внимание на двойственную природу ценностей. Согласно американскому социологу М. Рокичу, ценности одновременно представляют цели и способы их достижения, регулируя деятельность человека и общества. Они определяются как стабильная ориентация сознания на более предпочтительное поведение с точки зрения личного или социального благополучия. Истоки ценностей прослеживаются в культуре общества и оказывают влияние на широкий спектр социальных явлений. Таким образом, ценности определяют человеческие предпочтения и играют важную роль в выборе поведения, интегрируя общество и помогая индивидам принимать социально приемлемые решения в значимых ситуациях.

Следующая картина проявляется в том, что ценности формируют и определяют мировоззрение и жизненные цели как у конкретного человека, так и общества в целом. Они координируют и регулируют социальное взаимодействие, являясь основополагающим элементом культуры. Следовательно, можно заключить, что ценности являются основой любой идеологии и мышления отдельного индивида или группы. Это подтверждает их роль в обеспечении социального объединения людей, интеграции их в совместную деятельность, а также ориентации в выборе поведения в ключевых ситуациях.

Затем стоит рассмотреть, как ценности действуют как связующее звено между культурой, деятельностью и сознанием. Согласно высказыванию М. Рокича, «все люди где-то разделяют одни и те же ценности, но в разной степени» [Rokeach 1973: 3]. Истоки этих ценностей находятся в культуре, обществе, социальных институтах и личности индивида. Следует помнить, что в зависимости от видов деятельности и культурных традиций ценности могут различаться, но необходимо подчеркнуть, что без ценностей нет социума, и ни один аспект человеческого бытия не может функционировать без ценностных ориентиров, корни которых заложены в культуре и сознании.

Доминирующие социокультурные установки и тенденции, выраженные через стереотипы, идеалы и нормы, создают систему ценностей, которая влияет на выбор жизненных приоритетов человека. Согласно мысли К. Маркса, человеческое сознание можно определить как аксиологическое, так как оно направлено на общественно принятые ценности. Ценность здесь выступает как результат деятельности субъекта, ориентированной на ценностные принципы.

Это подтверждает, что в сознании как отдельного индивида, так и общества в целом существуют ценности, которые формируют духовную направленность и координируют деятельность и общение людей. Показывается, что способность оценивать мир возникает во взаимосвязи с практической деятельностью каждого индивида, где ценности принимают или отвергаются в зависимости от их социальной, политической, культурной или моральной значимости для субъекта.

Можно предположить, что система человеческих ценностей представляет собой ясное и упорядоченное представление мира. Если рассматривать ее как структуру взаимосвязанных и развивающихся элементов сознания - ценностных форм, таких как когнитивные, логические, моральные, политические, юридические, эстетические, религиозные, то система ценностей можно считать одной из важнейших составляющих культуры.

Напомним, что сознание может быть изучено только через его внешние проявления, а именно через знаковые объективации или образы сознания, выраженные в языковых и лингвистических знаках. Одним из таких проявлений являются сформированные ценности субъектов.

Из этого следует, что анализ ценностей можно рассматривать как один из способов исследования языкового сознания, где ценности рассматриваются как форма проявления сознания. Эту идею подтверждает М.С. Каган: «Ценности, как высшие ориентиры, определяющие поведение людей, составляют ключевую часть языковой картины мира. Ценности в культуре существуют связаны и образуют ценностную картину мира, отраженную в языке. Учет ценностей учитывает важность эмоциональной составляющей» [Карасик 2002: 117]. Анализ ценностей предоставляет возможность понять нормы поведения в конкретной культуре и обществе, а также определить, какие правила и нормы, порожденные ценностями, присваиваются различными культурами и обществом.

Понимая, что нормы и ценности считаются наиболее стабильными элементами в сознании, так называемым цивилизационным кодом, можно заключить, что изменения в них происходят медленно, поэтому исследования в этой области могут быть направлены на длительный период.

Понятие «ценностная ориентация» возникло в связи с развитием теории ценностей в 60-е годы, а также в результате исследований в области психологии мотивации в 50-е годы. С.А. Рубинштейн высказывал необходимость введения такого понятия, которое представляло бы стойкое отношение личности к различным внешним ситуациям реальной жизни. Он установил мотив как устойчивое состояние, являющееся реакцией субъекта на конкретные жизненные события. Наделение мотива свойством устойчивости и способности к обобщению привело к новым аспектам в его содержании.

Рассмотрим связь между мотивами и ценностными ориентациями. Согласно С.А. Рубинштейну, ценностные ориентации являются ключевыми элементами личности, сформированными жизненным опытом индивида, определяющими значимое для него от незначимого. В контексте психологии, мотивы играют роль ориентиров и целеполагающих стимулов человеческой деятельности.

Подобно тому, как мотивы направляют и руководят действиями индивида, формирование ценностных ориентаций личности также опирается на иерархическую систему социальных и культурных целей, социальные потребности, интересы и стремления индивида. Эти факторы определяются внешними и внутренними условиями развития индивида, а также особенностями культуры и общества, в котором он живет и развивается. А.Г. Здравомыслов и В.А. Лядов отмечали: «Ценностные ориентации представляют собой установки личности на различные ценности материальной и духовной культуры общества. Этот элемент структуры личности является осью сознания, вокруг которой формируются мысли и чувства человека, влияющие на многие аспекты его жизни» [Здравомыслов 1965: 199].

Ценностные ориентации позволяют выражать отношение индивида к реальности и продуктам культуры, формируя содержательную часть его сознания. Важно отметить, что ценности могут рассматриваться как идеальные или виртуальные «сущности», проявленные во внешних объектах человеческой деятельности. Каждый объект и явление действительности несет информацию о деятельностных процессах, связанных с ним. Опыт предмета в сознании индивида представлен как идеальная реальность, а ценность в виде образа преломляется в знаковую форму через языковые знаки или символы.

Следовательно, ценности выражаются в форме знаков, а отношение к ценностям обретает материальное воплощение в процессе деятельности. Ценностные ориентации индивида, будучи своеобразным кодексом норм и предписаний, помогают ему ориентироваться в окружающей реальности. Это особый «код», в котором закодированы оценки деятельности в виде готовых установок и оценок. Нормы и правила, заложенные в ценностных ориентациях, представлены в форме внешних объектов сознания, что помогает

индивидууму ориентироваться в соответствии с устоявшимися стереотипами и установками.

В социально-психологической структуре как личности, так и социальной группы ценностные ориентации играют ключевую роль. По мнению Е.Ш. Курбангалеевой, социальная направленность ценностных ориентаций личности и социальных групп проявляется в создании новых социальных норм, ценностей, правил поведения, убеждений и идеалов в период развития и трансформации общества. Индивиды и группы начинают пересматривать и оценивать свои ценности, стремясь соответствовать этим изменениям.

Согласно Д.А. Леонтьеву, ценностные ориентации представляют собой относительно стабильную, социально обусловленную мотивацию человека, определяемую целями, имеющими для него высокий приоритет. Мотивация и постановка целей определяют методы достижения этих целей, которые выражаются через формирование специфических способов поведения, независимо от социальных ситуаций.

Ценностные ориентации, согласно Д.А. Леонтьеву, являются системой установок на объекты окружающей действительности, выражающихся через оценочную активность человека. Они зависят как от социальной среды, так и от внутреннего содержания личности, представляя собой индивидуальные ценностные принципы, которые направляют действия личности и определяются мотивами и интересами общества, а также культурными стандартами.

Таким образом, ценностные ориентации детерминируют и отражают субъективное восприятие индивидом реальности. Поскольку ценностные ориентации являются индивидуальными или коллективными представлениями о значимых ценностях в обществе, субъекты и группы занимают позицию оценки относительно объектов и явлений действительности, определяющих основные направления их жизнедеятельности. Эти ориентации способствуют дифференциации и ранжированию компонентов общества и культуры по степени их значимости, что помогает людям найти свое место в различных системах взаимодействия и самопознания.

В связи с этим важно отметить, что психолингвисты (Е.Ф. Тарасов, В.А. Ильина) выделяют различные уровни закрепления ценностного (или аксиологического) сознания. Обычно эти уровни

классифицируются как: официальный уровень общественного сознания, представленный в научных и энциклопедических источниках; промежуточный уровень общественного сознания, описываемый в толковых словарях; уровень повседневного общественного сознания, который представлен сознанием обыденных носителей языка [Тарасов, Ильина 2015].

Считаем необходимым и целесообразным привести пример описания ценности с использованием метода компонентного анализа, который поможет наглядно показать место ценности на официальном и промежуточном уровнях общественного сознания. Детальное теоретическое обоснование метода компонентного анализа будет представлено далее.

Важно отметить, что все приведенные примеры и выводы основаны на анализе статей из различных источников, таких как Большая энциклопедия в 62 томах, Большой Российский энциклопедический словарь, Политическая энциклопедия под редакцией Г.Ю. Семигина, Российская социологическая энциклопедия под редакцией Г.В. Осипова, Словарь философских терминов под редакцией В.Г. Кузнецова, Социологическая энциклопедия, Словарь русского языка в 4 томах, Словарь русского языка в 20 томах под редакцией В.И. Чернышева, Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова.

При попарном сравнении семантических компонентов ценности милосердие, представленных в энциклопедических и лексикографических источниках, становится очевидным, что значение и содержание данной ценности на промежуточном уровне общественного сознания (лексикографические источники) описывается набором сем, которые традиционно связаны с душевно-эмоциональной сферой человеческих отношений. В данных семантических компонентах ценность раскрывается через языковые единицы, содержащие семы, связанные с любовью и человеколюбием.

Из анализа энциклопедических и философских источников становится ясно, что понимание милосердия включает в себя более широкий контекст, например, связанный с общечеловеческим феноменом гуманности. Одним из компонентов ценности милосердие также является заботливость, что указывает на полноценное понимание этой ценности. Некоторые компоненты значения ценности

совпадают в энциклопедических и лексикографических источниках (например, сострадание и любовь), что свидетельствует о наличии общих элементов как на официальном, так и на промежуточном уровнях языкового сознания.

Анализ семантических компонентов содержания милосердия через паремии в русском языке позволяет раскрыть содержание промежуточного уровня общественного сознания, отражающего повседневные представления. В рассматриваемых паремиях можно выделить следующие ключевые аспекты:

Значение моральности в человеке: проявление сострадательности и добросердечности признается ценным, так как позволяет человеку быть благоприятным перед Богом и получать его помощь.

Роль добра и милосердия как важной части христианства: снисхождение и сострадание к страдающим людям отражают верность христианским убеждениям. Бог является учителем милосердия для людей.

Значимость милосердия в юридических и судебных вопросах: милосердие играет важную роль в справедливости. Для правосудия необходимо проявление истинного милосердия и сострадания, даже по отношению к преступникам.

Анализ компонентов показал, что в русском языке милосердие воспринимается как положительное явление в данном национально-культурном контексте. Паремии подчеркивают важность милосердия в рамках христианской философии человеколюбия и сочувствия, поощряя доброту и сердечность по отношению к нуждающимся, больным и несчастным. Также отмечается, что для полноценного осуществления правосудия необходимо опираться на милосердие, сострадание и человеколюбие.

Важно отметить, что при переходе к обсуждению ценностей и ценностных ориентаций в контексте культурологии следует учитывать, что каждый индивид формирует определенный набор ценностных ориентаций в рамках культуры. Структура этих ориентаций является динамичной и подвержена изменениям под воздействием политических и исторических событий.

Ценности играют ключевую роль как смыслообразующие компоненты культуры, которые придают ей целостность и единство. Следовательно, понимание культуры без учёта соответствующей ценностной системы оказывается невозможным.

Ценность играет ключевую роль в формировании культуры, поскольку уникальность ценностей определяет специфику конкретной культуры. Взгляд Юргена Хабермаса отражает, что культурные ценности обеспечивают «тождественность действующих субъектов», причем «групповая и индивидуальная тождественность выражается в них настолько, что они становятся неотъемлемой составной частью определенной культуры или личности».

Согласно Владимиру Ильину, ценности играют главенствующую роль в культуре, представляясь как смысловые концепты культуры. Каждая культура разрабатывает уникальную ценностную систему ориентиров, которые отражаются в неязыковом и языковом сознании. Ценности способствуют социокультурной связности и целостности общества, помогая людям ориентироваться в окружающей действительности и следовать установленным нормам и правилам, основанным на ценностном выборе.

Таким образом, система ценностей формирует основу культуры, отражая духовные потребности и интересы индивидов и социальных групп. Ценность можно определить как объект или явление, значимое для человека или коллектива в контексте его потребностей и целей. Ценности выступают как мотивационная основа убеждений, поведения и традиций.

Таким образом, подход, основанный на ценностях к пониманию культуры, заключается в том, что культура представляет собой комплекс материальных и духовных ценностей, выражаемых через культурные артефакты, создаваемые людьми. Ценности могут существовать как в материальной, так и в идеальной форме. Для признания объекта ценным необходимо осознание этих свойств человеком. Способность оценивать объекты и явления с учётом их ценности связана с формированием в сознании человека ценностных представлений, которые, по Валентине Маслоу, находят отражение в реализации «верховных ценностей через выращивание высших человеческих качеств».

Ценность проявляется как универсальный принцип культуры, который пронизывает, объединяет и направляет разнообразие её проявлений, придавая положительный смысл человеческому существованию. Как универсальный принцип культуры, ценность отражает баланс знаний, моральных основ, норм и установок, присущих обществу в конкретно-исторические периоды.

Напрашивается вывод: культурные ценности выполняют различные функции в жизни человека, включая координацию между человеком и природным миром, стимулирование и регулирование. Индивидуальное восприятие мира оценивается с учётом значимости ценностей для удовлетворения его потребностей.

3.2. Методы психолингвистического анализа образов языкового сознания

В данном разделе логичным представляется формирование представления о методах изучения сознания, используемых в психолингвистике. Из работ ученых, занимающихся исследованием языкового сознания, становится очевидным, что одной из основных целей психолингвистики является изучение содержания, которое определяется и выражается в значении слова, а при этом модель исследования является образ сознания.

Стоит отметить, что теория речевой деятельности оперирует положением о том, что при описании реальности субъект выступает как субъективный наблюдатель, имеющий свою систему оценок, моральных ориентиров и установок. Ценностные ориентации, мотивы и способы категоризации объектов в сознании индивида определены содержанием и целями его деятельности в конкретный момент. Образ сознания индивида включает в себя его ценностную систему, которую исследует психолингвистика, анализируя содержание сознания, мироощущение индивида, где присутствуют как осознанные, так и обычно неосознаваемые значения и смыслы, заложенные в образах сознания.

Таким образом, процесс сознания является опосредованным и обобщенным. При контакте с объектом или явлением реальности субъект вынужден ранжировать и категоризировать их, сравнивая и соотнося с неким эталоном, где заключен обобщенный общественный опыт взаимодействия с подобными объектами. Этот механизм можно рассматривать как механизм апперцепции, который, согласно Вильгельму Вундту, представляет собой «наложение следов памяти на актуально воспринимаемое».

Рассмотрим процесс апперцепции, согласно мнению философов и психологов (А.Г. Спиркин, М.К. Мамардашвили, В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьев): в результате взаимодействия с действительностью и общественной практикой индивид закрепляет результаты этого

взаимодействия в различных формах, включая язык. Образы предметов и явлений содержат в себе общественные знания и передаются через деятельность, в которую естественным образом вовлечен язык. Личный опыт и восприятие индивида принимают форму апперцепции, где значения предметов и явлений перекодируются в знания индивида, включая языковые значения.

Психолингвистические методы позволяют изучать содержание образов сознания непосредственно в речемыслительной деятельности конкретного субъекта при реальном использовании. Значения, как форма обобщения, играют роль операторов классификации и упорядочивания объектов и явлений реальности. Семантические компоненты, определяющие базу такого ранжирования, выявляются через процедуры сортировки, шкалирования и оценки. В психолингвистике эксперименты моделируют ситуации, имитирующие различные виды человеческой активности, что помогает выявить аспекты функционирования и организации значений слов и образов сознания. Каждый психолингвистический метод направлен на поиск семантически коррелирующего значения с исследуемым объектом, а затем на установление связей в виде матриц семантических расстояний, полей, тезаурусов и пространств.

Понятие «значение» играет ключевую роль в отечественной психологии и психолингвистике, представляя собой одно из основных понятий. Основные теоретические разработки проблемы значения представлены в работах Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии.

По мнению Ф.Е. Василюка, образ сознания представляет собой психосемиотический тетраэдр, где сознание движется от внутренних ощущений к внешней объективации идей. Структура сознания по его теории состоит из чувственной ткани, которая задается полями полюсов, объединяющих язык, внутренний и внешний миры, а также область значения. Чувственная ткань сознания активно участвует в формировании образа, представляя собой многомерную составляющую, способную порождать формы и мысли. Объективный мир выражается через предметы с определенными значениями, где слова являются материальными носителями значений, а личностный смысл придает всем этим компонентам сознания индивидуальное значение.

Ф.Е. Василюк подчеркивает, что каждый элемент образа сознания связан с объективной реальностью и субъективностью, создавая живой образ. Чувственная ткань заполняет весь объем образа и движется в четырехмерном пространстве. Для индивида значение слова не существует изолированно, а является частью обобщенного образа сознания. Например, Л.С. Выготский сравнивал слово с каплей воды, отражающей океан, что показывает важность языка как средства выражения сознания. Значение слова можно рассматривать как способ восприятия мира и личностной картины мира индивида. Таким образом, слово может быть рассмотрено как психическая сущность, зависящая от реальности, мысли и чувств индивида.

В.П. Зинченко отмечал, что значения образов сознания имеют социальную природу, поскольку они встроены в систему общественного сознания, однако при этом необходимо учитывать их индивидуальную составляющую, так как они являются частью сознания личности. В конкретном сознании субъекта значения приобретают структуру, представляющую собой «преобразованную и свернутую идеальную форму существования предметного мира». Образы сознания несут определенное значение, причем предметное содержание этих значений заключается в чувственной ткани образа.

Психологическая структура значения может быть понята как определенная комбинация признаков, которые проявляются в различных видах деятельности и общения при использовании слов. А.А. Леонтьев подчеркивал, что структура значения включает систему дифференциальных признаков, соотношенных с различными видами взаимоотношений слов в речевой деятельности. Значение выражает объективные свойства объектов и явлений, а личностный смысл отражает отношение субъекта к ним. Значение следует понимать как объективную форму отражения содержания общественного сознания, а личностный смысл как отражение в обыденном сознании субъекта социального значения, выражающий его отношение к предметам и явлениям. Как уточняет А.И. Новиков, смысл включает компоненты, выражающие жизненные установки и особые отношения носителей к предметному миру.

Процесс восприятия смысла речи всегда сопровождается эмоциональной оценкой содержания. В философии смысл всегда связан

с значимостью и ценностью объекта или явления для субъекта, отражая его важность. В теории речевой деятельности смысл формируется и раскрывается в процессе деятельности. Согласно А.Н. Леонтьеву, значения в индивидуальном сознании реализуют движение личностного смысла, который придает каждому значению уникальную составляющую с эмоциональной окрашенностью.

Личностный смысл, отличающийся эмоциональной насыщенностью, связывает значения со сферой жизни субъекта, его мотивами и отношением к окружающему миру. Смысл представляет собой значение «для человека», зависящее от его потребностей и мотивов. Личное отношение индивида к деятельности выражается через смысл, в то время как значение отражает социальный опыт личности. Значения, как общественные феномены, обобщаются и имеют определенную универсальность в индивидуальном сознании людей.

Сознание подвержено пристрастиям, что приводит к несовпадению смыслов и значений в индивидуальных сознаниях различных субъектов. Психолингвистика стремится выявить новые качества социальных значений, которые проявляются в индивидуальном восприятии реальности. Д.А. Леонтьев отмечает, что личностный смысл – это отношение субъекта к миру, выраженное в значениях, неразрывно связанное с его мотивами и направленностью. Эмоциональная окраска объектов, неосознаваемые установки и трансформации психических образов выступают формами проявления личностного смысла.

В работах Е.Ф. Тарасова было развито понимание психологического значения и личностного смысла. Он представил значение как общее для всех членов определенной социальной группы, которое определяется принадлежностью индивидов к этой группе (ролевая трактовка значения). Согласно этой теории, смысл обозначает отношение личности к содержанию ее деятельности, которое определяется потребностями и мотивами социальной группы. Значение является более объективным, поскольку в нем содержится коллективный опыт деятельности. В свою очередь, смысл представляет собой субъективное эмоционально-оценочное отношение к этому значению.

В психолингвистике значение рассматривается как система действий, формируемая в процессе деятельности и извлекаемая из социального опыта. Отношения субъекта к реальности проявляются через значение, которое представляет собой сжатый комплекс действий и процессов с объектом или явлением. Физическое тело языкового знака, выражающее значение, можно рассматривать как измененную форму взаимодействия человека с реальным миром.

По мнению В.Ф. Петренко, значение является идеальной моделью объекта в сознании субъекта, где фиксируются существенные свойства объекта, выделенные в общественной деятельности. Процессы кодирования и категоризации содержания в символической форме обогащают его социальным опытом и упорядочивают в рамках общественной практики.

Таким образом, в основе человеческого сознания лежит система значений, уникальная для каждого субъекта, которая связана с образами сознания. Образы сознания устанавливают связь между миром объектов и сознанием, отражая личностный смысл и зависимость сознания от мотивов и потребностей индивида, что выражает пристрастность сознания.

Согласно психолингвистике, ассоциативный эксперимент представляет собой способ воплощения языкового сознания. Ассоциативные поля, образованные из реакций индивидов, используются для описания образов сознания. Таким образом, можно утверждать, что речевая и мыслительная деятельность человека в основном ассоциативны, что делает ассоциативное поле моделью сознания. Важно отметить, что само слово, как знак, не может прямо материализовать образ сознания, а лишь указывает на него через свое тело как знака.

Культурный образ мира, который состоит из образов сознания различных индивидов, можно рассматривать как своеобразный ассоциативный тезаурус или модель сознания, подчеркивающий связь между культурой и сознанием. Философ Э.В. Ильенков пытался решить дилемму между сознанием и внешней реальностью, основываясь на тождестве бытия и мышления. Он утверждал, что содержание сознания отражает не само сознание, а объективную реальность мира предметов, которая проявляется в формах человеческой деятельности.

Сознание, по мнению Ильенкова, представляет собой способность человека адаптировать свою деятельность к формам объектов и предметов, а также к возможным изменениям этих форм в контексте культурного развития. Сознание, таким образом, заключено в формах деятельности и культуры, позволяя человеку активно взаимодействовать со своим окружением и развиваться как индивидуум.

Экспериментальные исследования в области языкового сознания позволяют установить содержание языковых знаков таким образом, как они присутствуют в сознании людей, а также выявлять взаимодействие между языковыми элементами. Часто психологическое значение слова отличается от словарного значения, приведенного в толковом словаре.

Поскольку сознание не только отражает реальность, но и регулирует действия людей, можно сделать вывод, что сознание активно участвует в оценке окружающего мира. Сознание представляет собой систему ценностей, которая формируется в процессе осмысления окружающего мира. Регулирование поведения и отношений субъектов является ключевым для ориентации человека в реальности. Таким образом, языковое сознание определяет отношение человека к объектам и явлениям окружающего мира, где ценности играют центральную роль, определяя направление поведения и действий в обществе.

Ценности можно рассматривать как слова социально обусловленного значения. Эти слова описывают социум и социальные структуры общества. Если предположить, что ценности, существующие как идеальные образования, нуждаются во внешнем знаковом выражении, то можно заключить, что ценности могут быть обнаружены через вербальные выражения, включая ассоциативный эксперимент и словарные статьи из толковых словарей. По мнению Е.Ф. Тарасова, ассоциативное поле, сформированное на основе вербальных реакций испытуемых, отражает содержание национального ментального образа конкретного культурного объекта.

Интерес к формам значений в сознании индивидов является ключевым для психолингвистов. Значения существуют в виде системы соотнесения и противопоставления слов при их употреблении. Различные характеристики значения связаны с разными спо-

собами взаимодействия слов в речевой деятельности, причем семантические компоненты понимаются в контексте коммуникации, а не абстрактно. Употребление слов зависит от социально-политических и культурно-исторических условий.

По мнению А.А. Леонтьева, система ассоциативных связей слова представляет психологическое бытование такой системы. Основой отечественной психолингвистики является деятельностный подход (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия) и культурно-историческая трактовка сознания, где система значений выступает образующей сознания в единстве с чувственным опытом и личностным смыслом.

Ассоциативный эксперимент представляет собой метод семантического анализа, который позволяет выявить следы различных видов деятельности носителей языка. Процедура этого эксперимента включает предъявление слова-стимула испытуемому для реакции. Типы ассоциативного эксперимента могут быть свободным или направленным. Важно отметить, что метод ассоциаций отражает как ментальные конструкторы за языковыми значениями, так и индивидуальные особенности восприятия объектов.

С помощью ассоциативного эксперимента можно выявить системность образа мира и образа сознания, передаваемую через значение. Этот метод помогает описать знания, используемые при коммуникации.

Во время ассоциативного эксперимента испытуемые оперируют значениями, имитируя реальное использование слова, что позволяет выделить некоторые компоненты значения, которые могут не осознаваться испытуемым. Ученые-психолингвисты считают, что характер ассоциаций зависит от возраста, пола, уровня образования и профессии испытуемых. Личностный смысл, выделяемый в ходе ассоциативного эксперимента, может частично теряться при последующей статистической обработке данных, однако можно выделить инвариантные аспекты значения для всей группы.

Ассоциативный эксперимент помогает раскрыть личностный или коннотативный оттенок значения определенного слова. Индивид пребывает в определенном социокультурном и историческом контексте, фильтруя общепринятые значения через свое сознание и систему ценностей. Так они получают личностное значение. Как

отмечает В.Ф. Петренко, общекультурное ментальное пространство принимает индивидуальные смыслы в результате восприятия их субъектами через их систему ценностей, формируя особое отношение к реальности и определяя использование этого ментального пространства в качестве метафоры для эпох. Личные оценки и позиция субъекта, его знания о мире и его взаимоотношения определяют интерпретацию знаков.

Также есть утверждение о том, что ассоциативное поле следует рассматривать как одну из внешних форм проявления образов в сознании, поскольку знания о внешнем мире связываются со словами-стимулами, подчеркивая тем самым, что ассоциации отражают хранящиеся в сознании индивида знания или, как выразилась А.А. Залевская, его «информационный тезаурус». Подобно Г.В. Лейбницу, который отмечал, что «языки – это наилучшие отражения человеческого разума, и точное изучение значений слов лучше всего может показать нам работу мысли», подчеркивается важность тщательного анализа всех смыслов и оттенков слова для более глубокого понимания структуры образа сознания и его функционирования.

Смысл заключается в том, что люди создают собственные значения через общественную деятельность, используя слова-отражатели (или культурные объекты), которые ассоциируются с этими значениями. Согласно Е.Ф. Тарасову, знания, связанные с культурным предметом, присваиваются субъектами общества и фиксируются в их сознании, объединяя всех членов общества, которые разделяют данную культуру. Для выявления этих значений, которые всегда присутствуют в сознании человека, необходимы отражатели, такие как культурные предметы, ассоциированные с ними. Культурные предметы являются телами знаков в общении.

Следовательно, ассоциации вербализируют, то есть отражают содержание сознания, и поэтому ассоциативное поле трактуется как одна из форм проявления образов в сознании. В контексте ассоциаций, это поле формируется через языковые реакции испытуемых на объекты и явления реальности. Один из первых образцов концепции ассоциативного поля можно обнаружить у В.Ф. Гегеля, который описывал способность воображения «извлекать предмет вместе с его множественностью, вместе со всем его ближайшим окружением», подчеркивая значение связей и взаимосвязей.

Подводя промежуточный вывод, можно утверждать, что образ сознания представляет собой накопленные знания индивида о реальном мире, которые могут быть как в форме ощущений, так и концепций. Эти знания могут проявляться через внешние проявления, однако описать образы сознания через эти проявления вызывает определенные сложности из-за наличия скрытых знаний (личностных смыслов), которые могут быть раскрыты через ассоциативный эксперимент.

Фактически это означает, что ключ к пониманию сознания лежит в структуре субъективного значения, формирующегося в сознании, объединяющем все смысловые оттенки. Ассоциативные реакции испытуемых являются базовыми элементами смысла и способствуют пониманию субъективного значения слова. Таким образом, связи ассоциаций отражают структуру значения, отображая единство индивидуального и социокультурного опыта.

Следовательно, проведение ассоциативного эксперимента позволяет выявить содержание сознания через язык как внешний фактор. Анализ языкового сознания с помощью ассоциативного эксперимента дает возможность создать общее представление о сознании индивида. Язык в данном контексте служит средством внешних проявлений образов сознания субъекта, отражая содержание его мыслей.

3.3. Методология семантического дифференциала в исследовании личностных значений в психологии и психолингвистике

Психолингвистика, используя доступные методы, ставит перед собой задачу изучения образов сознания, которые люди овнешняют в процессе выражения речи или формируют при восприятии речи. Именно в этом процессе создания значения можно наблюдать связь между мыслью, языком и реальностью.

В психолингвистике одной из наиболее разработанных форм представления содержания индивидуального и социокультурного сознания являются семантические пространства, создание которых базируется на методе семантического дифференциала Ч. Осгуда. Метод семантического дифференциала (СД), предложенный Ч. Осгудом в 1955 году, объединяет процедуру шкалирования и контролируемые ассоциации. Изначально его целью было измерение коннотативного значения слова, которое включает эмоционально-экспрессивное отношение к объекту, обозначенному этим словом. Слово в данном контексте рассматривается как символ-раздражитель, предшествующий осмысленным операциям с объектами.

Шкалы, предложенные для оценки образов сознания, представляют собой определенную мерность качеств, с помощью которой описываются изучаемые образы. Такие мерные шкалы позволяют сравнивать оценки испытуемых, где слова-антонимы используются для градуирования шкал и сравнения предметов путем противопоставления.

Важно отметить, что ближайшим аналогом понятия «коннотативное значение» в российской психолингвистике является личностный смысл, определенный А.А. Леонтьевым как «значение значения» для субъекта. Взаимосвязи между семантическими пространствами и тезаурусами подвержены влиянию и определяются эмоциональными состояниями субъектов, их отношением к объектам или явлениям, мотивами, личностными установками и прочими факторами.

Л.С. Выготский также подчеркивал важность анализа значений с использованием разработанных семантических методов. В своих работах он приводит цитату: «Анализ исследования интересующей

нас проблемы не может быть иным, чем метод семантического анализа, метод изучения смысловой стороны речи, метод изучения словесных значений».

Метод семантического дифференциала (СД) основан на технике изучения представленности языковых единиц (слов-символов) в лексиконе индивида, где обобщенные значения организуют семантические пространства обыденного сознания. Люди используют различные модальности для оценки объектов и явлений реальности, включая визуальную, аудиальную, тактильную, обонятельную и вкусовую модальности. Метод СД позволяет оценить субъективные оттенки значения, так как эмоции играют первичную роль при реакции на внешние стимулы.

Этот метод применяется в основном для измерения коннотативного значения, которое представляет собой значение на уровне индивидуального восприятия и опыта, всегда связанное с эмоциями, опытом, социальными установками и стереотипами субъекта. Термин «личностный смысл» в отечественной психолингвистике тесно связан с коннотативным аспектом значения, поскольку метод СД может исследовать эмоциональное окрашивание значений, которое является существенным для обоих феноменов.

Методика эксперимента по методу СД включает предъявление респонденту однополюсных или двухполюсных шкал, состоящих из пар оппозиций, где противоположные по значению прилагательные используются для оценки объектов. Изучение семантического пространства, целью которого является объяснение восприятия, классификации, сравнения и оценки объектов, возможно лишь после математической обработки шкал и формирования модели исследования. Семантическое пространство представляет собой модель индивидуального сознания, где категории помогают выявить содержание значений в сознании испытуемых.

Знаковые аналоги, или внешние представления, реальных объектов и явлений (слова), получают коннотации, или личностные значения, путем формирования системно-структурных связей между стимулом и реакцией. Эти связи происходят через замещение стимулов и реакций знаками, в данном случае – языковыми знаками. Методика СД позволяет исследовать внутренний мир индивида, его отношения с самим собой, другими людьми и ключевыми аспектами окружающей действительности. Метод СД ценен

для выяснения субъективных отношений человека к окружающему миру.

После построения семантического пространства часто можно наблюдать, что оценки, данные испытуемыми на различных шкалах, могут быть близки по значению. Эти близкие количественные оценки могут быть объединены в факторы. В типичном семантическом пространстве обычно выделяются три параметрических фактора: оценки, силы и активности. Шкалы группируются в факторы под влиянием механизма синестезии, который А.Р. Лурия объяснял как возникновение ощущения одной модальности при воздействии раздражителя другой модальности.

Таким образом, метод СД является эффективным способом описания значений. Путем сортировки и категоризации содержания семантического пространства и выделения категорий-факторов мы можем провести анализ значений, содержащихся в индивидуальном сознании, и сравнивать их, определяя расстояния между координатами в семантическом пространстве. Главная задача психолингвистических методов заключается в экспериментальном выявлении семантических связей значений. В методе СД и ассоциативных методах связь между значениями устанавливается через сходство или различие оценок значений, полученных при помощи СД-шкал, или через ассоциации, связанные с ними.

Вывод заключается в том, что параметрическое исследование значения слова позволяет рассматривать значение не как цельную и единую сущность для индивида, а как набор компонентов, которые могут быть измерены количественно. В ходе таких экспериментов психолингвисты получают возможность изучить, как индивид воспринимает действительность, и затем проанализировать эту информацию для выявления и объяснения психологической структуры значения слова. Параметрический подход к значению слова предполагает разложение языкового значения на отдельные составляющие, степень выраженности которых в индивидуальном сознании может быть измерена количественно.

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

После краткого изложения теоретического материала и высказывания авторской позиции относительно ценностей, процесса их формирования в сознании индивидов, а также выбора соответствующих методов анализа содержания ценностей, необходимо сделать выводы. В данном разделе выводы будут представлены как итоговые замечания, с основным акцентом на ключевых моментах теоретического обоснования предлагаемого диссертационного исследования. Изучение научных работ по философии и психологии указывает на то, что сознание, как явление, представляет собой сложную многоуровневую структуру, причем одной из его основных функций является формирование ценностей как продуктов индивидуального сознания. Сознание рассматривается также как функция мозга, отражающая объективный мир, и как необходимый компонент человеческой деятельности, участвующий в ориентации, регулировании и оценке индивидуальной активности.

В психологическом контексте сознание предстает как многоуровневая система, которая включает в себя активность субъекта в создании образа отражаемой действительности. Различные психологические подходы к феномену сознания подтверждают тесную связь сознания с языком как знаковой системой. Однако всестороннее изучение общечеловеческих ценностей возможно только при интеграции лингвистических и психологических подходов, что и является задачей психолингвистики, использующей экспериментальные методы. Мы применили данный подход при анализе содержания образа сознания ценностей, где благодаря объединению данных из различных экспериментов нам удалось раскрыть и описать содержание образа сознания ценностей.

Таким образом, задача психолингвистики заключается в расшифровке содержания образов сознания путем анализа деятельностных процессов, вербальных и невербальных знаков и символов. Индивидуальные эмоциональные восприятия предметов и явлений реальности, определяемые как личностный смысл или коннотативное значение, также исследуются психолингвистами и представляют собой значимую составляющую содержания образа сознания.

Поскольку все действия индивидов мотивированы, мотивация возникает в процессе восприятия реальности через ценностный

призму. Ценность трактуется как способность человека осознать необходимость и целесообразность своих действий, причем данные действия определяются интересами, мотивами и целями субъектов. В данном контексте ценности рассматриваются как нормативные, регулятивные и целеполагающие убеждения людей, которые ориентируют их в жизни, воздействуют на поведение, а также формируют интересы и мотивы. Следовательно, можно заключить, что существование ценностей обусловлено обществом, так как они формируются человеком в рамках его деятельности.

Ценности выступают как фундамент культуры и тесно связаны с ней. Индивидуум становится участником деятельности, направляемой его ценностными предпочтениями, а в своих поступках он руководствуется определенными мотивами и целями. Таким образом, понятие ценности выполняет ряд функций в жизни людей, взаимоотношениях между ними и миром объектов, включая координирующую, стимулирующую, дидактическую и прескриптивную функции.

По отношению к психолингвистике, значение определяется как процесс или набор взаимодействующих процессов, обеспечивающих соответствие между словесной формой, общепринятым значением слова и эмоционально-оценочным впечатлением от этого значения. Системная организация человеческого сознания, предложенная А.Н. Леонтьевым, включает в себя компоненты, такие как значение, личностный смысл и чувственная составляющая. При этом, если значение является суммарным отражением действительности, то личностный смысл раскрывает отношение индивида к миру. Этот личный подход к реальности кодируется в значениях, формирование которых тесно связано с мотивами и ценностными установками личности, определяющими ее отношение к окружающему миру.

Следует отметить, что для психолингвистов представляют интерес формы существования значений в индивидуальном сознании, где они функционируют как определенная система. При использовании слов в повседневной деятельности и общении образы сознания связываются и противопоставляются друг другу. Этот процесс связан с выделением различных дифференциальных признаков значения, которые соотносятся с разными способами взаимодей-

ствия слов в процессе речевой деятельности. Семантические компоненты значения слов воспринимаются не абстрактно, а лишь в контексте коммуникации, что позволяет раскрыть всю глубину и широту социокультурного использования слова. Согласно А.А. Леонтьеву, психологическим основанием подобной системы является система ассоциативных связей слов.

Логичным является вывод о том, что процесс формирования смысла в сознании индивида имеет динамичный характер и тесно связан с контекстуальным использованием слов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Baker, P. Which Way Did It Go? // *The Washington Post*, Dec. 25, 2006. – URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/12/22/AR2006122201179.html>.
2. Bentler, P. M., & LaVoie, A. L. An extension of semantic space. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 1972, 11, 174–182 pp. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0022537172800744>
3. Blumer, H. The Methodological Position of Symbolic Interactionism. In: Blumer H. *Symbolic Interactionism. Perspective and Method*. Berkeley: University of California Press, 1969. P. 1–121.
4. Bryman, A. Integrating quantitative and qualitative research: how is it done? *Qualitative Research* 2006. Vol. 6 (1). P. 97–113.
5. Clark, E.V. What's in a word? On a child acquisition of semantics. – In: *Cognitive development and the acquisition of language* / Ed. by T. Moore. N.Y. etc.: Acad. press. 1973. Pp. 65–110.
6. Corsten, M. The times of generation *TIME & SOCIETY*/SAGE (London, Thousand Oaks, CA and New Delhi), 1999. VOL. 8(2): Pp. 249–272.
7. Creswell, J. W., Plano Clark, V. L. *Designing and Conducting Mixed Methods Research*. Thousand Oaks, CA: SAGE, 2011.
8. Denzin, N. *The research act: a theoretical introduction into sociological methods*. NY: McGraw-Hill, 1970. – URL: https://books.google.ru/books/about/The_Research_Act.html?id=UjcpxFE0T4cC&redir_esc=y
9. Edmonds, M. New Directions in Theories of Language Acquisition. *Harvard Educational Review*: July 1976, Vol. 46, No. 2, pp. 175–198
10. Goodenough, D. R. Cognitive styles: essence and origins field dependence and field independence. N.-Y., 1982. P. 12–33.
11. Greene, J. C., Caracelli, V. J., Graham, W. F. Toward a Conceptual Framework for Mixed-Method Evaluation Designs // *Educational Evaluation and Policy Analysis*. 1989. Vol. 11. No. 3. Pp. 255–274.

12. Habermas, J. On the logic of the social sciences. Cambridge Policy press, 1988. XVI, 220 p.

13. Herskovitz, M. J., Cultural relativism and cultural values In: Cultural relativism: perspectives in cultural pluralism, Frances Herskovitz (ed.). Random House, 1972. – URL: <http://www.westminster.edu/staff/nak/courses/Herskovits%20&%20Pojman%20on%20moral%20relativity.pdf>

14. Kluckhohn, C. Values and Value Orientations in the Theory of Action // Towards a General Theory of Action / Ed. by T. Parsons, E. Shils. Cambridge: Harvard UP, 1951, p. 388–433.

15. Lehrer, A. Semantic Fields and Lexical Structure / A. Lehrer. Amsterdam-London. 1974. 268 p.

16. Meltzer, B. N., Petras, J. W. The Chicago and Iowa schools of symbolic interactionism, In: Shibutani (Ed.) Human nature and collective behavior: Papers in honor of Herbert Blumer. Englewoods Cliffs. NJ: Prentice Hall. 1970. Pp. 3–17

17. Morgan, D. L. Integrating qualitative and quantitative methods: A pragmatic approach. Thousand Oaks, Calif.: Sage, 2014. – URL: <https://ru.scribd.com/document/273795581/Integrating-Qualitative-and-Quantitative-Methods-a-Pragmatic-Approach-%E0%B8%82%E0%B8%AD%E0%B8%87-David-L-Morgan>

18. Nicolich, M. The role of symbolic development in childhood. J. of Child Development, 1975. v. 6, pp. 157–207

19. Osgood, C. E., Suci, G. J., Tannenbaum, Percy H. The measurement of meaning, Urbana, Chicago and London: University of Illinois Press. 1957. 342 p.

20. Osgood, Ch., May, W., Miron, M. Cross-cultural universals of affective meaning. Urbana: Univ. of Illinois Press, 1975. 486 p.

21. Parsons, T. The Concept of Society: The Components and Their Interrelations. In: T. Parsons. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1966. Pp. 5–29.

22. Parsons, T. The Concept of Society: The Components and Their Interrelations. In: T. Parsons. Societies: Evolutionary and

Comparative Perspectives. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1966. Pp. 5–29.

23. Parsons, T. The Social System. – London: Lowe and Brydone Ltd, 1951. P. 36–37.

24. Parsons, T. The social system. Routledge. 1991. 404 p.

25. Rahn, R. W. Russian bear sets a trap // The Washington Times, Dec. 1, 2006.

26. Rokeach, M. (ed.) Understanding Human Values: Individual and Societal. N.Y.: The Free Press, 1979.

27. Rokeach, M. The Nature of Human Values. N.Y.: The Free Press, 1973. 438 p.

28. Rossman, G. B., & Wilson, B. L. (1985). Numbers and words: Combing quantitative and qualitative methods in a single large-scale evaluation study. Evaluation Review 9. Pp. 627–643.

29. Schmemmann, S. When the Bear Cries Wolf: Trying to Understand Vladimir Putin // New York Times, July 19, 2007. – URL: <http://www.inosmi.ru/translation/235623.html>

30. Slobin, D. I. Cognitive prerequisites for the development of grammar. In: C. A. Ferguson, & D. I. Slobin (Eds.), Studies of child language development. New York: Holt, Rinehart, & Winston. 1973. Pp. 175–208.

31. Sorokin, P. Society, culture and personality: their structure and dynamics; a system of general sociology. – N.Y.: Harper, 1947. – Pp. 367–379.

32. Абакумова, О. Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук / О. Б. Абакумова. – Орел, 2013. – 46 с.

33. Абишева, А. К. О понятии «ценность» / А. К. Абишева // Вопросы философии. – 2002. – №3. – С. 139–149.

34. Абрамов, М. А. Догмы и поиск (сто лет дискуссии о диалектике в английской философии) / М. А. Абрамов. – М.: ИФРАН, 1994. 211 с.

35. Агеев, В. С. Психология межгрупповых отношений / В. С. Агеев. – М.: МГУ, 1983. – 138 с.

36. Азарова, Н. М. Философская лексика и терминология в поэтических текстах XX века / Н. М. Азарова // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2008. – Вып. 5 (61). – С. 296–304

37. Алексеев, В. Н. Взаимодействие идеологии и общественной психологии / В. Н. Алексеев // Проблемы общественной психологии / под ред. В. Н. Колбановского, Б. Ф. Поршнева. – Москва: Мысль, 1965. – С. 235–272.

38. Аналитический доклад. – Москва: Институт комплексных социальных исследований РАН, 2004. – URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=2243&id=75&y=2004

39. Ананьев, Б. Г. Личность, субъект деятельности, индивидуальность / Б. Г. Ананьев. – Москва: Директ-Медиа, 2008. – 134 с.

40. Андреева, Е. Л. Изменение ценностных установок модернизируемого общества / Е. Л. Андреева, А. В. Ратнер, П. Л. Глухих // Ценности и смыслы. Социологические науки. – Москва: Институт эффективных технологий, 2014. – С. 89–101.

41. Андреева, И. В. Концепты «свобода», «справедливость», «закон», «родина» в картине мира русских и американцев / И. В. Андреева // Вопросы культурологии. – 2007. – №4. – С. 11–14

42. Антипкин, М. А. Проблема ценностей в исследованиях западных социологов / М. А. Антипкин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Волгоград: Волгоградский государственный социально-педагогический университет. – 2008. – №3. – С. 56–61.

43. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Москва: Гнозис, 2007. – 215 с.

44. Анцыферова, Л. И. Развитие и современное состояние зарубежной психологии / Л. И. Анцыферова, М. Г. Ярошевский. – Москва, 1974. – 303 с.

45. Апресян, Ю. Д. (ред.) Языковая картина мира и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – Москва: Языки славянских культур, 2006. – 912 с.

46. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – №1. – С. 37–68.

47. Аристотель. Сочинения / Аристотель; ред. А. И. Доватура. – В 4 т. Т. 4. – Москва: Мысль, 1983. – 830 с.

48. Артемьева, Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева; под ред. И.Б. Ханиной. – М.: Наука; Смысл, 1999. – 350 с.

49. Артюхова, Ю. В. Ценности и воспитание / Ю. В. Артюхова // Педагогика. – 1999. – №4. – С. 117–128.

50. Арутюнова, Н. Д. Воля и свобода / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. – Москва: Индрик, 2003. – С. 73–99.

51. Асмолов, А. Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров / А. Г. Асмолов; Акад. пед. и соц. наук, Моск. психол.-соц. ин-т. – Москва: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1996. – 768 с.

52. Ассоциативные эксперименты и словари онлайн. – URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/>

53. Астафьев, В. П. Последний поклон: повести / В. П. Астафьев. – Москва: Молодая гвардия, 1989. – 335 с.

54. Астафьев В. П. Запах сена / В. П. Астафьев. – URL: <https://azbyka.ru/fiction/poslednij-poklon/#n4> (дата обращения: 21.03.2024).

55. Астафьев, В. П. Стряпухина радость / В. П. Астафьев. – URL: <https://azbyka.ru/fiction/poslednij-poklon/#n4> (дата обращения: 21.03.2024).

56. Багдасарян, В. Э. Высшие ценности Российского государства / В. Э. Багдасарян, С. С. Сулакшин. – Москва: Научный эксперт, 2012. – 624 с.

57. Баева, Л. В. Духовность личности с позиций экзистенциальной аксиологии / Л. В. Баева // Философия образования. – 2003. – №8. – С. 209–219.

58. Баева, Л. В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории: монография / Л. В. Баева. – Астрахань, 2004. – 275 с.

59. Байдицкая, Л. И. Деонтическая модальность и лингвистические средства ее репрезентации в кодексе профессиональной этики / Л. И. Байдицкая, Н. А. Сабурова // Науч. вестник Воронеж гос. арх.-строит. ун-та. – 2015. – Вып. 5 (19). – С. 105–110.

60. Байрамова, Л. К. Человек гостеприимный: ценности и модели поведения / Л. К. Байрамова, Р. Д. Юнусова // Ученые записки Казанского гос. ун-та. – 2008. – Т. 2. №150. – С. 90–96.

61. Бартминьский, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Е. Бартминьский. – Москва: Индрик, 2005. – 527 с.

62. Батищев, Г. С. Избранные произведения / Г. С. Батищев; под общ. ред. З. К. Шаукеновой. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КНМОН РК, 2015. – 880 с.

63. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М.: Гнозис, 1963. – 361 с.

64. Безрукова, В. С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) / В. С. Безрукова. – Екатеринбург, 2000. – 937 с.

65. Беккер, Г. Современная социологическая теория в её преемственности и изменении / Г. Беккер, А. Босков. – Москва: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. – 896 с.

66. Белая, Г. А. Гуманистический пафос советской литературы / Г. А. Белая. – Москва: Наука, 1982. – 38 с.

67. Белов, В. И. Привычное дело / В. И. Белов. – Москва: Эксмо, 2005. – 864 с.

68. Белянин, В. П. Психолингвистика: учебник / В. П. Белянин. – Москва: Флинта; Московский психосоциальный институт, 2003. – 232 с.

69. Бердяев, Н. А. Самопознание / Н. А. Бердяев. – Москва: ЭКСМО-Пресс, 1998. – 620 с.

70. Бердяев, Н. А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Н. А. Бердяев. – Москва: философское общество СССР, 1990. – 240 с.

71. Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – Москва: Правда, 1989. – 608 с.

72. Бескорвайная, И. Г. Ассоциативный эксперимент как способ реконструкции фрагментов языкового сознания / И. Г. Бескорвайная // Вопросы психолингвистики. – 2004. – №2. – С. 73–77

73. Бобнева, М. И. Социальные нормы и регуляция поведения / М. И. Бобнева; АН СССР, Ин-т психологии. – Москва: Наука, 1978. – 311 с.

74. Божович, Л. И. Личность и её формирование в детском возрасте (Психологическое исследование) / Л. И. Божович. – Москва: Просвещение, 1968. – 464 с.

75. Большакова, А. Ю. Нация и менталитет: феномен «деревенской прозы» XX века / А. Ю. Большакова. – Москва: Ком. по телекоммуникациям и средствам масс. информ., 2000. – 132 с.

76. Большая психологическая энциклопедия. – URL: <http://psychology.academic.ru/>

77. Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд; ИЛИ РАН. – Санкт-Петербург: РАН «Наука», 2004–2014 (издание продолжается).

78. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – Москва, 2003. – 672 с.

79. Большой словарь иностранных слов. – ИДДК, 2007. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwwords/36653/ТРИАНГУЛЯЦИЯ

80. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 2001. – 1536 с.

81. Борунков, Ю. Ф. Особенности религиозного сознания / Ю. Ф. Борунков. – Москва: Знание, 1972. – 48 с.

82. Борунков, Ю. Ф. Структура религиозного сознания / Ю. Ф. Борунков. – Москва: Мысль, 1971. – 176 с.

83. Брунер Дж. Ценности и потребности как организующие факторы восприятия / Дж. Брунер, К. Гудмен // Хрестоматия по общей психологии. – Вып. III. Субъект познания / отв. ред. В. В. Петухов. – Москва: Российское психологическое общество, 1998. – С. 54–67.

84. Брюхова, Н. Г. Нравственное саморазвитие человека / Н.Г. Брюхова // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2015. – №7. – С. 289–301.

85. Булавина, С. В. Русские устойчивые словосочетания, содержащие церковно-религиозную лексику: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.01 / С. В. Булавина. – Воронеж, 2003.

86. Булыгина, Т. В. Модальность / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. – М., 1992. – С. 110–153.

87. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.

88. Бытие и сознание. Человек и мир: монография / С. Л. Рубинштейн; отв. ред.: К. А. Абульханова-Славская, А. Н. Славская; РАН. Ин-т психологии. – Москва: Наука, 1997. – 189 с.

89. Валентиров, М. Ю. Подходы к исследованию социализации личности в зарубежной и отечественной психологии / М. Ю. Валентиров // Молодой ученый. – 2013. – №12. – С. 804–809.

90. Василенко, В. А. Ценность и ценностные отношения / В. А. Василенко // Проблема ценности в философии / под ред. А.Г. Харчева, Т.Н. Горштейн, М.А. Киселя, В.П. Тугаринова. – Москва: Наука. 1966. – С. 41–49.

91. Василюк, Ф. Е. Методологический анализ в психологии / Ф. Е. Василюк. – Москва: МГППУ, Смысл, 2003. – 240 с.

92. Вебер, М. Основные социологические понятия // Вебер, М. Избранные произведения. – Москва: Прогресс, 1990. – 804 с.

93. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.

94. Володина, Н. М. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание / Н. М. Володина // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – Москва: Изд-во МГУ, 2003. – URL: http://evartist.narod.ru/text12/03.htm#з_09

95. Воробьева, О. И. Политическая лингвистика. Современный язык политики / О. И. Воробьева. – Москва: ИКАР, 2008. – 296 с.

96. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. 5-е изд., испр. – Москва: Лабиринт, 1999. – 352 с.

97. Выготский, Л. С. Педагогическая психология / Л. С. Выготский. – Москва: Педагогика-Пресс, 1996. – 536 с.

98. Выготский, Л. С. Собрание сочинений / Л. С. Выготский. – В 6 т. Т. 3 Проблемы развития психики. – Москва: Педагогика, 1983. – 368 с.

99. Выготский, Л. С. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок / Л. С. Выготский, А. Р. Лурия. – Москва: Педагогика-Пресс, 1993. – 224 с.

100. Выжлецов, Г. П. Аксиология культуры в системе философского знания / Г.П. Выжлецов // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия 6. – 2010. – Вып. 4. – С. 34–39. – URL: [http://admin.Novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/all/37C182FCDA018214C3256AC000205E21/\\$file/Выжл.pdf](http://admin.Novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/all/37C182FCDA018214C3256AC000205E21/$file/Выжл.pdf) (дата обращения 10.12.2019).

101. Вятр, Е. Й. Социология политических отношений / Е. Й. Вятр. – Москва: Прогресс, 1979. – 464 с.

102. Гаврилов, А. А. Лингвистические средства воздействия СМИ на общественное сознание / А. А. Гаврилов // ОНВ. – 2013. – №1 (115). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-sredstva-vozdeystviya-smi-na-obschestvennoe-soznanie>

103. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель. – Москва: Мысль, 1990. – 524 с.

104. Гиддингс, Ф. Г. Основания социологии. Анализ явлений ассоциации и социальной организации / Ф. Г. Гиддингс. – 3-е изд. – Москва: КРАСАНД, 2012. – 427 с.

105. Гнатенко, П. И. Национальная психология: монография / П. И. Гнатенко. – Дніпропетровськ: Поліграфіст, 2000. – URL: <http://amkob113.ru/gnt/>

106. Горнштейн, Т. Н. Проблема ценности в философии / Т. Н. Горнштейн, М. А. Киссея, В. П. Тугаринов. – Москва: Наука, 1966. – 262 с.

107. Горошко, Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента / Е. И. Горошко. – Москва: РА – Каравелла, 2001. – 320 с.

108. Горошко, Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента: монография / Е. И. Горошко. Москва, 2001. – URL: <http://www.textology.ru/razdel.aspx?id=38>

109. Горошко, Е. И. Языковое сознание – опыт ассоциативного анализа / Е. И. Горошко // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: тез. XIV межд. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – Москва: Российская Академия Наук,

110. Горшков, А. И. Русская словесность / А. И. Горшков. – Москва: Астрель; АСТ, 2001. – 367 с.

111. Гребенюк, Т. Н. Образ Родины: общечеловеческая ценность versus политическая ценность / Т. Н. Гребенюк // Вестник Томского гос. ун-та. – 2007. – С. 14–16.

112. Грицанов, А. А. Всемирная энциклопедия. Философия / А. А. Грицанов. – Москва: Мысль, 2001. – 1312 с.

113. Грушин, Б. А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования / Б. А. Грушин. – Москва: Политиздат, 1987. – 368 с.

114. Гудков, Л. Д. Молодежь России / Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, Н. А. Зоркая. – Москва: Московская школа политических исследований, 2011. – 96 с.

115. Гудков, Л. Д. Постсоветский человек и гражданское общество / Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, Н. А. Зоркая. – Москва: Московская школа, 2011. – 96 с.

116. Гусейнов, А. А. Цели и ценности: как возможен моральный поступок? / А. А. Гусейнов // Этическая мысль. Вып. 3. – Москва: ИФ РАН, 2002. – С. 10–18.

117. Гущина, Т. В. Художественно-эстетические функции женских характеров в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Гущина. – Орел, 2004. – 184 с.

118. Давыдов, В. В. Психологическая теория учебной деятельности и методов начального обучения, основанных на содержательном обобщении / В. В. Давыдов. – Томск: Пеленг, 1992. – 115 с.

119. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. – Москва: Академический проект, 2015. – 602 с.

120. Джери, Д. Большой толковый социологический словарь / Д. Джери, Дж. Джери. – В 2 т. – Москва: АСТ, Вече, 1999. Т. 1. 544 с., Т. 2. 528 с.

121. Дилигенский, Г. Г. Проблемы теории человеческих потребностей: статья вторая / Г. Г. Дилигенский // Вопросы философии. – 1977. – №2. – С. 111–123.

122. Дильтей, В. Описательная психология / В. Дильтей. – Санкт-Петербург: Алетейя, 1996. – 160 с

123. Дмитриев, Д. В. (ред.). Толковый словарь русского языка. – Москва: Астрель; АСТ, 2003. – 1578 с.

124. Добренъков, В. И. Социология / В. И. Добренъков, А. И. Кравченко. – Москва: Инфра-М, 2001. – 624 с.

125. Добровольская, Е. В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / Добровольская Елена Валерьевна [Место защиты: Том. гос. ун-т]. – Томск, 2005. – 23 с.

126. Дробницкий, О. Г. Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия / О. Г. Дробницкий. – Москва: Изд. полит. лит., 1967. – 351 с.

127. Дробницкий, О. Г. Некоторые аспекты проблемы ценностей / О. Г. Дробницкий // Проблема ценности в философии / под ред. А.Г. Харчева. – Ленинград: Наука, 1966. – С. 25–40.

128. Дубин, Б. В. Поколение: социологические границы понятия / Б. В. Дубин. – URL: <http://polit.ru/article/2002/04/17/474861/>

129. Дубин, Б. В. Слово-письмо-литература: очерки по социологии современной культуры / Б. В. Дубин. – Москва: Новое литературное обозрение, 2001. – 416 с.

130. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. – Москва: Канон+, 1995. 352 с.

131. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни / Э. Дюркгейм // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. – Москва: Канон+, 1998. – С. 174–231.

132. Егорова, О. С. «Свобода» и «воля» как ключевые концепты русской культуры / О. С. Егорова, О.А. Кириллова // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. – 2012. – Т. 1. №4. – С. 161–167

133. Есмуреава, Ж. Б. Концепт «Родина» (в русском и английском языках) в системе ценностных концептов языковой картины мира / Ж. Б. Есмуреава // Альманах современной науки и образования. – 2008. – №8. Ч. 2 – С. 53–55.

134. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. – URL: <http://efremova-online.ru/slovar-efremovoy/>

135. Жамалетдинова, Э. Х. Психолингвистический анализ трансформации содержания общечеловеческих ценностей в русской культуре: на примере базовых ценностей «вера», «долг», «развитие», «свобода»: дис. ... канд. филол. наук:

10.02.19 / Жамалетдинова Эльмира Хамитовна; [Место защиты: Ин-т языкознания РАН]. – Москва, 2018. – 290 с.

136. Железнова, Ю. В. Лингвокогнитивное и лингвокультурное исследование концепта «семья»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Железнова Юлия Владимировна; [Место защиты: Удмурт. гос. ун-т]. – Ижевск, 2009. – 205 с.

137. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – Москва: Русский язык, 1991. – 544 с.

138. Жукова, О. Г. Великая Отечественная война: парадоксы повседневности / О. Г. Жукова // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2014. – №2 (март–апрель). – URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/2/Zhukova_Great-Patriotic-War-Paradoxes/

139. Забияко, А. П. Феноменология и аксиология святого в философии религии М. Шелера / А. П. Забияко // Религиоведение. – 2001. – №2. – С. 109–113.

140. Залевская, А. А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование / А. А. Залевская. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 204 с.

141. Залыгин, С. П. О творчестве Василия Белова // Залыгин, С. П. Рассказы. 1981–1989. Литературно-критические статьи. – В 6 т. – Москва: Художественная литература, 1991. – С. 401–416.

142. Занегина, Н. Н. Концепт «семья» в русском литературном языке и принципы его описания: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Занегина Наталия Николаевна; [Место защиты: Моск. гос. лингвист. ун-т]. – Москва, 2011, – 254 с.

143. Здравомыслов, А. Г. Отношение к труду и ценностные ориентации личности Текст / А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов // Социология в СССР. – Т. 2. – Москва: Мысль, 1966. – 311 с.

144. Здравомыслов, А. Г. Потребности. Интересы. Ценности / А. Г. Здравомыслов. – Москва: Политиздат, 1986. – 224 с.

145. Зенкин, С. Н. «Поколение»: опыт деконструкции понятия. Поколение в социо-культурном контексте XX века / С. Н. Зенкин. – Москва, Наука, 2005. – С. 130

146. Зимин, В. И. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь / В. И. Зимин, А. С. Спирин. – Москва; Сюита, 1996. – 543 с.

147. Зинченко, В. П. Миры сознания и структура сознания / В. П. Зинченко // Вопросы психологии. – 1991. – №2. – С. 15–36.

148. Знанецкий Флориан Витольд. Американская социологическая мысль: Тексты / под В. И. Добренкова. – Москва: Изд-во МГУ, 1994. – 496 с.

149. Zubov, A. Единство и разделение современного русского общества: вера, экзистенциальные ценности и политические цели / А. Zubov // Знамя. – 1998. – №11. – URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/1998/11/zubov.html>

150. Иванько, Л. И. Ценностно-нормативные механизмы регуляции / Л. И. Иванько // Культурная деятельность: опыт социологического исследования. – Москва: Наука, 1981. – С. 149–187.

151. Избранные психологические труды. Психология интеллекта у детей. Генезис числа у ребенка. Логика и психология. – Москва: Просвещение, 1969. – С. 210.

152. Ильенков, Э. В. Философия и культура / Э. В. Ильенков. – Москва: МПСИ МОДЭК, 2010. – 808 с.

153. Ильин, В. В. Аксиология / В. В. Ильин. – Москва: Изд-во МГУ, 2005. – 216 с.

154. Кавецкий, И. Т. Основы психологии и педагогики / И. Т. Кавецкий, Т. Л. Рыжковская, И. А. Коверзнева [и др.]. – Минск: Изд-во МИУ, 2010. – С. 453.

155. Каган, М. С. О философском понимании ценности / М. С. Каган // Системный подход и гуманитарное знание. Избранные статьи. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1991. – С. 343–351.

156. Каган, М. С. Философская теория ценности / М. С. Каган. – Санкт-Петербург: Петрополис, 1997. – 205 с.

157. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – Москва: Эксмо; Санкт-Петербург: Мидгард, 2007. – 1120 с.
158. Карандашев, В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности / В.Н. Карандашев.
159. Караулов, Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть / Ю. Н. Караулов; Рос. акад. наук. Науч. шк. «Рус. яз. Личность» Рос. фонда фундам. исслед. – Москва: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 1999. – 180 с.
160. Караулов, Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка / Ю. Н. Караулов. – Москва: Русский язык,
161. Караулов, Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка / Ю. Н. Караулов. – Москва: Русский язык, 1993. – 330 с.
162. Караулов, Ю. Н. От структуры ассоциативного словаря к структуре языковой способности / Ю.Н. Караулов // Вестник РУДН. Серия «Филология, журналистика». – 1994. – №1. – С. 15–26.
163. Караулов, Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник инструмента анализа языковой способности / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов [и др.] // Русский ассоциативный словарь. – Москва: Помовский и партнеры, 1994. – Кн. 1. – С. 191–218
164. Касьянова, К. О русском национальном характере / К. Касьянова. – Москва: Институт национальной модели экономики, 1994. – 267 с.
165. Касьянова, К. О. О русском национальном характере / К. О. Касьянова. – Москва: Институт национальной модели экономики. 1994. – 267 с.
166. Катлин, П. Русская деревенская проза. Светлое будущее / П. Катлин. – Томск: Томский ГУ, 2004. – 203 с.
167. Кашеваров, А. Н. 1000-летие Крещения Руси и начало процесса возвращения мощей святых Русской Православной Церкви / А. Н. Кашеваров. – URL: <http://gosudarevsobor.cerkov.ru/1000-letie-kreshheniya-rusi-i-nachalo-processa-vozvrashheniya-moshhej-svyatyx-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi/>

168. Келле, В. Ж. Исторический материализм / В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон. – Москва: Высшая школа, 1969. – 436 с.

169. Кильберг-Шахзадова, Н. В. Введение в профессию «Социальная работа» / Н. В. Кильберг-Шахзадова. – Нальчик: КБГУ, 2003. – 113 с.

170. Книга Екклезиаста или Проповедника. – URL: <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/468>

171. Ковалев, А. Г. Психология личности / А. Г. Ковалев. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Просвещение, 1965. – 289 с.

172. Ковалева, А. И. Социализация неслышащей молодежи / А.И. Ковалева, М. Н. Реут; Моск. гуманитар.-социал. акад. – Москва: Социум, 2001. – 222 с.

173. Ковалева, А. И. Энциклопедия гуманитарных наук / А. И. Ковалева // Знание. Понимание. Умение. – 2004. – №1. – URL: <http://www.zpu-journal.ru>

174. Коваль, Т. С. Образ Родины в значении «Родина-мать»: патриотический дискурс / Т. С. Коваль // Общество и этнополитика: материалы Второй международной научно-практической интернет-конференции. – Новосибирск: Сибирская академия государственной службы, 2009. – С. 199–204.

175. Ковский, В. Е. Пафос гуманизма: современная советская литература и духовный мир личности / В. Е. Ковский. – Москва: Знание, 1985. – 127 с.

176. Колесов, В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. – Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение. 2006. – 624 с.

177. Колобаева, Л. А. Художественный мир В. Распутина / Л. А. Колобаева // Очерки истории русской литературы XX века. – Москва: Изд-во Московского университета, 1995. – 165 с.

178. Колосов, А. В. «Родина» – «Отечество» – «Отчизна» / А. В. Колосов. – URL: <http://bd.fom.ru/report/map/articles/kolosov/d010227> (дата обращения: 10.12.2019).

179. Кон, И. С. Социология личности / И. С. Кон. – Москва: Политиздат, 1967. – 383 с.
180. Кондратенко, Ф. Д. Эстетическое как отношение / Ф. Д. Кондратенко // Эстетическое. – Москва: Искусство, 1964. – 347 с.
181. Кононенко, Б. И. Большой толковый словарь по культурологии / Б. И. Кононенко. – Москва: Вече: АСТ, 2003. – 511 с.
182. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. – URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/
183. Конституция Российской Федерации. – URL: <http://www.constitution.ru/>
184. Красильникова, Н. А. Концептуализация современной России в метафорах американских СМИ / Н. А. Красильникова // Политическая лингвистика. – 2008. – №24. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualizatsiya-sovremennoy-rossii-v-metaforah-amerikanskih-smi>
185. Красин, Ю. А. Мировоззренческое кредо инновационной модернизации социума / Ю. А. Красин. – Москва: Аспект Пресс, 2015. – С. 239–254.
186. Краузова Е. Российский DiaLaser выводит на рынок систему диагностики рака кожи / Е. Краузова. – URL: <http://www.rbc.ru/newspaper/2014/03/25/56bf1c069a7947299f72d379>
187. Крысько, В. Г. Этнопсихологический словарь / В. Г. Крысько. – 1999. – 343 с. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/krusko/06
188. Кузнецов, А. М. От компонентного анализа к компонентному синтезу: монография / А. М. Кузнецов. – Москва: Наука, 1986. – 126 с.
189. Кузнецов, Ю. В. Социально-философские концепции социализации личности (Э. Дюркгейм, Ж. Пиаже) / Ю. В. Кузнецов, В. А. Кравцов, А. И. Кибиткин // Вестник

МГТУ. – 2012. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-filosofskie-kontseptsii-sotsializatsii-lichnosti-edyrkgeym-zh-piazhe>

190. Кузьмин, С. А. Занятость населения России на период до 2015 г. (прогноз) / С. А. Кузьмин // Проблемы прогнозирования. – 2004. – №3. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zanyatost-naseleniya-rossii-na-period-do-2015-g-prognoz>

191. Культурные миры молодых россиян: три жизненные ситуации. – Москва: Изд-во МГУ, 2000. – С. 175.

192. Кун, М. Эмпирическое исследование установок личности на себя / М. Кун, Т. Макпартлэнд // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. – Москва, 1984. – С. 180–187

193. Курбатов, В. Я. Миг и вечность: Размышления о творчестве В. Астафьева / В. Я. Курбатов. – Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1983. – 166 с.

194. Кэмпбелл, Д. Т. Триангуляция как преодоление приверженности наблюдателя своей собственной культуре // Кэмпбелл, Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. – Москва: Прогресс, 1980. – С. 293–297

195. Лапин, Н. Г. Модернизация базовых ценностей россиян / Н. Г. Лапин // Социологические исследования. – 1996. – № 5. – С. 3–20.

196. Лапин, Н. И. Базовые ценности населения и российская либерализация / Н. И. Лапин // Общество и экономика. – 2002. – №12. – С. 29–38.

197. Лапин, Н. И. Динамика ценностей населения реформируемой России / Н. И. Лапин. – Москва: Эдиториал УРСС, 1996. – 221 с.

198. Лапин, Н. И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций / Н. И. Лапин // Мир России. Социология. Этнология. – 2000. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizisnyy-sotsium-v-kontekste-sotsiokulturnyh-transformatsiy>

199. Лапин, Н. И. Пути России: социокультурные трансформации / Н. И. Лапин. – Москва: ИФ РАН, 2000. – 191 с.

200. Лапин, Н. И. Социальные ценности и реформы в кризисной России / Н. И. Лапин. – 1993. – URL: <http://ecsosman.hse.ru/data/225/848/1217/002.pdf>

201. Лапин, Н. И. Тяжкие годы России (перелом истории, кризис, ценности, перспективы) / Н. И. Лапин // Мир России. Социология. Этнология. – 1992. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tyazhkie-godiny-rossii-perelom-istorii-krizis-tsennosti-perspektivy>

202. Лапин, Н. И. Универсальные ценности и многообразие жизненных миров людей / Н. И. Лапин // Международные Лихачевские научные чтения, 2010. – URL: <http://www.lihachev.ru/chten/6514/>

203. Лапин, Н. И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов / Н. И. Лапин // Социологические исследования. – 2010. – №1. – С. 28–36.

204. Лапченко, А. А. Человек и земля в русской социально-философской прозе 70-х годов: В. Распутин, В. Астафьев, С. Залыгин / А. А. Лапченко. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1985. – 137 с.

205. Левада, Ю. А. Сочинения: избранное: социологические очерки, 2000–2005 / Ю. Аю Левада. – Москва: Издатель Карпов Е.В., 2011. – 507 с.

206. Леви-Стросс, К. Мифологии: сырое и приготовленное / К. Леви-Стросс. – Москва: Флюид, 2006. – 399 с.

207. Леонтьев, А. А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах / А. А. Леонтьев // Словарь ассоциативных норм русского языка. – Москва: Изд-во МГУ, 1977. – С. 5–16.

208. Леонтьев, А. А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах / А. А. Леонтьев // Словарь ассоциативных норм русского языка. – Москва: Изд-во МГУ, 1977. – С. 3–16.

209. Леонтьев, А. А. Основы теории речевой деятельности / А. А. Леонтьев. – Москва: Наука, 1974. – 368 с.

210. Леонтьев, А. А. Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования / А. А. Леонтьев. – Москва: Наука, 1971. – 216 с.

211. Леонтьев, А. А. Формы существования значения / Психолингвистические проблемы семантики / А. А. Леонтьев. – Москва: Наука, 1983. – С. 5–20.

212. Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – М.: URSS, 2007. – 216 с.

213. Леонтьев, А. А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная реальность / А. А. Леонтьев. – Москва: ИЯ РАН, 1993. – С. 16–22.

214. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – Москва: Политиздат, 1975. – 304 с.

215. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – Москва: Политиздат, 1977. – 304 с.

216. Леонтьев, А. Н. Опыт структурного анализа цепных ассоциативных рядов (экспериментальное исследование) / А. Н. Леонтьев // Избранные психологические произведения. – В 2 т. Т. 2. – Москва: Педагогика, 1983. – С. 50–71.

217. Леонтьев, А. Н. Проблемы развития психики / А. Н. Леонтьев. – 4-е изд. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 584 с.

218. Леонтьев, Д. А. Внутренний мир личности / Д. А. Леонтьев // Психология личности в трудах отечественных психологов. – Санкт-Петербург: Питер, 2000. – 480 с.

219. Леонтьев, Д. А. Методика изучения ценностных ориентации / Д. А. Леонтьев. – Москва: Смысл, 1992. – 17 с.

220. Леонтьев, Д. А. От социальных ценностей к личностным / Д. А. Леонтьев // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. – Москва: Изд-во Моск. ун-та. – 1996. №4. – С. 35–44.

221. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – Москва: Смысл, 2007. – 512 с.

222. Леонтьев, Д. А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени / Д. А. Леонтьев // Психологическое обозрение. – URL: <http://psychology.net.ru/articles/content/1089228298.html> (дата обращения: 22.10.2019).

223. Леонтьев, Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции / Д. А. Леонтьев // Вопросы философии. – 1996. – №4. – С. 4–36.

224. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман. – Москва: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.

225. Лихачев, Д. С. О национальном характере русских / Д.С. Лихачев // Вопросы философии. – 1990. – №4. – С. 3–6.

226. Ломов, Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов. – Москва: Наука, 1984. – 444 с.

227. Лосский, Н. О. Характер русского народа / Н. О. Лосский. – В 2 кн. Кн. 2. – Москва: Ключ, 1990. – 160 с.

228. Лосский, Н. О. Характер русского народа / Н. О. Лосский. – Франкфурт-на-Майне Посев, 1957. – 152 с.

229. Лотман, Ю. М. Об искусстве / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство-С.-Пб, 1998. – 704 с.

230. Луков, Вал. А. Тезаурусный подход: исходные положения / Вал. А. Луков, Вл. А. Луков. – URL: http://www.zpu-journal.ru/e_zpu/2008/9/Lukovs_Thesaurus_Approach/

231. Лурия, А. Р. Экспериментальное исследование речевых реакций ребенка / А. Р. Лурия // Речь и интеллект в развитии ребенка: тр. психологической лаборатории Академии коммунистического воспитания. – В 2 т. Т. I. – М., 1928. – С. 11–45.

232. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.

233. Лурье, С. В. Историческая этнология / С. В. Лурье. – Москва: Гаудеамус; Академический проект, 2004. – 624 с.

234. Лурье, С. В. Этнопсихология как наука об этнической самоорганизации / С. В. Лурье. – URL: <http://psy.piter.com/library/?tp=2&rd=5&l=177&p=500> (дата обращения: 23.09.2019).

235. Магун, В. С. Альтернативные структуры ценностных переменных Ш. Шварца в Европе / В. С. Магун, М. Г. Руднев // XV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества / отв. ред.: Е. Г. Ясин. – В 4 кн. Кн. 4. – Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. – С. 488–499.

236. Магун, В. С. Базовые ценности россиян в европейском контексте (по материалам опросов 2008) / В.С. Магун, М. Г. Руднев // Вопросы экономики. – 2010. – №12. – С. 107–131.

237. Магун, В. С. Базовые ценности россиян в европейском контексте / В. С. Магун, М. Г. Руднев. – URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Bazov_zen_St1_Magun_Rudnev.pdf] (дата обращения: 27.10.2019).

238. Магун, В. С. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян / В. С. Магун, М. Г. Руднев, П. Шмидт // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2015. – №3–4. – С. 74–93.

239. Магун, В. С. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян / В. С. Магун // Вестник общественного мнения. – 2015. – № 3–4. – С. 74–93.

240. Магун, В. С. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами / В.С. Магун, М. Г. Руднев // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2008. – №1 (93). – С. 33–58.

241. Магун, В. С. Личные усилия и общественные блага в сознании жителей европейских стран / В. С. Магун, Г.А. Моносова // XV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества / отв. ред.: Е. Г. Ясин. – В 4 кн. Кн. 3. – Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. – С. 360–372.

242. Магун, В. С. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание / В. С. Магун // Мир России. – 1998. – №4. – С. 113–144.

243. Максименко, А. А. Социальная интерпретация понятия «ценность» / А. А. Максименко // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. – 2011. – №2. – С. 284–291.

244. Малахов, В. А. Культура и человеческая целостность / В. А. Малахов. – Киев, 1984. – С. 107–108

245. Марков, Б. В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры / Б. В. Марков. – Санкт-Петербург: Алетейя, 1999. – 304 с.

246. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 03. – URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/M/MARKS_Karl,_ENGEL%27S_Fridrih/_Marks_K.,_Engel%27s_F.html

247. Маркс, К. Избранные сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – В 9 т. Т. 2. – Москва: Политиздат, 1985. – 574 с.

248. Маркс, К. Капитал: критика политической экономии / К. Маркс. – В 3 т. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. – Москва: Политиздат, 1978. – 908 с.

249. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 37. – URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/M/MARKS_Karl,_ENGEL%27S_Fridrih/_Marks_K.,_Engel%27s_F.html

250. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 42. – URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/M/MARKS_Karl,_ENGEL%27S_Fridrih/_Marks_K.,_Engel%27s_F.html

251. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 46. Ч. 1. – URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/M/MARKS_Karl,_ENGEL%27S_Fridrih/_Marks_K.,_Engel%27s_F.html

252. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – Санкт-Петербург: Евразия, 1999. – С. 77–105.

253. Мацумото, Д. Психология и культура / Д. Мацумото. Санкт-Петербург: Питер, 2003. – 720 с. – URL: http://krotov.info/library/13_m/az/umoto_0.htm

254. Mead, G. H. Mind, Self and Society. The definitive edition. Chicago Press, 2015. 536 p.

255. Мельп, М. Я. Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков / М. Я. Мельп, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. – №386. – Ленинград, 1961. – С. 121.

256. Мельникова, О. Т. Стратегии валидации качественных исследований в психологии / О. Т. Мельникова, Д.А. Хорошилов. – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n44/1207-melnikova44.html>

257. Мельничук, В. А. Аксиологическая динамика русской лексики (конец XIII – начало XIX в.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Мельничук Виктория Александровна. – Санкт-Петербург, 2017. – 212 с.

258. Мид, М. Культура и мир детства. Избранные произведения / М. Мид. – Москва: Наука. 1988. – 430 с.

259. Мид, М. Культура и мир детства. М., 1988. 285 с. / М. Мид. – URL: <http://base.dnsgb.com.ua/files/book/kultura-i-mir-detstva.pdf>

260. Миронова, Н. И. Ассоциативный эксперимент: методы анализа данных и анализ на основе универсальной схемы / Н. И. Миронова // Вопросы психолингвистики. – 2011. – №2 (14). – С. 108–119

261. Митина, О. В. Синергетическая модель динамики политического сознания / О. В. Митина, В. Ф. Петренко. – URL: <http://www.psychology.ru/library/00076.shtml>

262. Митрикас, А. А. Семья как ценность: состояние и перспективы изменений ценностного выбора в странах Европы / А. А. Митрикас. – URL: <http://www.demoscope.ru> (дата обращения: 25.10.2019).

263. Михайлов, Ф. Т. Общественное сознание и самосознание индивида / Ф. Т. Михайлов. – Москва: Наука, 1990. – С. 222.

264. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 785 с.

265. Монтень, М. Опыты. Избранные главы / М. Монтень. – Москва: Правда, 1991. – 656 с.

266. Мутушев, А.А.-М. Понятие ценности в системе философского знания / А.А.-М. Мутушев // Теория и практика общественного развития. – URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/5/philosophy/mutushev.pdf [дата обращения: 25.11.2019).

267. Нагоева, Л. Х. Ценностные ориентации: понятие и феномен / Л. Х. Нагоева // Новые технологии. – 2011. – №4. – С. 286–289. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsenno-stnye-orientatsii-ponyatie-i-fenomen> (дата обращения: 09.11.2019).

268. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

269. Недосекина, М. А. К вопросу о ценностях и их классификации / М. А. Недосекина // Наука – вуз – школа: сб. науч. тр. молодых исследователей. – Магнитогорск: МГПИ, 1998. – С. 215–220.

270. Непрерывное образование – стимул человеческого развития и фактор социально-экономических неравенств / под общ. ред. д-ра социол. наук, к.э.н. Ю. В. Латова. – Москва: ЦСПиМ, 2014. – 433 с.

271. Нистратов, А. А. Гендерные различия восприятия ценностей / А. А. Нистратов, В. П. Синячкин // Вопросы психолингвистики. – 2014. – №4 (22). – С. 94–102.

272. Нистратов, А. А. Образ России в представлении иностранцев / А. А. Нистратов // Вопросы психолингвистики. – 2015. – №1 (23). – С. 33–44

273. Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. – В 4 т. – Москва: Мысль, 2010.

274. Новейший философский словарь. – 3-е изд., исправл. Минск: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.

275. Ожегов, С. И. Большой толковый словарь / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Т. 1. А–Д. – Москва: Азъ, 1992. – 506 с.

276. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Москва: Мир и Образование, Оникс, 2011. – 736 с.

277. Оллпорт, Г. Личность в психологии / Г. Оллпорт. – Москва: Ювента, 1998. – 345 с.

278. Ортега-и-Гассет, Х. История как система / Х. Ортега-и-Гассет. – Москва: Весь Мир, 1997. – 479 с.

279. Панарина, Н. С. Психолингвистическое моделирование механизма реализации прецедентности: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Панарина Надежда Сергеевна; [Место защиты: Моск. гос. лингвист. ун-т]. – Москва, 2017. – 257 с.

280. Панеях, Э. В Интернете как-то стало нервно, грязно, грубо / Э. Панеях. – URL: https://daily.afisha.ru/relationship/3373-v-internete-kak-to-stalo-nervno-gryazno-grubo/?utm_source=subscription&utm_medium=email_daily&utm_campaign=daily_2016-10-28

281. Парахонский, А. П. Интеграция и дифференциация наук, их связь с образованием / А. П. Парахонский, Е. А. Венглинская. – URL: <http://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=12835>

282. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс. – Москва: Академический проект, 2002. – 832 с.

283. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – Москва: Академический проект, 2002.

284. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – Москва: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.

285. Патаки, Ф. Некоторые проблемы отклоняющегося (девиантного) поведения / Ф. Патаки // Психологический журнал. – 1987. – Т. 8. №4. – С. 92–102.

286. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. – 2-е изд., доп. – Санкт-Петербург: Питер, 2005. – 480 с.

287. Петренко, В. Ф. Психосемантика сознания / В. Ф. Петренко. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 208 с.

288. Петровский, А. В. Психология: Словарь / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. – 2-е изд. испр. и доп. – Москва: Политиздат, 1990. – 494 с.

289. Пиаже, Ж. Избранные психологические труды / Ж. Пиаже. – Москва: Просвещение, 1969. – 659 с.

290. Пищальникова, В. А. Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики / В. А. Пищальникова, К. С. Карданова-Бирюкова, Н. С. Парина [и др.]. – М.: Р-Валент, 2019. – 200 с.

291. Пищальникова, В. А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики / В. А. Пищальникова // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2019. – Т. 23. №3. – С. 749–761.

292. Пищальникова, В. А. Общее языкознание / В. А. Пищальникова, А.Г. Сонин. – Ч. 1. – Москва: Р-Валент, 2019. – 479 с.

293. Пищальникова, В. А. Общее языкознание: учебник для студентов высших учебных заведений / В.А. Пищальникова, А. Г. Сонин. – Москва: Р-Валент, 2017. – 480 с.

294. Пищальникова, В. А. Служить бы рад – прислуживаться тошно, или Динамика значения слова 殷勤的 в китайской лингвокультуре / В. А. Пищальникова, Чжипэн Яо // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2019. – Т. 9. №1 (30). – С. 56–64.

295. Пищальникова, В. А. Теория и история психолингвистики / В. А. Пищальникова. – Ч. 1. – Москва: ИЯ РАН, МГЛУ, 2005. – 296 с.

296. Пищальникова, В. А. Теория и история психолингвистики / В. А. Пищальникова. – Ч. 2. Этнопсихолингвистика. – Москва: ИЯ РАН, 2007. – 200 с.

297. Пищальникова, В. А. Эксперимент как составная часть методологии сопоставительных исследований / В. А. Пищальникова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2019. – Т. 18. №3. – С. 52–63.

298. Пищальникова, В. А. Этнопсихолингвистика / В. А. Пищальникова, А. И. Хлопова. – Ч. 1. Этническая идентичность. – Москва: МГЛУ; Проспект, 2020. – 110 с.

299. Платон. Собрание сочинений / Платон; общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. – В 4 т. Т. 3. – Москва: Мысль, 1994. – 654 с.

300. Платонов, К. К. Структура и развитие личности / К. К. Платонов. – Москва: Наука, 1986. – 256 с.

301. Плеснер, Х. Ступени органического в человеке. Введение в философскую антропологию / Х. Плеснер // Проблема человека в западной философии. – Москва: Прогресс, 1988. – 126 с.

302. Подольская, Е. А. Ценностные ориентации и проблема активности личности / Е. А. Подольская. – Харьков: Изд-во Основа при ХГУ, 1991. – 162 с.

303. Полный церковно-славянский словарь / сост. протоиерей Г. Дьяченко. – Москва: Отчий дом, 2005. – 1128 с.

304. Попелова, И. Этика. Об исторической и современной проблематике нравственной теории / И. Попелова. – Москва: Прогресс, 1965. – 670 с.

305. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Москва АСТ: «Восток-Запад», 2007. – 226 с.

306. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка: монография / З. Д. Попова. – Воронеж: Истоки, 2006. – 250 с.

307. Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков / А. М. Астахова, В. Г. Базанов, Б. Н. Путилов. – Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1961. – 291 с.

308. Привалова, И. В. Отражение национально-культурных ценностей в паремиологическом фонде языка / И. В. Привалова // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 18. – Москва: МАКС Пресс, 2001. – С. 10–17.

309. Психологические теории и концепции личности. Краткий справочник // Горностай, П. Психология личности: словарь-справочник / П. Горностай, Т. Титаренко. – Киев: Рута, 2001. – С. 153–226.

310. Пузырев, Д. Финского производителя водки Saimaa создал бывший топ-менеджер «Норникеля» / Д. Пузырев. – URL: <https://www.retail.ru/news/64996/>

311. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам Выборочных обследований рабочей силы). 2016: стат. сб. / Росстат. – Москва, 2016. – 146 с.

312. Религия и перестройка. Освобожденная энергия культуры и мифотворчества. – URL: http://www.uhlib.ru/kulturologija/religija_i_hudozhestvennaja_kultura_hu_doi_mir_luchshe_dobroi_ssory/p2.php

313. Риккерт, Г. Границы естественнонаучного образования понятий / Г. Риккерт. – Санкт-Петербург: Наука, 1997. – 532 с.

314. Риккерт, Г. О понятии философии Философия жизни / Г. Риккерт. – Киев: Ника-Центр, Вист-С, 1998. – 505 с.

315. Розанов, В. В. В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов / В. В. Розанов; под. общ. ред. А. Н. Николюкина. – Москва: Республика, 1995. – 462 с.

316. Розанов, В. В. Опавшие листья. Короб второй, и последний / В. В. Розанов. – Москва, 2001. – 226 с.

317. Розенгарт-Пупко, Г. Л. Речь и развитие восприятия в раннем возрасте / Г. Л. Розенгарт-Пупко. – Москва: Изд-во Академии медицинских наук, 1948. – 200 с.

318. Розенталь, Д. Э. Стилистика на каждый день / Д. Э. Розенталь. – Москва: Знание, 1976. – 64 с.

319. Розов, Н. С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии / Н. С. Розов. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1998. – 292 с.

320. Российская социологическая энциклопедия / ред. Г. В. Осипов. – Москва: Норма-Инфра-М, 1999. – 672 с.

321. Российская цивилизация: энциклопед. словарь. – Москва: Республика, 2001. – 544 с.

322. Российское общество в контексте новых реалий (тезисы о главном) // Институт социологии РАН. – URL: http://www.isras.ru/resume_rossiiskoe_obschestvo_v_kontekste_nov_ykh_realy

323. Российское студенчество на рубеже XX–XXI веков: трансформация системы ценностей: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. философии; отв. ред.: д-р полит. наук И. В. Ильин, Д. Г. Шкаев. – Москва, 2012. – 316 с.

324. Рощин, С. К. Психологические проблемы политического развития личности / С. К. Рощин // Психол. журн. – 1984. – Т. 5. №2. – С. 41–53

325. Рубинштейн, С. Л. Избранные философско-психологические труды: основы онтологии, логики и психологии / С. Л. Рубинштейн. – Москва: Наука, 1997. – 463 с.

326. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург: Питер Ком, 1998. – 688 с.

327. Рубинштейн, С. Л. Основы онтологии, логики и психологии / С. Л. Рубинштейн. – Москва: Наука, 1997. – 463 с.

328. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – Москва: Наука, 1973. – С. 365.

329. Руденко, А. М. Философия в схемах и таблицах / А. М. Руденко. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2016. – 382 с.

330. Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева [и др.]. – В 2 т. – Т. I. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. – Москва: АСТ-Астрель, 2002. – 784 с. – Т. II. От стимула к реакции: Более 100 000 реакций. – Москва: АСТ-Астрель, 2002. – 992 с.

331. Русский ассоциативный тезаурус. Русский ассоциативный словарь. РАТ, РАС 1988–1997. – URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>

332. Рябов, А. В. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / А. В. Рябов, Е. Ш. Курбангалеева. – Москва: Дом интеллектуальной книги, 2003. – 448 с.

333. Рябов, О. В. «Матушка-Русь»: опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии / О. В. Рябов. – Москва: Ладомир, 2001. – 202 с.

334. Сандомирская, И. И. Книга о родине: опыт анализа дискурсивных практик / И. И. Сандомирская. – Вена: Gesellschaft zur Foerderung slawistischer Studien, 2001. – 286 с.

335. Сахарный, Л. В. Введение в психолингвистику / Л. В. Сахарный. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 184 с.

336. Светонослова, Т. А. Сопоставительное исследование ценностей в российской и американской политике: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Светонослова Татьяна Александровна. – Екатеринбург, 2002. – 174 с.

337. Семенов, А. А. Ценностно-нормативные и социально-установочные подходы к исследованию саморегуляции социального поведения личности / А. А. Семенов // Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция / под общ. ред. В.А. Ядова. – 2-е изд., расш. – Москва: ЦСПиМ, 2013. – С. 22–30.

338. Семёнова, В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность / В. В. Семёнова. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 271 с.

339. Семёнова, В. В. Стратегия комбинации качественного и количественного подходов при изучении поколений / В. В. Семёнова // Интер. – 2014. – №8. – С. 5–15.

340. Сергеева, Е. В. Бог и человек в русском религиозно-философском дискурсе: монография / Е. В. Сергеева. – Москва: Директ-Медиа, 2013. – 250 с.

341. Сержантов, В. Ф. Человек, его природа и смысл бытия / В. Ф. Сержантов. – Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1990. – 360 с.

342. Синячкин, В. П. Общечеловеческие ценности в русской культуре: лингвокультурологический анализ: дис. ... д-ра филол. наук 10.02.19 / В. П. Синячкин. – Москва, 2001 – 323 с.

343. Синячкин, В. П. Психолингвистический и лингвокультурологический анализ общечеловеческих ценностей в русском языковом сознании: монография / В. П. Синячкин. – Москва: Российский университет дружбы народов, 2010. – 338 с.

344. Слепцова, Е. В. Концепт ДОМ в русской языковой картине мира и в театралогии «Братья и сёстры» Ф.А. Абрамова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – Русский язык / Слепцова Екатерина Вячеславовна; [Место защиты: Дальневост. гос. ун-т]. – Владивосток, 2009. – 259 с.

345. Слинин, Я. А. Россия и общество будущего / Я. А. Слинин // Я и Мы: к 70-летию профессора Ярослава Анатольевича Слинина. – Санкт-Петербург: СПб философское общество, 2000. – URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/slinin/russia.html> (дата обращения: 09.11.2019).

346. Словарь русского языка / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд. – В 4 т. Т. 1. А–Й. – Москва: Рус.яз., Полиграфресурсы, 1999. – 702 с.

347. Словарь современного русского литературного языка: / АН СССР. Ин-т рус.яз.; гл. ред. К.С. Горбачевич. – 2-е изд., переаб. и доп. – В 20 т. Т. 2. – Москва: Рус. яз., 1991. – 960 с.

348. Слюсарева Н. А. Проблемы лингвистической семантики // Вопросы Языкознания. 1973. No 5. С. 13–23.
349. Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер; пер. с англ. – Москва: Феникс, 1994. – 688 с.
350. Смирнов, Т. А. Проблемы социализации личности в теориях русских философов / Т. А. Смирнов // Мир, науки, культуры и образования. – 2014. – №3 (14). – С. 363–366.
351. Солганик, Г. Я. Стилистика текста: учеб. пособие для студентов, преподавателей-филологов, аспирантов / Г. Я. Солганик. – Москва: Флинта: Наука, 1997. – 253 с.
352. Солженицын, А. И. Характер русского народа в прошлом / А. И. Солженицын // Россия в Обвале. – Москва: Русский путь, 2009. – 37 с. – URL: <http://obval.by.ru/6.htm#29> (дата обращения: 28.02.2020).
353. Соловьев В.С. Оправдание добра. – Москва: Республика, 1996. – 478 с.
354. Соловьев, В. С. Критика отвлеченных начал / В. С. Соловьев. – Москва: Мысль, 1990. – С. 745–758.
355. Соловьев, В. С. Сочинения / В. С. Соловьев. – В 2 т. Т. 2 / общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева. – Москва: Мысль, 1988. – 822 с.
356. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – Москва: Политиздат, 1992. – 543 с.
357. Спиркин, А. Г. Происхождение сознание / А. Г. Спиркин. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1960. – 472 с.
358. Стадильская, Н. А. Компонентный анализ значения слова как способ выявления содержания концепта / Н.А. Стадильская // Вестник ЧГУ. – 2012. – №32 (286) Филология, искусствоведение. Вып. 71. – С. 112–1174.
359. Степанов, Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю. С. Степанов. – Москва: Наука, 1985. – 335 с.

360. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Москва: Академический проект, 2004. – 992 с.

361. Степин, В. С. Философская антропология и философия науки / В. С. Степин. – Москва: Высшая школа, 1992. – 191 с.

362. Степыкин, Н. И. Способы структурно-содержательного моделирования лингвокультурного концепта: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Степыкин Николай Иванович; [Место защиты: Моск. гос. лингвист. ун-т]. – Москва, 2011. – 187 с.

363. Стернин, И. А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры / И. А. Стернин // Этнокультурная специфика языкового сознания. – Москва: Российская Академия Наук, Институт языкознания, 1996. – С. 97–112.

364. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985. – 137 с.

365. Стернин, И. А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография / И. А. Стернин, З. Д. Попова. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.

366. Стернин, И. А. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии / И. А. Стернин. – Воронеж, 2002. – 151 с.

367. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. – Москва: Институт психологии РАН; Академический проект, 1999. – 320 с.

368. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. – Москва: Институт психологии РАН; Академический проект, 1999. – 320 с.

369. Стеценко, А. П. Рождение сознания: становление значений на ранних этапах жизни / А. П. Стеценко. – ЧеРо, 2005. – 256 с.

370. Столин, В. В. Психологическое строение образа мира и проблемы нового мышления / В. В. Столин, А. П. Наминач // Вопросы психологии. – 1988. – №4. – С. 46–57.

371. Столович, Л. Н. Аксиологические течения в современной русской философии / Л. Н. Столович // Соловьевские исследования. – 2011. – №4 (32). – С. 7–26.

372. Столович, Л. Н. Красота. Добро. Истина / Л. Н. Столович. – Москва: Республика, 1994. – 464 с.

373. Столович, Л. Н. Эстетика в действительности и в искусстве / Л. Н. Столович. – Москва, 1959. – 256 с.

374. Сулакшин, С. С. Высшие ценности Российского государства: монография / С. С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян. – Москва, 2013. – 624 с.

375. Сумина, Е. С. Концепт толерантности как компонент русской философской картины мира / Е. С. Сумина. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/14530.htm> (дата обращения: 20.09.2019).

376. Сурина, И. А. Ценности. Ценностные ориентации. Ценностное пространство: вопр. теории и методологии / И. А. Сурина; Ин-т молодежи. – Москва: Социум, 1999. – 184 с.

377. Сурина, И. А. Ценностные ориентации как управляющий параметр организации «жизненного мира» / И. А. Сурина. – URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Surina_IA2/ (дата обращения: 30.12.2019).

378. Сухина, И. Г. Ценность как универсальный антропологический феномен: основные положения философской аксиологии / И. Г. Сухина // Российский гуманитарный журнал. – 2015. – Т. 4. №5. – С. 368–380.

379. Талапова, Т. А. Заглавие. Концепт «вера/неверие» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – Русский язык / Талапова Татьяна Андреевна; [Место защиты: Хакас. гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова]. – Абакан, 2009. – 22 с.

380. Танака Кнёши. О героях и конфликтах у В. Распутина // Проблемы эволюции русской литературы XX века. – МОСКВА: МПГУ, 1995. Вып. 2. – С. 217–219.

381. Тарасов, Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – Москва: ИЯ РАН, 2000. – С. 24–32.

382. Тарасов, Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания. – Москва, 1996. – С. 7–22.

383. Тарасов, Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сборник статей / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – Москва: ИЯ РАН, 1996. – С. 7–22.

384. Тарасов, Е. Ф. О формах существования сознания / Е. Ф. Тарасов // Язык и сознание: парадоксальная реальность // отв. ред. Е. Ф. Тарасов. – Москва: ИЯ РАН, 1993. – С. 86–98.

385. Тарасов, Е. Ф. Образ России извне и изнутри. Предисловие / Е. Ф. Тарасов. – Калуга: Эйдос, 2008. – 280 с.

386. Тарасов, Е. Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей / Е. Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. – 2012. – №1 (15). – С. 8–17

387. Тарасов, Е. Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей / Е. Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. – 2012. – №1. – С. 8–17.

388. Тарасов, Е. Ф. Проблемы изучения языкового сознания / Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева // Вопросы психолингвистики. Институт языкознания РАН. – 2009. – №9. – С. 18–25.

389. Тарасов, Е. Ф. Прологомены к теории языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. – 2014. – №4 (22). – С. 24 – 36.

390. Тарасов, Е. Ф. Языковое сознание / Е. Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. Институт языкознания РАН. – 2004. – №2. – С. 34–48.

391. Тард, Г. Законы подражания / Г. Тард. – Москва: Академический Проект, 2011. – 304 с.
392. Тарланов, З. К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика / З. К. Тарланов. – Петрозаводск: 1999. – 448 с.
393. Темницкий, А. Л. Отношение к труду молодых рабочих промышленных предприятий в советский и постсоветский периоды / А. Л. Темницкий // Социологический журнал. – 2003. – №4. – С. 66–85.
394. Теория и история культуры: тексты для чтения и обсуждения, тексты, упражнения для изучающих английский язык / под общ. ред. О.А. Нестеровой. – Москва: МЗ Пресс, 2003. – 568 с.
395. Тимофеев, К. А. Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения: учебное пособие / К. А. Тимофеев. – Новосибирск, 2001. – 88 с.
396. Тихонова, Н. Жизненные ценности россиян: меняется ли наш менталитет? / Н. Тихонова // Власть. – 1996. – Т. 5. – С. 46–53.
397. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. – URL: <http://slovardalja.net/>
398. Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – Санкт-Петербург: Фолио-Пресс. 1998. – URL: <https://sovdep.academic.ru/>
399. Томас, В. Американская социологическая мысль: тексты / В. Томас, Ф. Знанецкий; под В. И. Добренькова. – Москва: Изд-во МГУ, 1994. – 496 с.
400. Томас, У. Методологические заметки (1918) / У. Томас, Ф. Знанецкий // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В.И. Добренькова. – Москва: Изд. МГУ, 1994. – С. 335–357.
401. Трубецкой, Н. С. Основы фонологии / Н. С. Трубецкой. – Москва: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 372 с.

402. Тугаринов, В. П. Марксистская философия и проблема ценности / В. П. Тугаринов // Проблема ценности в философии / под ред. А. Г. Харчева, Т.Н. – Ленинград: Наука, 1966. – 244 с.

403. Тугаринов, В. П. О ценностях культуры и жизни / В. П. Тугаринов. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1960. – 155 с.

404. Тугаринов, В. П. Теория ценностей в марксизме / В. П. Тугаринов. – Ленинград: ЛГУ, 1968. – 124 с.

405. Тураева, З. Я. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика: учеб. пособие / З. Я. Тураева. – Москва: Просвещение, 1986. – 127 с.

406. Тюрин, В. Б. Лексико-семантическое поле «Родина» в лирике Н. Рубцова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – Русский язык / Тюрин Владимир Борисович; [Место защиты: Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского]. – Нижний Новгород, 2017. – 211 с.

407. Узнадзе, Д. Н. Психологические исследования / Д. Н. Узнадзе. – Москва: Наука, 1966. – 450 с.

408. Узнадзе, Д. Н. Психология установки / Д. Н. Узнадзе. – Санкт-Петербург; Питер, 2001. – 416 с.

409. Уледов, А. К. Структура общественного сознания (Теоретико-социологическое исследование) / А. К. Уледов. – Москва: Мысль, 1968. – 324 с.

410. Уфимцева, Н. В. Языковое сознание как отражение этнокультурной реальности / Н. В. Уфимцева // Вопросы психолингвистики. – 2003. – №1. – С. 102–111.

411. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. – URL: <https://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 25.11.2019).

412. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – Москва: Аделант, 2013. – 800 с.

413. Ушакова, Т. Н. Принципы развития ранней детской речи / Т. Н. Ушакова // Дефектология. – 2004. – №5. – С. 4–16.

414. Ушакова, Т. Н. Рождение слова: Проблемы психологии речи и психолингвистики / Т. Н. Ушакова. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. – 524 с.

415. Фарбер, И. Е. Правосознание как форма общественного сознания / И. Е. Фарбер. – Москва: Юридическая литература, 1963. – 205 с.

416. Фахрутдинов, Рафаэль. Задержан первый подозреваемый по делу об аварии поездов в Подмоскowie / Р. Фахрутдинов. – URL: <https://iz.ru/news/571249>

417. Федоров, В. А. Эволюция понятия «ценность» / В. А. Федоров, А. С. Благова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2016. – №1. – С. 128–140.

418. Федотов, Г. П. Судьба и грехи России / Г. П. Федотов. – Санкт-Петербург: София, 1992. – 350 с.

419. Федотов, Г. П. Судьба и грехи России / Г. П. Федотов. – Т. 2. – Санкт-Петербург: София, 1992. – С. 276–303

420. Философская энциклопедия / гл. ред. Ф. В. Константинов. В 5 т. Т. 1. – Москва: Советская энциклопедия, 1960. – 504 с.

421. Философская энциклопедия / гл. ред. Ф. В. Константинов. В 5 т. Т. 5. – Москва: Советская энциклопедия, 1970. – 742 с.

422. Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. Москва: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

423. Форте, М. Мы видим Россию как одного из основных торговых партнеров / М. Форте // Известия. – 17.06.2014. – URL: <https://iz.ru/news/572541>

424. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – МОСКВА: Прогресс, 1990. – 372 с.

425. Фрумкина, Р. М. Лингвистическая гипотеза и эксперимент (о специфике гипотез в психолингвистике) / Р. М. Фрумкина // Гипотеза в современной лингвистике. – Москва: Наука, 1980. – С. 183–216

426. Фрумкина, Р. М. Психолингвистика: учеб. для студентов высш. учеб. заведений / Р. М. Фрумкина. – Москва: Академия, 2001. – 320 с.

427. Фрумкина, Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа: монография / Р.М. Фрумкина. – МОСКВА: Наука, 1984. – 175 с.

428. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – Санкт-Петербург: Наука, 2000. – 382 с.

429. Хайдеггер, М. Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Время и бытие. – Москва: Республика, 1993. – С. 192–221. – URL:

http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/Gumanizm.php (дата обращения: 09.11.2019).

430. Харченко, Л. Н. Понятие «ценность» в отечественной научной литературе: к постановке проблемы / Л. Н. Харченко, О. В. Березовская // Вестник ИрГТУ. – 2013. – №5 (76). – С. 294–299.

431. Холостова, Е. И. Социальная работа: теория и практика: учеб. пособие / Е. И. Холостова, А. С. Сорвина. – Москва: ИНФРА, 2004. – 427 с.

432. Хоскинг, Дж. Из зарубежной печати / Дж. Хоскинг. – Москва: Мир русской деревни, 1991. – С. 248–249.

433. Цейтлин, С. Н. Язык и ребенок: лингвистика детской речи: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С.Н. Цейтлин. – Москва: ВЛАДОС, 2000. – 240 с.

434. Церковь в период правления М.С. Горбачева. Перестройка и тысячелетие крещения Руси // Молодежный научный форум: общественные и экономические науки: электр. сб. ст. по материалам V студ. междунар. заочной науч.-практ. конф. – Москва: МЦНО, 2013. №5 (5). – URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/5\(5\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/5(5).pdf)

435. Черкасова, Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС / Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева. – URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras>

436. Чернобров, А. А. Специфика религиозного дискурса в лингвистике (Образование и культура России в изменяющемся мире) / А. А. Чернобров. – Новосибирск, 2007. – С. 94–98.

437. Шаззо, К. Г. Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгейских литературах / К. Г. Шаззо. – Тбилиси: Мецниереба, 1978. – 237 с.

438. Шапиева, Д. З. Метафорическая репрезентация образа России в политическом дискурсе англоязычных СМИ / Д. З. Шапиева // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2013. – №2. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskaya-reprezentatsiya-obraza-rossii-v-politicheskom-diskurse-angloyazychnyh-smi>

439. Шахерова, О. Н. Распутин в школе: книга для учителя / О.Н. Шахерова. – Москва: Дрофа, 2004. – 288 с.

440. Шевченко, С.Н. Структурная специфика ассоциативного поля лексических единиц, обозначающих полезные ископаемые, как проявление семантических различий лексем: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 – Теория языка / Шевченко Светлана Николаевна; [Место защиты: Моск. гос. лингвист. ун-т]. – Москва, 2017. – 272 с.

441. Шелер, М. Избранные произведения / М. Шелер. – Москва: Гнозис, 1994. – 490 с.

442. Шердаков, В. Н. Социально-психологический анализ христианской морали / В. Н. Шердаков. – Ленинград: Гос. музей истории религии и атеизма МК РСФСР, 1974. – 166 с.

443. Шибутани, Т. Социальная психология / Т. Шибутани. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 544 с.

444. Шледер, Б. Структура ценностных ориентаций. Эмпирическое исследование / Б. Шледер // Иностранная психология. – Москва: Институт психологии РАН. – 1994. – №20. – С. 47–56.

445. Шмелёв, А. Г. Введение в экспериментальную психо-семантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности / А. Г. Шмелёв. – Москва, 1983. – 157 с.

446. Шмелёв, А. Г. Практикум по экспериментальной психосемантики: тезаурус черт / А. Г. Шмелёв. – Москва, 1988. – 158 с.

447. Шмелев, А. Д. Русская языковая модель мира (материалы к словарю) / А. Д. Шмелев. – Москва: Язык и славянской культуры, 2002. – 224 с.

448. Шпаковский, И. И. Концептосфера рассказа В. Распутина «Изба» / И. И. Шпаковский // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. – Вып. 10. В 2 ч. Ч. 2. – Минск: ИВЦ Минфина. 2016. – С. 330–334.

449. Шпрангер, Э. Два вида психологии / Э.ю Шпрангер // История психологии (10-е – 30-е гг. Период открытого кризиса): тексты. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1992. – 364 с.

450. Эльконин, Д. Б. Психическое развитие в детских возрастах: избранные труды / Д. Б. Эльконин. – Москва; Воронеж: МОДЭК, 2001. – 417 с.

451. Эстетика: словарь / под общ. ред. А. А. Беляева [и др.]. – Москва: Политиздат, 1989. – 447 с.

452. Юдин, Б. Г. Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке / Б. Г. Юдин. – Москва: Прогресс-Традиция. – 364 с.

453. Юнусова, Р. Д. Русские и татарские фразеологизмы со значением ‘гостеприимства / кунакчылык’ как отражение межкультурной коммуникации / Р. Д. Юнусова // Теории и практики языкового плюрализма и билингвизма: междисциплинарный подход. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2006. – С. 124–125.

454. Яблоков, И. Н. Введение в религиоведение / И. Н. Яблоков. – Москва: КДУ, 2008. – 283 с.

455. Ядов, В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / В. А. Ядов, В. С. Магун, П. В. Борзикова [и др.]; под. ред. В. А. Ядова. – Л.: Наука, 1979. – 264 с.

456. Ядов, В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: курс лекций для студентов магистратуры по социологии / В. А. Ядов. 2-е изд., исправл. и доп. – Санкт-Петербург: Интерсоцис, 2009. – 138 с.

457. Якимов, П. А. О сущности понятия «религиозная лексика» в современной лингвистике / П. А. Якимов // Вестник ОГУ. – 2011. – №11 (130)/ноябрь. – С. 74–76

458. Яковлева, М. Н. Социокультурные противоречия между властью и обществом в современной России / М. Н. Яковлева // Материалы V Всероссийского социологического конгресса. – Москва: Российское общество социологов, 2016. – С. 929–939.

459. Ян Фан. Концепт «семья» в русской и китайской языковых картинах мира // Известия Томского политехнического университета. – 2013. – Т. 323. №6. – С. 250–254.

460. Янчук, В. А. Введение в современную социальную психологию / В. А. Янчук. – Минск: АСАР, 2005. – 768 с.

461. Янчук, В. А. Интегративно-эkleктический подход к анализу психологической феноменологии: словарь-справочник / В. А. Янчук; Академия постдипломного образования. – Минск, 2001. – 196 с.

Научное издание

Чэнь Ваньжоу

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
СОДЕРЖАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ**

Монография

Чебоксары, 2024 г.

Компьютерная верстка *Е. В. Кузнецова*

Дизайн обложки *М. С. Федорова*

Подписано в печать 24.04.2024 г.

Дата выхода издания в свет 27.04.2024 г.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Times. Усл. печ. л. 9,53. Заказ К-1281. Тираж 500 экз.

Издательский дом «Среда»

428005, Чебоксары, Гражданская, 75, офис 12

+7 (8352) 655-731

info@phsreda.com

<https://phsreda.com>

Отпечатано в Студии печати «Максимум»

428005, Чебоксары, Гражданская, 75

+7 (8352) 655-047

info@maksimum21.ru

www.maksimum21.ru